

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1908.

№ IX.

МАЙ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ:	Стр.
Высочайшій рескриптъ.	I
Къ вопросу объ учебникѣ Догматическаго Богословія въ духовныхъ семинаріяхъ. <i>Навла Левитова.</i>	285—292
Митрополитъ Московскій Филаретъ, какъ педагогъ. (Продолженіе). <i>Преподас. Виванской духовной семина. Андрея П. Покровскаго.</i>	293—315
Нѣмецкій протестантизмъ къ началу 20 столѣтія. (Продолженіе). <i>S. N.</i>	316—331
Свобода воли и нравственная статистика. <i>Х. Ѡ. Иванова.</i>	332—360
Практическая невозможность социализма. Соч. В. Натрейна. (Авторизованный переводъ съ 9-го нѣмецкаго изданія). (Продолженіе). <i>Священника Н. Дипскаго.</i>	361—376

II. ОТДѢЛЪ ИЗВѢСТІЙ и ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. Списокъ лицъ священнослужителей Харьковской епархіи, кои Всемилостивѣйше награждены къ 6 мая сего года за службу по епархіальному и гражданскому вѣдомствамъ.—Описокъ священниковъ Харьковской епархіи, награжденныхъ скуфьею и набедренникомъ 30 марта 1908 г.—Отъ Правленія Бузулуко-Тананьскаго Общества.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Правленія Харьковской Духов. Семинаріи.—Объявленіе. II. Изъ придворныхъ извѣстій.—Изъ практики законоучителя женской гимназіи. *Законоучителя.*—Церковно-богослужебныя впечатлѣнія. *П—ва.*—Миссіонерскій листокъ. На миссіонерскихъ курсахъ у сектантовъ. (Продолженіе).—*Миссіонера Григорія Щелкова.*—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 377—426).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Оборная пл., въ зд. Присут. мѣсть.
1908.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣла богословско-философскаго. Въ него входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изслѣненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ. Сюда же съ апологетическою цѣлію будутъ входить изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во времяязычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

2. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиный дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени»

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 4 р. 50 к. за каждый годъ; по 5 р. за 1890—1897 г., по 6 р. за 1898—1902 годы. За 1903 г. и 1904 г. 7 руб., за 1905 и 1906 г. 8 р.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 100 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго пероволь Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСВѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

4. „СОВЕСѢДОВАНІЯ“ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. благочинными, выборными отъ духовенства и другими лицами. 1906 г. Цѣна 40 к.

ВЫСОЧАЙШИЙ РЕСКРИПТЪ.

Преосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій!
Въ ознаменованіе Монаршаго вниманія къ много-
лѣтнимъ ревностнымъ трудамъ Вашимъ на поприщѣ
Архицастырскаго служенія, отмѣченнаго неослабною
попечительностью о пользѣ Святой Церкви и о ду-
ховномъ преусиѣяніи преемственно ввѣряемыхъ Вамъ
паствъ, Всемилостивѣйше жалую Вамъ знаки Импе-
раторскаго ордена *святаго благовѣрнаго великаго князя
Александра Невскаго съ брилліантовыми украшеніями.*

Поручая Себя молитвамъ Вашимъ, пребываю къ
Вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою
написано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ Царскомъ Селѣ.

Мая 6-го дня 1908 года.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Къ вопросу объ учебникѣ Догматическаго Богословія въ духовныхъ семинаріяхъ.

Въ нашихъ семинаріяхъ по изученію Догматическаго Богословія принятъ учебникъ митрополита Макарія. Безъ сомнѣнія, это лучшій учебникъ изъ всѣхъ существующихъ у насъ въ Россіи по этому предмету. Въ изложеніи учебнаго матеріала онъ держится слѣдующаго плана: сначала предлагается церковное ученіе по тому или иному вопросу, для чего приводятся выдержки изъ вѣроопредѣленій вселенскихъ соборовъ и символическихъ книгъ, затѣмъ это подтверждается свидѣтельствами изъ священнаго писанія, а иногда и преданія, наконецъ, въ рѣдкихъ впрочемъ случаяхъ, дѣлается нѣсколько краткихъ замѣчаний объ отношеніи того или другаго догмата къ разуму.

Планъ учебника, какъ видитъ читатель, простой и естественный и въ свое время онъ былъ вполне удовлетворителенъ для учащихся. Но въ наше время желательны и нѣкоторыя улучшенія. Эти улучшенія касаются частію расширенія содержанія плана, а частію—сокращенія.

Особенно бросается въ глаза отсутствіе въ немъ исторіи догматовъ и въ зависимости отъ этого его чисто дедуктивный, можно сказать, математическій методъ. Церковное ученіе представляется здѣсь неизвѣстно откуда взявшимся и дается какъ бы въ качествѣ теоремы, которую требуется доказать библейскими и святоотеческими цитатами. Какимъ образомъ церковь пришла къ извѣстному догматическому вѣроопредѣленію, почему послѣднее формулировано такъ, а не иначе, какая творческая работа ему предшествовала,—все это остается неизвѣстнымъ, для учащихся. А между тѣмъ каждое слово, можно

сказать, каждая буква соборныхъ догматическихъ вѣроопредѣленій представляютъ изъ себя результатъ напряженной работы мысли золотого періода богословской науки, являются плодомъ продолжительной борьбы съ ересями, не только продуманнымъ, но и выстраданнымъ отцами и учителями церкви.

Въ новомъ учебникѣ по Догматическому Богословію долженъ быть устраниенъ этотъ недостатокъ. Истины православно-христіанской вѣры должны изучаться на исторической почвѣ, причемъ желательно установленіе между ними генетической связи. Нельзя оспаривать того, что и въ настоящее время курсъ митрополита Макарія представляетъ изъ себя стройную систему, но только система эта логическая, формальная, а не историческая, внутренняя. Учащіеся хорошо знаютъ въ какомъ логическомъ отношеніи стоятъ между собою догматы, напр., о грѣхопадении, искупленіи, освященіи и т. п., по какъ они постепенно раскрывались въ церковномъ сознаніи, вытекая другъ изъ друга, этого не представляютъ.

Вмѣстѣ съ этимъ излишнимъ представляется намъ въ учебникѣ митрополита Макарія чрезмѣрное обиліе въ немъ такъ называемыхъ текстовъ, крайне обременительныхъ для памяти учащихся. А между тѣмъ въ немъ нѣтъ никакой нужды. Тексты въ богословскихъ системахъ имѣютъ двойное значеніе. Во 1) они служатъ доказательствами истинности того или другого церковнаго ученія, согласія его съ Словомъ Божиимъ; во 2) разъясняютъ извѣстный догматъ, точнѣе опредѣляютъ, какой смыслъ надобно соединять съ тѣмъ или инымъ членомъ вѣры. Но для достиженія первой цѣли достаточно привести по одному важнѣйшему тексту на каждое догматическое или нравственное положеніе. Для убѣжденія человѣка, вѣрующаго въ авторитетъ священныхъ книгъ, этого будетъ вполне достаточно, а для невѣрующаго, сколько бы текстовъ мы ни приводили, они не будутъ имѣть никакого значенія. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, по моему мнѣнію, можно было бы обойтись совсѣмъ безъ текстовъ. Это тогда, когда извѣстная истина не вызываетъ никакихъ сомнѣній и возраженій, когда она очевидна для разума и нравственнаго сознанія. Таково, на примѣръ, ученіе о свойствахъ Божіихъ. Что Богъ благъ, справедливъ,

всемогущъ, вездѣсущъ, неизмѣняемъ—это едва ли нуждается въ какомъ либо подробномъ обоснованіи. Всякій знаетъ, что въ Библии содержится объ этомъ тысяча свидѣтельствъ, да если бы и не было ни одного, это едва ли побудило бы когонибудь изъ вѣрующихъ въ личнаго Бога отрицать принадлежность Ему этихъ свойствъ. При изложеніи подобныхъ истинъ можно приводить мѣста св. Писанія лишь для второй изъ указанныхъ цѣлей, для болѣе детальнаго ихъ уясненія и для того, чтобы вѣрующіе могли составить себѣ по тому или другому отвлеченно—догматическому вопросу болѣе конкретное представленіе. Такое значеніе можетъ имѣть, на примѣръ, текстъ: „Камо пойду отъ Духа Твоего“... при изученіи свойства Божественнаго вездѣсущія.

Самъ составитель семинарскаго учебника по догматикѣ, митрополитъ Макарій, въ предисловіи къ своему труду говоритъ: „нѣтъ нужды приводить всѣ мѣста Писанія, которыя только могутъ относиться къ извѣстному догмату, а достаточно привести одни мѣста яснѣйшія, такъ называемыя классическія“ (стр. 10). Но на самомъ дѣлѣ онъ нисколько не руководствуется этимъ принципомъ и пользуется всякимъ поводомъ, чтобы привести какъ можно больше текстовъ изъ ветхаго и новаго Завѣта. Этому способствуетъ еще излишняя дробность его системы, множество раздѣленій и подраздѣленій, при чемъ авторъ, какъ-бы забывая о томъ логическомъ законѣ, по которому изъ справедливости общаго сама собою вытекаетъ справедливость частнаго, считаетъ нужнымъ, доказавши истинность перваго, приводить библейскія основанія и для подтвержденія втораго. А между тѣмъ въ этомъ нѣтъ никакой нужды. Разъ, на примѣръ, доказано, что Господь Иисусъ Христосъ избавилъ насъ отъ всякаго грѣха, то становится уже совершенно излишнимъ приводить многочисленныя тексты для подтвержденія того, что Онъ искупилъ насъ отъ грѣховъ первороднаго, личныхъ, прошедшихъ, будущихъ и т. д. Разъ мы не сомнѣваемся въ томъ, что Богъ знаетъ все, будетъ уже напрасною тратою времени доказывать, что Онъ знаетъ міръ физическій, нравственный, небо, землю, адъ, прошедшее, будущее, необходимое, случайное и проч.

Но и тѣхъ классическихъ мѣстъ, которыя необходимы для доказательства извѣстныхъ истинъ вѣры и нравственности, нѣтъ нужды заучивать всѣ обязательно наизусть и притомъ по славянской Библии. Достаточно сознательной и толковой передачи ихъ по содержанию на родномъ русскомъ языкѣ. Изученіе текстовъ нѣкоторымъ дается легко, но для большинства составляетъ настоящую муку. Есть воспитанники, которые въ силу особой организаціи своего ума, скорѣе согласились бы приготовить нѣсколько страницъ, излагая ихъ своими словами, чѣмъ выучить нѣсколько строчекъ наизусть. Трудность буквального заучиванья увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что тексты приводятся обыкновенно по славянски и вслѣдствіе этого бываютъ не вполне поняты. Сюда слѣдуетъ присоединить спеціальную тяжеловѣсность и неуклюжесть славянскихъ оборотовъ, дѣлающихъ особенно обременительнымъ для памяти ихъ заучиваніе.

Основаніемъ того, почему тексты обыкновенно приводятся по славянской Библии, выставляется то обстоятельство, что славянскій языкъ есть языкъ богослужебный, наиболее точный, выразительный, звучный и, главное, священный, соотвѣтствующій важности излагаемаго предмета. Но если бы мы и согласились признать за нимъ всѣ эти качества, они уничтожались бы однимъ его недостаткомъ—малопонятностью. И какими бы разъясненіями ни сопровождалось въ настоящее время заучиванье текстовъ, оно все же въ значительной степени носитъ механическій характеръ. Центръ вниманія воспитанниковъ настолько сосредоточивается на изученіи самыхъ словъ, что содержаніе и внутренній смыслъ послѣднихъ отодвигаются на задній планъ. Такимъ образомъ, на чисто механическую работу тратится огромная сумма энергіи, которая могла бы быть употреблена на болѣе глубокое усвоеніе догматовъ и пониманіе ихъ взаимоотношенія. Конечно, всѣхъ этихъ затрудненій не было бы, если бы текстъ Славянской Библии былъ подновленъ, что давно желательно.

Противъ передачи текстовъ своими словами указываютъ на то, что иногда вся суть дѣла, вся доказательная сила извѣстнаго мѣста Св. Писанія заключается въ какомъ нибудь от-

дѣльномъ словѣ или выраженіи, а между тѣмъ оно можетъ быть опущено учащимися, если не заставляютъ ихъ запоминать тексты буквально. Но во 1) такихъ библейскихъ свидѣтельствъ, значеніе которыхъ опредѣлялось бы однимъ какимъ нибудь заключающимся въ нихъ словомъ, а не общимъ ихъ смысломъ, сравнительно немного, а во 2) кто же мѣшаетъ преподавателю въ подобныхъ случаяхъ подчеркивать столь важные элементы текстовъ и даже предлагать учащимся запомнить ихъ наизусть. Въ настоящее же время заучиваются на память не только тѣ слова и выраженія, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ дѣлу, но и значительныя отрывки изъ ихъ контекста, имѣющіе для нихъ значеніе рамокъ, показывающіе ихъ связь съ предыдущимъ и послѣдующимъ.

Объ отношеніи догматовъ къ разуму въ руководствѣ митрополита Макарія почти ничего не говорится. А между тѣмъ не обращать или мало обращать вниманіе на эту сторону дѣла ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, особенно въ виду духа отрицанія и сомнѣнія, господствующихъ въ современномъ обществѣ. Какъ заявляли еще отцы и учителя церкви, христіанство не боится естественнаго свѣта разума, такъ какъ оно вполне отвѣчаетъ всѣмъ высочайшимъ требованіямъ чело-вѣческаго духа. Даже тогда, когда разсудочнымъ способомъ нельзя прямо доказать непреложности христіанскихъ истинъ, раціональныя соображенія могутъ имѣть всетаки немаловажное значеніе. Они показываютъ, что догматы вѣры имѣютъ для себя въ нашей психикѣ нѣкоторыя основанія, что они не стоятъ въ противорѣчій съ требованіями нашего нравственнаго сознанія и разума, а слѣдовательно и съ точки зрѣнія послѣдняго не представляются чистымъ противорѣчіемъ.

Внесеніе въ догматическую науку умозрительнаго элемента нужно не только для защиты истинъ вѣры отъ нападеній со стороны раціонализма, но и для ихъ собственнаго надлежащаго уразумѣнія. Такъ, напримѣръ, пониманіе церковно-библейскаго ученія о свойствахъ Божіихъ совершенно немислимо внѣ связи съ общеметафизическими соображеніями. Нельзя уяснить себѣ, въ чемъ заключаются божественныя вездѣсущіе, вѣчность, неизмѣняемость безъ предварительнаго гносеологи-

ческаго анализа идей пространства и времени. Раскрытіе характера божественнаго познанія и его отличія отъ человѣческаго необходимо должно сопровождаться разсужденіями объ относительности человѣческой природы вообще и его умственныхъ способностей въ частности. Изложеніе догмата о св. Троицѣ предполагаетъ совмѣстное разъясненіе понятія о существѣ и лицѣ, каковое уже вводитъ насъ въ область раціональной психологіи. Говоря о воскресеніи тѣлъ, нельзя обойти молчаніемъ естественно-научный законъ о значеніи элементовъ матеріи и духовной энергіи и вѣчномъ круговоротѣ міровой жизни и т. п.

Новый учебникъ по Догматическому Богословію въ широкихъ размѣрахъ долженъ пользоваться обще-философскими, научными и этико-психологическими данными. Особенно это будетъ необходимо въ томъ случаѣ, если христіанская апологетика сѣзультатомъ своей задачи, занявшись исключительно доказательствами фактической дѣйствительности сверхъестественныхъ библейскихъ событій. Но если даже программа по Основному Богословію останется тою же, какова она теперь, то и тогда не устранится нужда въ раціональномъ обоснованіи христіанскихъ догматовъ. Это потому, что апологетика имѣетъ дѣло лишь съ самыми общими и основными истинами вѣры. Философское оправданіе частныхъ ея членовъ можетъ и должно быть производимо уже въ другихъ богословскихъ наукахъ.

Въ настоящее время въ курсъ Догматическаго Богословія включены такіе вопросы, "которые входятъ въ объемъ и другихъ семинарскихъ наукъ, напримѣръ, о почитаніи иконъ, мощей и святыхъ, о молитвахъ за умершихъ, объ отношеніи между членами церковной іерархіи и ихъ правахъ, о внѣшней сторонѣ таинствъ. Всего этого касаются сравнительное и нравственное богословія, обличеніе сектантства, литургика и практическое руководство для пастырей. Кромѣ того, преподаватель догматики, согласно требованію программы, долженъ указывать отличіе православнаго ученія по тому или иному вопросу отъ ученія церковей римско-католической и протестанской.

По нашему мнѣнію, Обличительное Богословіе, какъ самостоятельный предметъ, могло бы быть, если не совершенно уничтожено, то въ значительной степени сокращено въ семинаріи. Различіе въ вѣроученіи между православною и инославными церквами стало бы указываться на урокахъ догматики, способствуя положительному уясненію и раскрытію православныхъ догматовъ, а обрядово-каноническія отступленія западныхъ христіанъ составили бы особый прикладной отдѣлъ практическаго руководства и литургики. Но пока эта наука существуетъ и пока ея единственною задачею является опроверженіе католическихъ и протестантскихъ заблужденій, возлагать ту же самую работу и на учителя догматики не только совершенно бесполезно, но и прямо вредно. Во 1) это отвлекаетъ его отъ прямого дѣла и отнимаетъ у него время, а во 2) дурно отзывается на отношеніи учащихся къ изучаемому предмету. Опытъ показываетъ, что воспитанники всего хуже знаютъ тѣ именно отдѣлы, которые повторяются въ разныхъ наукахъ. Это объясняется отчасти тѣмъ, что ни одинъ преподаватель не сосредоточиваетъ на нихъ полного своего вниманія, полагаясь на другого, отчасти особой психологіей учащихся. Частое повтореніе одного и того же вызываетъ у нихъ нѣчто въ родѣ пресыщенія и оскомины вмѣстѣ съ сознаниемъ того, что на этомъ нѣтъ нужды особенно останавливаться, такъ какъ все это много разъ слыхано и давнымъ давно извѣстно.

По указанной причинѣ мы находили бы цѣлесообразнымъ, чтобы въ новомъ учебникѣ по Догматическому Богословію не было тѣхъ отдѣловъ, которые составляютъ въ настоящее время предметъ другихъ семинарскихъ наукъ. Въ замѣнѣ этого въ немъ должно быть обращено особенное вниманіе на уясненіе тѣхъ чисто догматическихъ положеній, которыя или больше всего вызываютъ недоумѣній или чаще всего подвергаются перетолкованіямъ. А сообразно съ этимъ должны быть разработаны вопросы о догматическомъ развитіи церкви, о различіи между догматомъ и частнымъ богословскимъ мнѣніемъ, о степени обязательности символическихъ книгъ, объ основаніяхъ вѣнненія первороднаго грѣха, о возможности искупленія, о непогрѣшимости церкви, о возможности или невозможности

спасенія внѣ православія, о средоточіи церковной власти, о разграниченіи между догматической и канонической стороною таинствъ и значеніи той и другой для ихъ дѣйствительности и дѣйственности. о возможности или невозможности самоопредѣленія послѣ смерти, о воскресеніи, мертвыхъ, о вѣчности мученій.

Высказывая эти пожеланія, мы желали бы вызвать сужденіе и другихъ лицъ, быть можетъ, болѣе насъ компетентныхъ по этому вопросу. Во всякомъ случаѣ, остаемся съ несомнѣнными убѣжденіями, что предметъ этотъ очень серьезный, особенно въ наше время.

Павелъ Левитовъ.

Митрополитъ Московскій Филаретъ, какъ педагогъ.

(Проложеніе *).

II

Воспитаніемъ ребенка на строго религіозной почвѣ и подъ руководствомъ церкви не должно медлить. Его слѣдуетъ начать, по мнѣнію митрополита Филарета, возможно скорѣе послѣ возрожденія дитяти къ новой жизни въ таинствѣ крещенія, пока дѣтское сердце еще не омрачилось страстями. „Спѣшите“, заповѣдуетъ святитель всѣмъ христіанскимъ родителямъ, „сѣять сѣмя слова Божія на землѣ сердца, орошенной живою водою святаго крещенія и еще незаросшей плевелами грѣховъ произвольныхъ и терніемъ ложныхъ и суетныхъ помысловъ. Не очевидна ли здѣсь надежда добраго роста посѣяннаго и обильнаго плода? Какъ упредившіе ростомъ плевелы и терніе подавляли бы пшеницу: такъ упредившая ростомъ и силою пшеница будетъ препятствовать возникнуть и усилиться плевеламъ и тернію“¹⁾. „Если у тѣхъ, которые, въ первыя времена христіанства, въ полномъ возрастѣ, при свободномъ употребленіи разсудка, по внутреннему убѣжденію, прошли сквозь всеочистительную баню крещенія, послѣ, по времени, оказывались на ризѣ души болѣе или менѣе мрачныя пятна; то что сказать о насъ, которыхъ благодать крещенія посѣтила безъ нашего вѣдома? Важное преимущество быть ограждену святынею крещенія прежде, нежели прирожденное сѣмя грѣха развилось и разраслось въ грѣхахъ произвольныхъ; но довольно ли вѣрно воспользовались для насъ симъ преимущест-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 8 за 1908 г.

1) Слова и рѣчи, т. V, стр. 272; ср. т. IV, стр. 611.

вомъ наши родители, воспріемники, воспитатели, наконецъ мы сами для себя? 1)

Первыми и самыми главными воспитателями дѣтей должны быть родители. Это—ихъ „долгъ, возлагаемый на нихъ природою, а слѣдственно и ея Создателемъ“ 2). Природа „говоритъ въ сердцахъ родителей въ пользу дѣтей, и неудивительно: жизнь родителей чувствуетъ свою отрасль въ жизни дѣтей и естественно хочетъ, чтобы она росла и цвѣла“ 3). Примѣръ „безсловесныхъ“ побуждаетъ всѣхъ родителей заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей. „Большая часть изъ нихъ“ не только „питаютъ своихъ дѣтей, охраняютъ съ заботливостію и ревностію“, но „и учатъ своихъ дѣтей тому, что принадлежитъ къ свойственному ихъ жизни совершенству“. „Человѣкъ же сильнѣе, нежели безсловесныхъ, влечетъ природа къ попеченію о дѣтяхъ внутреннимъ побужденіемъ и нудитъ необходимостію внѣшнею. Въ безсловесныхъ привязанность къ дѣтямъ оканчивается съ незрѣlostію ихъ возраста: въ человѣкѣ она простирается далѣе и остается навсегда. Дѣти безсловесныхъ скорѣе и съ меньшими пособіями выходятъ изъ состоянія безпомощности и незрѣлости, нежели дѣти человѣка“. Далѣе, „природа въ самыхъ дѣтяхъ говоритъ за нихъ и еще прежде, нежели они говорятъ умѣютъ: видъ младенца умягчаетъ и не родительское сердце, и, если онъ безпомощенъ, влечетъ къ тому, чтобы оказать ему помощь“ 4). Особенная судьба человечества также внушаетъ родителямъ попеченіе о надлежащемъ воспитаніи дѣтей. „Человѣкъ рождается, зараженный прародительскимъ грѣхомъ“ 5), „съ несовершенствами жизни и природы, какъ послѣдствіями и признаками ея поврежденія прародительскимъ грѣхомъ, въ началѣ произвольнаго, а потомъ уже наслѣдственнаго“ 6). Но „человѣкъ, зачатый въ беззаконіяхъ и рожденный во грѣхахъ, долженъ быть очищенъ и возведенъ къ совершенству небесному“. „Жалкое начало и вы-

1) Слова и рѣчи, т. III, стр. 321—322.

2) Ibidem, т. IV, стр. 77.

3) Ibidem, т. III, стр. 347; ср. Душеполезное Чтеніе, 1862 г., ч. III, стр. 134.

4) Слова и рѣчи, т. III, стр. 347—348.

5) Ibidem, т. V, стр. 246.

6) Ibidem, т. III, стр. 348.

сокое назначеніе вдругъ и печальнымъ и торжественнымъ голосомъ говоритъ родителямъ: попекитесь о дѣтяхъ“¹⁾. Наконецъ, слово Божіе (Еф. VI, 4) и крещеніе дѣтей по вѣрѣ родителей возлагаютъ на послѣднихъ обязанность воспитанія дѣтей²⁾.

Послѣ родителей первое мѣсто въ дѣлѣ домашняго воспитанія дѣтей должны занимать восприемники. Воспринимая младенцевъ отъ купели крещенія, они ручаются предъ лицомъ Самого Бога за будущую вѣру и христіанскую жизнь крещаемыхъ. Поэтому, они „обязаны научить“ воспринятыхъ ими отъ святой купели „вѣрѣ, когда они будутъ приходить въ возрастъ“. „Для того и бывають при крещеніи восприемники, чтобы поручиться предъ Церковью за вѣру крещаемого, и по крещеніи принять его въ свое попеченіе, для утвержденія его въ вѣрѣ“³⁾.

Помимо родителей и восприемниковъ, воспитателями дѣтей могутъ быть, по воззрѣніямъ митрополита Филарета, и спеціально, нарочно для этого панимаемая чужія лица: кормилица, няня, надзиратель или надзирательница и т. п.⁴⁾. „Нерѣдко къ одному воспитываемому призываются многіе наставники“⁵⁾. Однако, эти сторонніе воспитатели не должны совсѣмъ исключать заботы о дѣтяхъ самихъ родителей. Имъ можно поручать первоначальное воспитаніе дѣтей только въ случаѣ крайней нужды и притомъ не всецѣло. Святитель Филаретъ считаетъ нерадѣніемъ о дѣтяхъ, „если они по опыту принадлежатъ кормилицѣ, нянѣ, надзирателю, надзирательницѣ долѣе, нежели отцу и матери, и болѣе, нежели то нужно“. „Природа, или лучше Творецъ природы“,—говоритъ онъ далѣе,—„одной и той же особѣ матери даетъ и млеко кормилицы, и заботливость няни. Правда, что раздѣлять сіи служенія нерѣдко, больше или меньше, заставляють то немощь матери, то ея другія обязанности; но если сіе дѣлается только по склонности къ беззаботной жизни, по необдуманному под-

1) Слова и рѣчи, т. III, стр. 349.

2) Правосл. вѣстн. м. Филарета, изд. 1842 г., стр. 81, 155.

3) Ibidem, стр. 81, 82.

4) Слова и рѣчи, т. III, стр. 350.

5) Ibidem, т. V, стр. 250.

ражанію примѣрамъ подобной безопасности: то лучше бы подумать доброй матери, отнимать ли мать вдругъ у двухъ младенцевъ, — и у младенца кормилицы, и у своего собственнаго, и заставлятъ ли своего младенца пить изъ груди кормилицы, можетъ быть, тоску по оставленномъ ею собственномъ дѣтищѣ, вмѣсто того, чтобы онъ пилъ любовь изъ груди своей матери. Мать, которая кормитъ и носитъ на рукахъ своего младенца, отецъ, который въ минуты отдыха отъ своихъ дѣлъ также беретъ его на руки и учитъ его первымъ наименованіямъ того, что священно и любезно, — они дѣлаютъ и прекрасное и важное дѣло; они наслаждаются сими занятіями, дитя также наслаждается; и въ то же время любовь и доброта родительская непрестанно сѣютъ въ сердцѣ дитяти сѣмена дѣтской любви и доброты, и раннимъ и обильнымъ сѣяніемъ приготовляютъ многоплодную жатву“ ¹⁾. Митрополитъ Филаретъ открыто и строго обличаетъ и осуждаетъ тѣхъ родителей, которые, безопасно покидая своихъ дѣтей на надзирателей и наставниковъ, спѣшатъ сами на увеселительныя зрѣлища, гдѣ игрушка—вещь, или игрушка—человѣкъ всецѣло поглощаютъ и занимаютъ ихъ воображеніе, умъ и сердце ²⁾.

Самое воспитаніе должно быть строго религіозно-нравственнымъ. „Давайте дѣтямъ“, постоянно внушаетъ святитель Филаретъ родителямъ, „воспитаніе благочестивое и нравственное, сообразно съ закономъ Божиимъ“ ³⁾, „воспитывайте въ наказаніи и ученіи Господни, то есть: словомъ и дѣломъ руководствуйте дѣтей къ жизни благочестивой и честной по ученію Христову“ ⁴⁾. Такого воспитанія дѣтей митрополитъ Филаретъ требуетъ отъ родителей на томъ, прежде всего, основаніи, что только оно одно можетъ содѣйствовать человѣку въ надлежащемъ осуществленіи имъ своего назначенія и достиженіи вѣчнаго спасенія. „Самое простое воспитаніе по правиламъ истиннаго благочестія и чистой нравственности можетъ образовать добраго гражданина царству земному, способнаго и къ небесному гражданству“ ⁵⁾. Далѣе, только одно благочестивое вос-

¹⁾ Слова и рѣчи, т. V, стр. 250—251; ср. т. II, стр. 169.

²⁾ Ibidem, т. IV, стр. 247.

⁴⁾ Ibidem, т. V, стр. 250.

³⁾ Ibidem, т. V, стр. 474.

⁵⁾ Слова и рѣчи, т. V, стр. 475.

питаніе, по мнѣнію святителя, можетъ доставить семейное счастье родителямъ и принести пользу обществу съ государствомъ. „Истинное благочестіе въ дѣтяхъ не можетъ не соединяться съ истинною любовью и почтеніемъ ихъ къ родителямъ, со всегдашнею готовностію быть полезными для нихъ во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни“¹⁾. „Отецъ семейства, дающій дѣтямъ своимъ воспитаніе благочестивое и нравственное, можетъ надѣяться отъ себя потомства многочисленнаго, уважаемаго и благополучнаго“; тогда какъ нерадующему о религіозно-нравственномъ воспитаніи дѣтей отцу „угрожаетъ противное“²⁾. Правда, бываетъ, что и лишенные благочестиваго воспитанія дѣти, пришедши въ возрастъ, „держатъ себя степенно и прилично, не дозволяютъ себѣ грубыхъ нарушеній долга и принятыхъ въ общежитіи обычаевъ, дѣла свои ведутъ искусно и благоуспѣшно, на службѣ исправны, въ обществѣ успѣли занять видное положеніе, къ родителямъ относятся съ почтеніемъ и услужливостію“. Однако, „если въ дѣтяхъ недостаетъ благочестія, то прочно-ли все это? Кому неизвѣстно, какъ непостоянны блага этого міра, какъ часто приходятъ въ застои и разстраиваются цвѣтуція дѣла, какъ ненадежно самое почтеніе къ родителямъ, неоснованное на благочестіи, какъ мало счастья въ супружеской жизни, если супруги или оба не тверды въ благочестіи, или одинъ не сочувствуетъ благочестію другого, и даже глумится надъ его набожностію“? „Главными условіями для счастья семейной жизни“ служатъ: „страхъ Божій въ сердцахъ супруговъ, духъ благочестія, расположеніе къ молитвѣ и чтенію слова Божія“. Поэтому, „только тѣ дѣти могутъ быть предметомъ истинной радости родителей, которыя являются вмѣстѣ чадами Отца небеснаго любящими Его, благоговѣющими предъ Нимъ“³⁾. Получая отъ благочестиваго воспитанія дѣтей личное счастье, родители въ то же время принесутъ большую пользу и обществу съ государствомъ. Послѣднія тѣсно связаны съ семьей. „Семейство древнѣе государства. Человѣкъ, супругъ, супруга,

1) Душеполезное Чтеніе, 1862 г., ч. III, стр. 146.

2) Слова и рѣчи, т. V, стр. 474.

3) Душеполезное Чтеніе, 1862 г., ч. III, стр. 144—145, 141.

отецъ, сынъ, мать, дочь и свойственныя симъ наименованіямъ должности и добродѣтели существовали прежде, нежели семейство разрослось въ народъ и образовалось государство. Посему жизнь семейная въ отношеніи къ жизни государственной есть нѣкоторымъ образомъ корень дерева. Чтобы дерево зеленѣло, цвѣло и приносило плодъ, надобно, чтобы корень былъ крѣпокъ и приносилъ дереву чистый сокъ. Такъ, чтобы жизнь государственная сильно и правильно развивалась, процвѣтала образованностію, приносила плодъ общественнаго благоденствія—для сего надобно, чтобы жизнь семейная была крѣпка благословенною любовію супружескою, священною властію родительскою, дѣтскою почительностію и послушаніемъ, и чтобы вслѣдствіе того изъ чистыхъ стихій жизни семейной естественно возникали столь же чистыя начала жизни государственной, чтобы съ почитаніемъ къ родителю родилось и росло благоговѣніе къ Государю, чтобы любовь дѣтища къ матери была предъиграніемъ любви къ отечеству, чтобы простодушное послушаніе домашнее приготавливало и руководствовало къ самоотверженію и самозабвенію въ повиновеніи законамъ и священной власти Самодержца, дѣйствующей непосредственно, или чрезъ начальства отъ него поставленныя. Изъ семейства составляется государство, и члены семействъ образуются въ члены великаго состава государственнаго. Чѣмъ болѣе здравыхъ членовъ семейство представляетъ въ распоряженіе государства, чѣмъ вѣрнѣе приготовлена и сбережена домашняя честность и доброта къ употребленію въ подвиги и добродѣтели на поприщѣ жизни общественной, тѣмъ лучше для государства. Сила общей жизни, безъ сомнѣнія, полнѣе и совершеннѣе можетъ проявлять себя въ движеніяхъ членовъ здравыхъ и неповрежденныхъ. Отсюда ясно, что, „если отцы и начальники семействъ содержатъ своихъ домашнихъ въ порядкѣ и послушаніи, вселяютъ въ нихъ страхъ Божій, любовь къ ближнимъ, вѣрность къ Государю и отечеству, бдительнымъ смотрѣніемъ охраняютъ ихъ нравы“,—короче и иначе говоря, даютъ своимъ домашнимъ благочестивое воспитаніе,— „они таковымъ дѣйствованіемъ совершаютъ въ пользу государства служеніе, котораго благія послѣдствія могутъ простираются

даже до потомства“¹⁾). Кромѣ того, родители могутъ надѣяться и даже быть увѣренными, что за религіозно-нравственное воспитаніе своихъ дѣтей они получаютъ ту же награду отъ Бога, какой удостоился нѣкогда патриархъ Авраамъ. „Богъ даровалъ Аврааму“ за благочестивое воспитаніе имъ своего дома „благословенную будущность“; „безъ сомнѣнія, Онъ также даруетъ благую будущность, личную-ли, потомственную-ли, каждому, кто, заповѣдавъ благочестіе во-первыхъ себѣ самому, силою благочестія же дѣйствуетъ и на зависящихъ отъ него, ревнуя о распространеніи онаго между ближними, и споспѣшествуя утвержденію онаго на времена грядущія“²⁾).

Главными воспитательными средствами, по мнѣнію митрополита Филарета, должны служить церковныя таинства, молитва, наставленіе дѣтей въ истинахъ вѣры и добрый примѣръ.

Прежде всего, конечно, святитель Филаретъ требуетъ отъ всѣхъ христіанскихъ родителей крещенія дѣтей³⁾). Для поддержанія же и укрѣпленія обновленныхъ въ таинствѣ крещенія духовныхъ сплъ дѣтей надлежитъ приобщать послѣднихъ Св. Тѣла и Крови Христовыхъ. Митрополитъ Филаретъ обличаетъ въ нарушеніи заповѣди Божіей тѣхъ родителей, „которые не допускаютъ до святыхъ таинъ младенцевъ и малолѣтныхъ до извѣстнаго возраста“⁴⁾).

Возможно ранѣе совѣтуетъ святитель приучать дѣтей и къ молитвѣ. Молитва имѣетъ двѣ стороны,—нравственную и догматическую: дѣйствуя на сердце, она, по самому свойству своему, назидаетъ и просвѣщаетъ умъ молящихся, озаряя его свѣтомъ Богопознанія. Поэтому, „дѣтей хорошо учить молитвамъ“⁵⁾), „хорошо рано приучать дѣтей къ молитвѣ“⁶⁾). „Приучайте рбенка“,—пишетъ Филаретъ въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ наказа смотрительницамъ дѣтскихъ приютовъ,—„слушать или читать молитвы съ благоговѣніемъ и въ почтительномъ положеніи; онъ не пойметъ еще всѣхъ словъ молитвы, но пойметъ чувство, выражаемое поникновеніемъ го-

1) Слова и рѣчи, т. IV, стр. 76—77. 3) Ibidem, т. III, стр. 322.

2) Слова и рѣчи, т. III, стр. 269. 4) Ibidem, т. IV, стр. 39.

5) Письма м. Филарета къ архим. Аятопію, ч. I, стр. 314.

6) Собр. мнѣн. и огъ., т. II, стр. 256.

ловы, крестнымъ знаменіемъ, колѣнопреклоненіемъ; наружное движеніе воздѣйствуетъ на его внутренность“ ¹⁾).

Съ раняго же возраста родители и другіе домашніе руководители дѣтей должны наставлять ихъ въ религіозно-нравственныхъ истинахъ. „Первымъ дѣломъ образованія дитяти должно быть образованіе въ вѣрѣ, преподаніе ему начальныхъ истинъ ея“ ²⁾). „Благоразумны и счастливы были родители еврейскіе, которые, изъ Писанія и Преданія получивъ нѣкоторое познаніе о грядущемъ Христѣ и съ вѣрою ожидая Его пришествія, старались и въ дѣтяхъ своихъ рано засвѣтить нѣкоторый свѣтъ сего познанія, и согрѣть сердца ихъ сею вѣрою. Ихъ стараніе принесло прекрасный плодъ: ихъ дѣти еще въ незрѣломъ возрастѣ сдѣлались превосходными проповѣдниками славы Христовой (они встрѣтили Спасителя въ Іерусалимскомъ храмѣ возгласами: осанна Сыну Давидову!). Благоразумны и должны быть счастливы родители христіанскіе, а также и руководители дѣтей христіанскихъ, которые стараются, сколь можно, рано преподать дѣтямъ простыя, но чистыя и свѣтлыя понятія о Богѣ и о Христѣ, и возбудить въ сердцахъ ихъ чувство благоговѣнія, вѣры и любви къ Богу и Христу“ ³⁾). Само собою разумѣется, что „преподаніе ребенку начальныхъ истинъ вѣры“ должно быть „въ такомъ видѣ, какъ онѣ для него могутъ быть понятны“. „Въ семь возрастѣ надлежитъ развить въ немъ чистое, простое вѣрованіе въ могущество, святость и благодать Бога, создавшаго все, любящаго все доброе, осуждающаго грѣхъ, но милующаго и спасающаго грѣшниковъ раскаявающихся и желающихъ исправленія“ ⁴⁾). Родители и другіе воспитатели маленькихъ дѣтей должны быть удобопонятны имъ въ своихъ наставленіяхъ, должны снизойти до дѣтскаго пониманія, дать дѣтямъ самыя простыя и конкретныя уроки вѣры и нравственности. „Доводите ребенка“, наставляетъ Филаретъ, „до мысли о Божествѣ постепенно, скажите ему языкомъ понятнымъ: ты видишь во-кругъ себя разныя вещи и знаешь, что каждая изъ нихъ

¹⁾ Ibidem, т. дополнит., стр. 45.

²⁾ Ibidem, стр. 43.

³⁾ Слова и рѣчи, т. V, стр. 271—272.

⁴⁾ Собр. жит. и отв., т. дополнит., стр. 43—44.

къмъ-нибудь сдѣлана; домъ построенъ архитекторомъ; картину написалъ живописецъ; цвѣты посадилъ и выростилъ садовникъ; ничто само собою не дѣлается; итакъ, надобно тебѣ знать, кто сдѣлалъ свѣтлое солнце, небо, звѣзды, все сіе сотворилъ Богъ, общій Отецъ нашъ, Отецъ всѣхъ людей; Онъ вездѣ, хотя мы Его и не видимъ, Онъ знаетъ все, что мы дѣлаемъ, слышитъ все, что мы говоримъ, даже все, что мы думаемъ; безъ Него ни трава, ни хлѣбный колосъ, ни цвѣты не могли бы вырости; животныя бы не жили; ничто не существуетъ безъ Его воли; твоя мать добра, любитъ тебя, но Богъ безконечно больше благъ, и больше любитъ тебя; твой отецъ трудится, чтобъ пропитать тебя, но Богъ безконечно больше дѣлаетъ для всѣхъ людей, нежели всѣ люди вмѣстѣ могутъ сдѣлать“¹⁾. Когда же дѣти съ большимъ, по мѣрѣ ихъ возраста, раскрытіемъ своего сознанія сдѣлаются способными усвоить и болѣе трудныя свѣдѣнія и, въ силу своей любознательности, будутъ задавать разнаго рода вопросы,—родители и воспитатели ихъ должны удовлетворить дѣтскую любознательность, дать дѣтямъ отвѣты на ихъ вопросы, сообщить имъ необходимыя свѣдѣнія. Однако и въ такихъ случаяхъ необходимо примѣняться къ возрасту и пониманію дѣтей, всякія трудныя и обширныя познанія, какъ недоступныя для дѣтей до школьнаго возраста, откладывать до времени, когда дѣти будутъ учиться въ настоящихъ школахъ. „Подробное изученіе догматовъ вѣры должно быть предоставлено настоящимъ училищамъ. Но нельзя оставить христіанское дитя безъ указанія на христіанскіе догматы до самаго вступленія въ училище. Когда будете учить его молиться съ крестнымъ знаменіемъ; когда во время молитвы обратите взоръ его на образъ Господа Іисуса распятаго, или, яко младенца, носимаго на рукахъ Пресвятыя Дѣвы: дѣтская любознательность потребуетъ у васъ отчета, что это значитъ? Тогда начинайте питать юную душу христіанствомъ; только умѣйте примѣняться къ возрасту; предлагайте простое словесное млеко младенцу природы, вмѣстѣ и благодати. Скажите, что Богъ невидимый, именно Сынъ Божій, любя человѣковъ, восхотѣлъ быть видимъ и жить съ ними; для того родился отъ

¹⁾ Ibidem, стр. 43.

Пресвятая Дѣвы, и жилъ на землѣ, какъ человѣкъ, чтобы научить насъ свято жить; что Онъ восхотѣлъ даже пострадать и умереть на крестѣ, чтобы очистить насъ отъ грѣховъ; но умерши, какъ человѣкъ, какъ Богъ, въ третій день воскресъ, вознесся на небо, и царствуетъ на небѣ и на землѣ, и спасаетъ насъ, когда мы молимся, угождаемъ Ему, вѣруемъ въ Него, и во грѣхахъ просимъ у Него прощенія. Передавайте сіе не какъ непостижимый догматъ, но какъ чудесный рассказъ; и онъ возбудитъ вниманіе и возвыситъ душу дѣтища, и ваше благоговѣніе и любовь къ Спасителю отразится въ ней и приготовитъ ее къ высшему разумѣнію въ свое время“¹⁾.

Особенно митрополитъ Филаретъ настаиваетъ на значеніи жезненныхъ примѣровъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія малыхъ дѣтей. Говоря въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ наказа смотрительницамъ дѣтскихъ приютовъ о благочестивомъ воспитаніи ребенка, онъ, указавъ методъ этого воспитанія, продолжаетъ рѣчь такими словами: „примѣръ вашъ всего болѣе можетъ дѣйствовать на ребѣнка въ семъ отношеніи; не произносите никогда имени Бога понапрасну въ рѣчи шуточной; во время молитвы надобно, чтобы благоговѣніе выражалась во всѣхъ вашихъ словахъ и движеніяхъ... При входѣ священника или другой духовной особы показывайте дѣтямъ примѣромъ своимъ, съ какимъ уваженіемъ, любовью должно обращаться съ служителями церкви и внимать ихъ урокамъ“²⁾. Столь великое значеніе добрыхъ примѣровъ въ дѣлѣ воспитанія обуславливается тѣмъ, что безъ нихъ наставленія и увѣщанія большею частію, если только не всегда, остаются бесполезными, бесплодными. „Если служитель слова скажетъ: будьте благочестивы, человѣколюбивы, воздержны; но если его наставленія не написаны въ книгѣ собственной его жизни; то весь плодъ поучительнаго слова можетъ заключиться въ отвѣтномъ словѣ: врачу, исцѣлися самъ (Лук. IV, 23). Не говорю, чтобы такъ и должно было: но такъ всего скорѣе случиться можетъ“³⁾. Между тѣмъ добрый примѣръ и особен-

1) Собр. мѣн. и отв., т. дополнит., стр. 46—47.

2) Ibidem, стр. 45.

3) Слова и рѣчи, т. IV, стр. 275—276.

ной силѣ слова сообщаетъ отъ себя новую силу. Примѣръ располагаетъ къ подражанію¹⁾. А „подражаніе есть одно изъ самыхъ, употребительныхъ орудій для образованія и направленія жизни и дѣятельности, во всѣхъ видахъ. Это есть средство не менѣе дѣйствующее, чѣмъ слово ученія, иногда еще болѣе, а иногда почти единственное. Подражаніе старѣе слова ученія, и самое слово раскрывается и образуется посредствомъ подражанія. Можетъ-ли мать искусственно истолковать младенцу, какими движеніями языка и устъ, какимъ направленіемъ дыханія долженъ онъ производить различные звуки, чтобы произносить слова?—Но дитя слышитъ слова, произносимыя матерью; и, раскрывающеюся жизнію побуждаясь къ дѣйствованію, однако не самоизобрѣтаемому и самоуправляемому, къ которому еще не способно, получать направленіе дѣлать то же что мать, однимъ словомъ, подражаетъ ей, между прочимъ, и въ произношеніи словесныхъ звуковъ, и послѣ возобновляемыхъ покушеній и опытовъ, одинъ болѣе другого удачныхъ, дитя умѣетъ говорить. Такова сила подражанія, насажденная въ самой природѣ чловѣка. Съ возрастомъ, ее ограничиваютъ и подчиняютъ себѣ другія открывающіяся способности и возрастающія силы: свободная воля, ученіе, размышленіе, изобрѣтательность. Но все еще значительною остается сила подражанія, во-первыхъ, потому, что ранѣе другихъ раскрываясь и объемля многіе предметы, она поддерживается и привычкою, и необходимостію; во-вторыхъ, потому, что къ возвышенному ученію, къ умственному изслѣдованію, къ изобрѣтенію, немногіе имѣютъ достаточныя дарованія, а подражать способенъ весь родъ чловѣческой; въ-третьихъ, потому, что умственное изслѣдованіе слѣдитъ свой предметъ въ прозрачной области воображенія и памяти, въ неокончательныхъ чертахъ общихъ понятій, а подражаніе смотритъ на предметъ, существующій въ природѣ, въ опредѣленныхъ и оконченныхъ чертахъ дѣйствительности; и потому первое, переводя свои созерцанія въ дѣйствительность, нерѣдко задрудняется и запутывается, а послѣднее легче и надежнѣе дѣлаетъ то, что видитъ уже сдѣланнымъ. Отсюда можно усматривать, какъ

¹⁾ Ibidem, стр. 275.

важно для жизни, чему и какъ человѣкъ подражаетъ. Если съ своею подражательностію попадаетъ онъ на недостойные и ложные образцы: то естественно дѣлается худымъ спискомъ съ худого подлинника, и нерѣдко на долго. Кто въ малолѣтствѣ по худому образцу образовалъ свою способность писать буквы: тотъ обыкновенно во всю жизнь худо пишетъ. Бываетъ и хорошему образцу худое подражаніе, когда подражаніе не внимательно, не разсудительно, не постоянно. Если же избираемъ себѣ образцы дѣятельности достойные по предмету, совершенные, или хотя приближающіеся къ совершенству по образу и степени дѣйствія; и если слѣдимъ ихъ внимательно, разсудительно, постоянно: то и мы на пути къ совершенству, открытомъ и вѣрномъ. Итакъ, если уста младенца не иначе, какъ подражаніемъ образуются, чтобы нареци отца и мать, то, конечно, не безъ образца, не безъ подражанія, какъ-нибудь, научится сердце его нарицать и призывать Господа Іисуса, взывать изъ глубины души своей къ Отцу небесному: Авва Отче! Если только постояннымъ подражаніемъ образцу научается человѣкъ писать мертвыя буквы на тлѣнной бумагѣ, то не безъ образца, не безъ подражанія, наудачу, напишетъ онъ имя свое въ нетлѣнной книгѣ жизни, писменами живыми, то есть, дѣлами живой вѣры“²⁾ Въ силу такого значенія подражанія и его вліянія на жизнь и направленіе человѣка, воспитателя дѣтей должны служить вполне нравственными образцами для своихъ питомцевъ. Ни своими бесѣдами, ни тѣмъ болѣе своимъ примѣромъ они не должны производить развращающаго вліянія на дѣтей: ихъ слова и жизнь должны говорить только о добродѣтели, и первая всегда—выражаться въ послѣдней. Только въ такомъ случаѣ они и могутъ воспитать истинныхъ людей, истинныхъ христіанъ. Кто самъ живетъ хорошо, благочестиво и нравственно, тотъ и воспитываетъ подобныхъ себѣ людей. „Можно видѣть“, говорилъ святитель Филаретъ,—„въ церкви малолѣтнихъ дѣтей, слушающихъ богослуженіе благочинно и внимательно, и приготовленныхъ къ сему искреннимъ благочестіемъ и добродушіемъ тѣхъ,

¹⁾ Слова и рѣчи, т. IV, стр. 187—189.

у кого они въ рукахъ“¹⁾. Наоборотъ, кто дурно живетъ самъ, тотъ и воспитываетъ дурныхъ людей. „Упадокъ нравственности, начатый родителями, продолжается въ дѣтяхъ и далѣе. Дѣти узнаютъ, что ихъ родители не уважали закона, и легко приходятъ къ мысли, что и имъ не нужно уважать законъ болѣе, нежели ихъ родителямъ“²⁾. Безукоризненная жизнь требуется отъ каждаго воспитателя дитяти и тѣмъ, что онъ является наставникомъ ребенка въ вѣрѣ и благочестіи. „Полный же характеръ истиннаго наставника въ вѣрѣ и благочестіи, по слову Христа Спасителя, должны составлять двѣ главныя черты, которыя суть и два способа духовнаго назиданія: *творить* и *учить*. Посему основаніемъ его поведенія должно быть его собственное благочестіе, живое и дѣятельное. Отъ избытка сердца, одушевленнаго вѣрою, непринужденно и убѣдительно возглаголютъ уста его“³⁾. Въ особенноти доброю жизнію должны отличаться ближайшіе руководители дѣтей—родители, если они желаютъ имѣть также добрыхъ и благословенныхъ дѣтей. Этого требуетъ законъ наслѣдственности душевныхъ качествъ и расположеній. „Какъ достаются добрыя дѣти? Не долго искать на сіе закона, если видимъ добрыхъ дѣтей у родителей также добрыхъ, благоразумныхъ и попечительныхъ о воспитаніи. Вопросъ разрѣшается, если скажемъ, что сіе такъ же естественно, какъ то, когда на полѣ, гдѣ посеяна пшеница, пшеница же и родится, а не плевелы“. Врачи признаютъ наслѣдственными нѣкоторыя болѣзни. Не подлежитъ также никакому сомнѣнію и спору, что „здоровье родителей—наслѣдственно для дѣтей, если особенныя причины не похитятъ у нихъ сего естественнаго наслѣдія“. Далѣе, „смотря на лицо дѣтей, мы обыкновенно ищемъ сходства съ лицомъ родителей“. Если, такимъ образомъ, „родители себѣ самимъ обязаны за нѣкоторыя тѣлесныя совершенства или недостатки своихъ дѣтей“, то ничто не „препятствуетъ то же заключать и о высшихъ свойствахъ душевныхъ, о предварительныхъ склонностяхъ и расположеніяхъ дѣтей“. По мнѣнію

1) Думсплезное Чтеніе 1880 г., ч. I, стр. 377.

2) Собр. мнѣн. и отв., т. V, стр. 70.

3) Ibidem, т. III, стр. 12.

митр. Филарета. „даже удобопонятнѣе открытіе чего-нибудь наследственнаго въ душѣ, которая, какъ существо несложное, всѣ свои способности и силы раскрываетъ изъ себя самой, изъ внутренняго духовнаго корня бытія, полученнаго съ рожденіемъ, нежели въ тѣлѣ, котораго устройство такъ много зависитъ отъ внѣшней стихійной природы“. „Благословеніе Божіе: *раститесь и множитесь* дано, несомнѣнно, цѣлому человѣку и особенно его душѣ, а не тѣлу, которое безъ души и не понимаетъ сего благословенія, и не можетъ исполнить онаго“. Равнымъ образомъ и „написанное о Адамѣ: *роди сына по виду своему и по образу своему* (Быт. V, 3) говоритъ о внутреннемъ образѣ, духовномъ и нравственномъ“. Значить, вполне естественно, „чтобы родители рождали дѣтей *по виду своему и по образу своему*,—чтобы отъ грѣшниковъ рождались грѣшники, подобно какъ отъ чахоточныхъ родятся чахоточные, но чтобы отъ тѣхъ, которые свободнымъ упражненіемъ въ покаяніи, молитвѣ и дѣланіи добра, при помощи благодати Божіей, ослабили въ себѣ грѣховныя и усилили добрыя склонности, рождались и дѣти съ нѣкою предварительною помощію къ добру, противъ силы грѣха, впрочемъ всегда преодолимой свободою и наипаче благодатію. Примѣчательное указаніе на сей законъ рожденія представляетъ священная исторія въ лицѣ жены Маноевой. Ангелъ является ей и предсказываетъ, что она, бывъ дотолѣ неплодна, родитъ сына, и что *Назорей Божии будетъ сіе отроча отъ чрева* (Суд. XIII. 5). И съ симъ вмѣстѣ онъ велитъ ей, съ сего времени начать, и продолжать во время беременности, Назорейскій свойственный образъ воздержанія: *отъ всего, еже исходитъ отъ винограда, да не ястъ, и вина и сикера да не пьетъ* (Суд. XIII, 3—5, 14). Это почти то же, какъ если бы онъ сказалъ ей: сынъ твой долженъ быть Назореемъ; но чтобы сіе вѣрнѣе могло сдѣлаться, приготовь его къ сему образу жизни, когда будешь носить его во чревѣ твоемъ; веди образъ жизни свойственный Назореемъ; и такимъ образомъ приготовь въ немъ способность и склонность къ Назорейскому образу жизни“¹⁾. О передачѣ съ рожденіемъ душевныхъ настроеній и качествъ отъ родите-

¹⁾ Слова и рѣчи, т. III, стр. 97--100; ср. т. V, стр. 537.

лей къ дѣтямъ свидѣтельствуя и другіе примѣры священной исторіи. „Одинъ“, напр., „и тотъ же Адамъ раждаетъ разнообразныхъ дѣтей—Каина, Авеля, и Сиеа. Здѣсь примѣчается одинъ общій законъ рожденія. Адамъ, свѣжимъ, такъ сказать, ядомъ недавно содѣланнаго грѣха напоенный и недавнимъ обѣтованіемъ избавленія поставившій себя въ нѣкую еще незрѣло-обдуманную дерзость надежды, раждаетъ Каина, дерзкаго грѣшника. Адамъ, въ несчастномъ рожденіи Каина испытавшій тягость проклятія, привлеченнаго грѣхомъ, обманутый надеждою, уничиженный суетою, болѣе очищенный съ продолженіемъ времени покаяніемъ и смиреніемъ себя подъ крѣпкую руку Божію раждаетъ Авеля, кроткаго, но не прочнаго. Каинъ былъ сынъ надежды, Авель—сынъ сокрушенія: сіи различныя чувствованія родителей могли имѣть вліяніе на роженіе, воспитаніе и образованіе дѣтей. Наконецъ, Адамъ, продолженіемъ скорбей глубже укоренившійся въ смиреніи, терпѣніемъ утвержденный въ надеждѣ, и надеждою въ терпѣніи, раждаетъ Сиеа, надежное основаніе своего потомства“ ¹⁾. О томъ же говорятъ и наблюденія надъ жизнію людей. „Наблюдатели путей человѣческой жизни замѣчаютъ, что незаконнорожденные дѣти болѣею частію повторяютъ грѣхи своихъ родителей, что преступленіе противъ седьмой заповѣди дѣлается наслѣдственнымъ“ ²⁾. Поэтому, родители, „желающіе имѣть достойныхъ дѣтей, благоразумно поступятъ, если предварительно самихъ себя сдѣлаютъ достойными родителями“ ³⁾. Да и всякій другой воспитатель дѣтей долженъ имѣть „чувствія обучена долгимъ ученіемъ въ разсужденіи добра же и зла (Евр. V, 14)“ ⁴⁾. Ему „надобно тщательно самому въ духовной жизни упражняться. Въ комъ возбуждена внутренняя жизнь, у того сердце отрыгаетъ удобно слово благое, которое и въ другихъ возбуждаетъ внутреннюю жизнь“ ⁵⁾. Иначе и быть не можетъ. „Какъ будемъ паставлять другихъ,

1) Слова и рѣчи, т. III, стр. 100; Зап. на книгу Быт., стр. 124-125.

2) Душеполезное Чтеніе 1862 г., ч. III, стр. 136.

3) Слова и рѣчи, т. III, стр. 102.

4) Слова и рѣчи, т. V, стр. 246.

5) Душеполезное Чтеніе 1882 г., т. I, стр. 263.

если не ревнуемъ о наставленіи себя? Какъ будемъ руководить къ духовной жизни другихъ, если наша жизнь опутана мірскою суетою? Какъ возбудимъ другихъ къ прилежной и непрестанной молитвѣ, если у насъ въ совершеніи молитвы могутъ они примѣчать недовольно благоговѣйнаго вниманія?¹⁾ Словомъ, только въ томъ случаѣ, по мнѣнію митрополита Филарета, „счастливъ воспитываемый, если духовное сѣмя въ немъ будетъ питаемо домашними и церковными упражненіями благочестія, подъ вліяніемъ добраго руководства и примѣра“²⁾. Совѣтуя дѣйствовать на дѣтей главнымъ образомъ примѣромъ собственной жизни, святитель Филаретъ рекомендуетъ воспитателямъ въ то же время сопровождать свои поступки словесными наставленіями, соединять ихъ съ внушеніями. Истинный наставникъ въ вѣрѣ и благочестіи долженъ, по нему, одновременно дѣйствовать „кротостію убѣжденія и силою живого чувства благочестія“³⁾. И въ проектѣ наказа смотрительницамъ дѣтскихъ приютовъ святитель, требуя отъ нихъ самаго особеннаго благоговѣнія во время молитвы, предписываетъ: „пріучайте и ребенка подражать вамъ; но внушайте ему, что грѣхъ, моляся Богу, думать о другомъ, и что безмолвное чувство смиренія предъ Богомъ, краткая, но сердечная молитва, выше молитвы, произнесенной словами, безъ участія сердца; такъ мало-по-малу опъ постигнетъ сладость любви къ Богу, прежде нежели разумъ его познаетъ всю необходимость вѣры для человѣка“⁴⁾. Словесныя наставленія и внушенія должно обращать при этомъ преимущественно къ сердцу дитяти, такъ какъ „въ сердцѣ преимущественно открывается духовная жизнь, по крайней мѣрѣ, ближайшая степень ея, на которую восходимъ изъ плотской жизни падшаго Адама“⁵⁾.

Другія мѣры воспитанія, мѣры, такъ сказать, отрицательнаго характера, должны состоять въ тщательномъ охраненіи дѣтей отъ всего, что можетъ вредно отразиться на ихъ религіозно нравственномъ развитіи. Такъ, праздность должна быть чужда дѣтямъ, потому что „любовь къ праздности дѣлаетъ

1) Слова и рѣчи, т. V, стр. 247

2) Ibidem, стр. 251.

3) Собр. мнѣн. и отв., т. III, стр. 18.

4) Ibidem, т. дополнит., стр. 45.

5) Слова и рѣчи, т. IV, стр. 150.

человѣка податливымъ на всякаго рода грѣховныя искушенія и соблазны¹⁾. Чтобы дѣти не приучались къ праздности съ малолѣтства, для этого надо давать имъ какія-нибудь занятія и работы, соотвѣтствующія ихъ возрасту и способностямъ. Мальчиковъ можно обучать разнаго рода искусствамъ, какъ, напр.,—рисованію, живописи, иконописанію и т. п.²⁾, а дѣвочекъ—домашнимъ жепскимъ занятіямъ, хозяйству и рукодѣлію³⁾. Святитель Филаретъ позволяетъ обучать дѣвочекъ еще музыкѣ, хотя и не вполне одобряетъ послѣднюю, какъ занятіе свѣтское, театральное⁴⁾. Непремѣнно слѣдуетъ также освобождать ребенка отъ такихъ внѣшнихъ условій, которыя способствуютъ развитію въ немъ дурныхъ привычекъ и склонностей. „Отдѣлить упрямое дитя отъ обстоятельствъ, въ которыхъ оно ожесточено“,—говоритъ митрополитъ Филаретъ,—„конечно есть одно изъ средствъ къ исправленію, и предосторожность противъ дальнѣйшихъ непріятныхъ послѣдствій“⁵⁾. Однако въ подобныхъ случаяхъ надо быть весьма осторожнымъ и сообразоваться съ характеромъ дитяти; иначе предпринятая мѣра не дадутъ желательнаго результата. „Если, напр., помѣщеніе въ келлію къ старушкамъ не смиренному дитяти на первый разъ покажется заточеніемъ: неудача перваго шага много затруднитъ все послѣдующее“⁶⁾.

При практическомъ осуществленіи воспитательныхъ мѣръ, въ своемъ обращеніи съ дѣтьми воспитатели вообще и особенно родители должны руководиться не чувствомъ простой, естественной любви къ дѣтямъ, а любовью истинно-христіанскою, заботящаяся о нравственномъ совершенствованіи дѣтей. „Отцу и матери нуженъ ли подвигъ, чтобы любить свое дитя? Младенцу надобно ли учиться любить отца и мать? Если же въ сей любви все дѣлаетъ природа, безъ подвига и почти безъ вѣдома человѣка: то гдѣ тутъ достоинство добродѣтели?—Это

1) Душеполезное Чтеніе 1862 г., ч. III, стр. 138—139.

2) Письма м. Филарета къ Антонію, ч. I, стр. 383—384; ч. III, стр. 295 и др.

3) Чтен. въ общ. люб. дух. просв. 1869 г., кн. IX, стр. 29.

4) Ibidem, 1868 г., кн. IV, стр. 133.

5) Письма м. Филар., хранящ. въ собран. автограф. Импер. Публ. библиот., 1891 г., стр. 38.

6) Ibidem.

просто естественное чувство, которое и въ безсловесныхъ примѣчашь. Нелюбленіе родителей или дѣтей есть глубо-низкій порокъ; но любовь къ родителямъ или дѣтямъ не есть еще высокая добродѣтель, кромѣ особенныхъ случаевъ, когда ее возвышаетъ соединенное съ нею самоотверженіе и самопожертвованіе“¹⁾. „Чувствительное и любящее сердце надобно возвысить отъ любви естественной къ духовной, чтобы оно, погружаясь въ связи семейныя, не погрязло совсѣмъ въ одной естественной любви“²⁾. „Полагая источникъ блага въ Богѣ и благословеніи Его, которое имѣемъ или получаемъ, и надежду блага, котораго желаемъ“, должно „возвышать и освѣщать дѣла природы духомъ благодати,—встрѣчать рожденіе дѣтей не только съ радостными чувствованіями, но и съ помышленіями благочестивыми,—искать для нихъ счастливой будущности не только въ благопріятныхъ видахъ земныхъ, но и въ союзѣ ихъ земного бытія съ небеснымъ“³⁾. И одной матери семейства митрополитъ Филаретъ писалъ: „справедливо возлагать на Бога надежду о себѣ и о дѣтяхъ: но сіе не исключаетъ осторожнаго вниманія къ тому, какъ лучше дѣтей вести, и обязанности бдительно надзирать за ними. Любовь къ нимъ не должна дѣйствовать независимо, а подъ руководствомъ здраваго разсужденія. И доброе сердце дѣтей можетъ быть увлечено на неправый путь. Опытность родительская должна бодрствовать надъ ними“⁴⁾.

Надлежащія наставленія, какъ вести дѣло воспитанія, какъ обращаться съ дѣтьми, родители могутъ и должны находить въ словѣ Божіемъ. „Соломонъ учитъ: наказуй сына твоего, тако бо будетъ благонадеженъ; азъ досажденіи же не вземлюся душою твоею. (Прити. XIX, 18). Наказуй, значить: учи; давай полезныя наставленія; но также и собственно наказывай за проступки. Но премудрый поставляетъ предѣль суровости наставленія, и строгости наказанія: не дѣйствуй съ досадою и раздраженіемъ, и не возбуждай досады и раздраже-

¹⁾ Слова и рѣчи, т. IV, стр. 170.

²⁾ Письма м. Филарета къ А. Н. Муравьеву, 1869 г., стр. 76.

³⁾ Слова и рѣчи т. V, стр. 61.

⁴⁾ Письма къ роднымъ, стр. 388.

нія. Раздраженный наставникъ не наставляетъ, а раздражаетъ. Шумомъ раздраженія заглушается голосъ истины. Наставляй добродушно; обличай кротко и мирно; наказывай умѣренно и съ сожалѣніемъ. Соломонъ побуждаетъ къ такому дѣйствованію, обѣщая отъ него добрые плоды. *Наказуй сына и возлюбитъ тя; и дастъ мноту твоей души; не послушаетъ языка законопреступна (Притч. XXVIII, 17).*— „Ученіе Сына Сирахова болѣе строга. *Суть ли ти чада, накази я, и преклони отъ юности выю ихъ (Сир. VII. 25). Накази сына твоего, и дѣлий имъ, да не въ безстыдіи сло поткнешися (XXX, 13).* Въ особенности съ горькимъ словомъ обращается онъ къ тѣмъ родителямъ, которые любятъ забавлять своихъ дѣтей и забавляться ими, а не учить ихъ, даютъ имъ излишнюю свободу и легкомысленно смотрятъ на порывы ихъ легкомыслія; *ласкай чадо, и устришитъ тя; играй съ нимъ, и опечалитъ тя. Не смѣйся съ нимъ, да не поболити о немъ (XXX, 9 и 10).*— „Евангеліе, которое вообще, вмѣсто духа страха предъ закономъ, господствовавшаго въ Ветхомъ Завѣтѣ, распространяетъ духъ любви и свободы, и въ правилахъ воспитанія смягчаетъ древнюю строгость. Св. апостоль Павелъ пишетъ: *отцы не раздражайте чадъ своихъ, но воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни (Еф. VI, 4).* И въ другомъ посланіи: *отцы, не раздражайте чадъ вашихъ, да не унываютъ (Кол. III, 21).*— Такимъ образомъ, „въ ветхозавѣтномъ ученіи о воспитаніи болѣе строгости, а въ евангельскомъ болѣе свободолюбивой кротости.“ „Должно ли слѣдовать исключительно послѣднему, и со всѣмъ отложить первое?“ По мнѣнію митрополита Филарета, надо держаться при воспитаніи того и другого ученія. Апостоль Павелъ пишетъ: *въ елико время наследникъ младъ есть, ничимже лучший есть раба, но подъ повелители и приставники есть, даже до нарека отца (Гал. IV, 1—2).* Видите,— продолжаетъ свое слово святитель,— „онъ (ап. Павелъ) говоритъ о строгомъ воспитаніи, какъ не предосудительномъ, обыкновенномъ и должномъ. Это тѣмъ болѣе примѣчательно, что онъ строгое воспитаніе представляетъ образомъ того, какъ Богъ воспитываетъ человѣчество. Сіе видно изъ непосредственно слѣдую-

щихъ словъ: и мы, егда бѣхомъ млади, подѣ стихами бѣхомъ міра порабощени. Вѣтхій Завѣтъ есть дѣтство чловѣчества, и его начальное воспитаніе подѣ рабскимъ страхомъ закона. Христіанство есть высшій возрастъ чловѣчества, и его совершенное подѣ благодатію воспитаніе; здѣсь, соотвѣтственно возвысившемуся познанію и силѣ духа, ему ввѣряется духовная свобода; и тогда чловѣкъ внутренно уже не рабъ, но сынъ и наслѣдникъ Божій Іисусъ—Христомъ. Итакъ, поелику Апостолъ въ воспитаніи чловѣчества Богомъ и въ воспитаніи каждаго чловѣка родителями и наставниками признаетъ одинаковый порядокъ: то ясно, что и изъ христіанскаго кроткаго воспитанія онъ не совсѣмъ исключаетъ древнюю строгость, дабы свобода ввѣряема была воспитываемому, по мѣрѣ пріобрѣтенія имъ умѣнья пользоваться ею. Все ли равно, давать обширную свободу умѣющему ее употреблять, или неумѣющему, зрѣлому въ разумѣ, или незрѣлому?—Очевидно не все равно. Слѣдственно, по мѣрѣ возраста и образованія должно давать свободу дѣтямъ. Которое изъ двухъ направленій правильнѣе, пріятнѣе и удовлетворительнѣе для чловѣка, поступленіе отъ расширенія свободы къ ея ограниченію, или, напротивъ, отъ ея ограниченія къ расширенію?—Очевидно послѣднее. Итакъ, надобно вести дѣтей отъ ограниченія свободы къ расширенію ея. Иначе сдѣлавшійся слишкомъ свободнымъ слишкомъ рано, куда направится далѣе съ своимъ желаніемъ поступленія впередъ и возрастающаго удовлетворенія? Не будетъ ли онъ въ искушеніи поколебать справедливыя предѣлы разумной и законной свободы¹⁾? Этимъ, указаннымъ въ словѣ Божіемъ, правиламъ воспитанія и должны слѣдовать всѣ христіанскіе родители и наставники дѣтей при ихъ воспитаніи; безъ нихъ же „самое ученое, любомудрое воспитаніе есть построение благовиднаго зданія безъ прочнаго основанія“²⁾. Вообще въ своемъ обращеніи съ дѣтьми воспитатели должны строго соблюдать золотую середину между чрезмѣрною строгостію и излишнею снисходительностію, потому что та и другая („строгость“ и „поблажка“) „суть не добродѣ-

¹⁾ Слова и рѣчи, т. V, стр. 474—476.

²⁾ Ibidem, стр. 475.

тели, а пороки“¹⁾. „Премудра и спасительна“, по мнѣнію митрополита Филарета,—лишь „та родительская любовь, которая, стѣсня сама себя, нѣсколько удерживаетъ ласку къ дѣтямъ, нѣсколько скупится на утѣшенія имъ, чтобы сберечь сіе въ поощреніе и въ награду ихъ послушанію, или успѣхамъ въ полезномъ ученіи“²⁾.

Что касается до физическаго воспитанія малыхъ дѣтей, то на этотъ счетъ мы встрѣчаемъ у митрополита Филарета очень мало сужденій. Его основное требованіе въ данномъ случаѣ, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, чтобы прилагать попеченіе о тѣлѣ настолько, насколько нужно для его здоровья, никогда не нарушая этого предѣла и не причиняя вреда душѣ. А такъ какъ здоровье и вообще тѣлесная жизнь человѣка зависятъ главнымъ образомъ отъ его питанія, одежды, покоя, движеній и т. п., то святитель и совѣтуетъ, при физическомъ воспитаніи дѣтей, обращать особенное вниманіе на эти предметы, стараясь притомъ употреблять только то, что дѣйствительно можетъ содѣйствовать укрѣпленію и развитію дѣтскихъ тѣлесныхъ силъ.

Питаніе дѣтей должно быть достаточное и умѣренное. „Пищу и питье надо употреблять по требованію голода и жажды, для поддержанія жизни, силъ, здоровья: сего требуетъ природа, сего не возбраняетъ законъ, сего не отвергаетъ здравое ученіе“. Чтобы за удовлетвореніемъ „естественной потребности вкуса не подкралась похоть, а за нею неумѣренность“, слѣдуетъ „отсѣкать нѣчто отъ количества пищи, количество пищи уменьшать, и качество ея измѣнять, отлагать утучняющее и согрѣвающее, и употреблять легкое и прохлаждающее“. Такъ поступать „и обыкновенное благоразуміе совѣтуетъ, и врачебная наука вразумляетъ, и правило духовной опытной мудрости повелѣваетъ“³⁾. Неумѣренность же въ пищѣ, „раболюбіе тѣлу и чреву“, служитъ источникомъ всевозможныхъ золъ и болѣзней. „Излишество въ пищѣ и питьѣ въ самомъ

1) Собр. мнѣн. и отз., т. V, стр. 19. Письма къ Высоч. Особ. и др. лицамъ, 1888 г., ч. I, стр. 206.

2) Слова и рѣчи, т. III, стр. 351.

3) Слова и рѣчи, т. V, стр. 146, 147; ср. т. II, стр. 327; т. V, стр. 55.

началѣ своемъ есть источникъ немощей и болѣзней, а въ своемъ продолженіи можетъ превратиться въ медленное самоубійство“ ¹⁾. Невоздержаніе „нерѣдко угнетаетъ тѣло, опустошаетъ душу, расхищаетъ добродѣтели, поглощаетъ способности“ ²⁾. Запрещалъ святитель Филаретъ давать для питья дѣтямъ виноградныя вина, что иногда практикуется въ видахъ укрѣпленія дѣтскаго организма, — потому что „вино волнуетъ кровь и отуманиваетъ голову“, и, такимъ образомъ, препятствуетъ „стоять на стражѣ въ ожиданіи царства Божія“ ³⁾.

Равнымъ образомъ и „попеченіями объ одеждѣ должна управлять необходимость, скромность, постоянство“. Роскоши не должно быть въ одѣяніи дѣтей. При заботахъ объ одеждѣ слѣдуетъ имѣть въ виду только двѣ цѣли: а) „прикрыть его наготу тѣла и б) защитить его отъ холода“ ⁴⁾. Однако не позволительна при этомъ и небрежность въ одеждѣ. „Богъ нѣ-которымъ образомъ освятилъ въ одеждѣ простѣйшее и вмѣстѣ необходимѣйшее (Быт. III, 21)“, а потому нельзя думать, что „должно отвергнуть всякое благолѣпіе и облечься въ рубища“. „Есть родъ и степень (Sic) благолѣпія и даже великолѣпія въ одѣяніи, который назначаетъ не пристрастіе, но благоприличіе, не суетность, но состояніе, не тщеславіе, но долгъ и обязанность“ ⁵⁾.

Не одобряя роскоши въ одеждѣ дѣтей, святитель Филаретъ возставалъ противъ искусственнаго подкрашиванія ихъ лицъ, противъ разнаго рода убранствъ ихъ волосъ и противъ употребленія дѣтьми различныхъ благовоній—духовъ ⁶⁾.

Для укрѣпленія дѣтскаго организма митрополитъ Филаретъ рекомендуетъ игры и упражненія на открытомъ воздухѣ. Только игры должны быть „невинныя, сообразныя съ строгою благопристойностію, благопріятствующія тѣлодвиженію“. А „для возрастающихъ дѣтей нужно постепенно замѣнять игры умѣреннымъ и полезнымъ трудомъ тѣлеснымъ“ ⁷⁾. Трудъ не-

¹⁾ Ibidem, т. I, стр. 107.

²⁾ Ibidem, т. III, стр. 72.

³⁾ Слова и рѣчи, т. III, стр. 75.

⁴⁾ Ibidem, т. I, стр. 108; т. V, стр. 147.

⁵⁾ Ibidem, т. I, стр. 112.

⁶⁾ Слова и рѣчи, т. I, стр. III; т. V, стр. 149.

⁷⁾ Прибавл. къ твор. св. отцовъ 1871 г., кн. XXIV, стр. 502.

обходимъ каждому человѣку и свойственъ ему, какъ существу разумно-нравственному. „Если жизнь есть дѣятельность, то, по обратному заключенію, бездѣліе и праздность не есть жизнь, по крайней мѣрѣ, не есть жизнь разумнаго и нравственнаго существа. Долгій сонъ утромъ, медленное пробужденіе, потомъ завтракъ, прогулка, празднословіе, можетъ быть, не лучшее празднословія чтеніе, потомъ обѣдъ, отдыхъ, зрѣлище, игра, ужинъ и опять долгій сонъ,—это ли жизнь существа разумнаго и нравственнаго“¹⁾?

Въ случаяхъ разстройства здоровья, заболѣваній дѣтей необходимо обращаться за врачебною помощью²⁾, а въ пищѣ и питъѣ—оказывать больнымъ дѣтямъ снисхожденіе³⁾.

Вообще же при физическомъ воспитаніи дѣтей святитель Филаретъ совѣтуетъ измѣрять все естественными потребностями, а не удовольствіями, и „умѣренно удовлетворять естественнымъ потребностямъ плоти, разсудительно снисходить къ ея немощамъ, и притомъ не оскорблять достоинства духа и нравственнаго чувства, не рабелѣпствовать страстямъ и похотямъ, не противорѣчить намѣреніямъ Творца природы въ дарахъ Его“⁴⁾, чтобы съ юныхъ лѣтъ сдѣлать дѣтей повелителями и господами своего тѣла, а не рабами его.

Такимъ должно быть, по мнѣнію митрополита Филарета, семейное, домашнее воспитаніе дѣтей обою пола.

Преподаватель Виѣанской духовной семинаріи

Андрей П. Покровскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Слова и рѣчи, т. IV, стр. 533; ср. собр. мнѣн. и отв., т. IV, стр. 305.

²⁾ Слова и рѣчи, т. V, стр. 147; ср. т. IV, стр. 460.

³⁾ Приб. къ твор. св. отцовъ, 1871 г., кн. XXIV, стр. 499.

⁴⁾ Слова и рѣчи, т. V, стр. 147.

НѢМЕЦКІЙ ПРОТЕСТАНТИЗМЪ

КЪ НАЧАЛУ 20-го СТОЛѢТІЯ¹⁾

(Продолженіе *).

3. Либеральные богословы.

а) Картина либеральнаго настроенія.

Въ рѣзкомъ контрастѣ съ картиною ортодоксальнаго настроенія стоитъ картина либеральной религіозной жизни, „церкви чистаго слова и тайнства“, какую мы находимъ нарицательно въ № 49 (1901 г.) ортодоксальной (Генстенберговской) евангелической Kirchenzeitung. Она указываетъ характеристическій примѣръ того, какъ далеко уже зашло дѣло. Названный листокъ сообщаетъ:

„Въ древнемъ ганзейскомъ городѣ—Бременѣ существуютъ совершенно своеобразныя отношенія. Тамъ нѣтъ ни консисторіи, которая снабжала бы духовныхъ документами, ни Синода, который могъ бы дѣлать опредѣленія хоть сколько нибудь обязательныя для всѣхъ, тамъ нѣтъ также въ собственномъ смыслѣ приходскихъ общинъ, а есть въ сущности только общины изъ отдѣльныхъ лицъ. . Въ Бременѣ каждый можетъ проповѣдывать что онъ хочетъ, пусть даже самый опустошительный и самый похотливый раціонализмъ, какой только можно себѣ представить. Незадолго предъ Пасхою я былъ тамъ на торжествѣ конфирмаціи. Текстъ, какой былъ избранъ пасторомъ для проповѣди, гласилъ: „ходите, какъ дѣти свѣта“ (Еф. V, 9). Единственнымъ мѣриломъ при обсужденіи религіозныхъ предметовъ является разумъ. Бога слѣдуетъ искать не въ Библии, нѣтъ, но въ мысли и ощущеніи. Жизнь есть великое откровеніе Божіе.—

¹⁾ Профес. Гунперга. Переводъ съ нѣмецкаго сочиненія подъ подобнымъ же заглавіемъ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 8 за 1908 г.

Опъ сѣрдился. Если подлежащія конфирмаціи на вопросъ, кому открывался Богъ, называли прежде всего Авраама, Исаака и пророковъ. *Богъ открывался совершенно также въ Гете и Шиллеръ...* Совершенно безгрѣшпаго Спасителя никогда не было; мы не вѣримъ ни въ какое чудо; Иисусъ—не есть агнецъ, который носитъ грѣхи міра. Если близкій родственникъ лежитъ тяжело больной, то не падайте ницъ и не молитесь: это бесполезно. При обученіи васъ мы не молились, но работали. Дѣлайтесь людьми! Я хочу воспитать изъ васъ людей. Ходите, какъ дѣти свѣта, т. е. пользуйтесь во всякое время вашимъ разумомъ. Таковы нѣкоторые цвѣты этой либеральной, пантеистической, рационалистической привѣтствительной рѣчи... Въ вербное воскресенье я слышалъ еще рѣчь предъ конфирмаціей. Это была чуждая всякой неприличной полемики, искусно-философски—построенная рѣчь, въ которой лишь въ послѣдней части была рѣчь о Богѣ. Для этого либеральнаго проповѣдника—Христосъ не составляетъ принадлежности Евангелія, которое, впрочемъ, возвѣщать эти господа рационалисты даже совершенно не могутъ и не хотятъ, такъ какъ „грѣховный сонъ („Sunden dusel“) ортодоксаловъ“—для нихъ преобладающая точка зрѣнія. *Имя, которое для христіанъ выше всего именъ, ни одного разу не было произнесено въ этой напутственной рѣчи дѣтямъ,* которыя крещены во имя Иисуса Христа. Третій примѣръ. Въ первый день пасхи я имѣлъ случай слышать одного изъ либеральнѣйшихъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ.. И вотъ ораторъ говорилъ, что трупъ Христа былъ украденъ въ пасхальную ночь; когда женщины на слѣдующее утро не нашли въ гробѣ тѣла, онѣ увѣровали: Иисусъ—воскресъ. Но почему же мы еще торжествуемъ пасху? Это свидѣтельствуемъ намъ о томъ, что идея, если она отъ Бога, не можетъ погибнуть, но воскресаетъ. Такимъ образомъ фактъ воскресенія Иисуса Христа по Гегелевской манерѣ разрѣшается въ идею“.

Значило бы обнаружить великую близорукость и недомыслие, еслибы мы захотѣли прибавить къ этому, что такъ дѣло обстоитъ не повсюду и что много еще есть вѣрующихъ проповѣдниковъ. Это не имѣетъ значенія. Если въ арміи начинаются мятежи, если цѣлыя полки отказываются повиноваться и офицеры застрѣливаются подчиненными, то было бы очень плохимъ утѣшеніемъ, если бы стали говорить, что есть еще оставшіеся вѣрными части войскъ; скорѣе при такомъ положеніи вещей каждый разсудительный военный скажетъ, что вся армія начала разлагаться. И если въ какомъ-либо

церковномъ обществѣ, которое считаетъ себя „христіанскимъ“, официальные слуги его заявляютъ, что Спаситель былъ не безъ грѣха, что Богъ открывался въ Гёте и Шиллерѣ точно такъ-же, какъ и въ Немъ, и что не должно молиться, такъ какъ это нисколько не помогаетъ, то остается твердымъ приговоръ каждаго объективно мыслящаго критика о церкви, которая не можетъ искоренить такіа язвы. *Въ этомъ отвѣтственности падаетъ на цѣлую церковь* и въ этомъ отношеніи нельзя принимать въ соображеніе, есть-ли еще вѣрующіе проповѣдники.

Въ противоположность этому, особенно выдѣляется торжествующая рѣчь, которую держалъ Markische Vote придворнаго проповѣдника Рогге: отъ рудныхъ горъ до границъ Италіи отовсюду получается длинный рядъ извѣстій о постоянномъ успѣхѣ евангелическаго движенія въ Австріи. Markische Vote объясняетъ этотъ переходъ, какъ слѣдствіе „алчбы и жажды Божественнаго слова.“

Если австрійскіе нѣмцы дѣйствительно „алчутъ и жаждутъ“ слова Божія, то они поступаютъ правильно, если они останутся католиками. Но если они холодны къ религіи и думаютъ что „молитва—безполезна“, то они будутъ желанными въ Бременѣ. Мы указываемъ въ особенности на то, что въ этомъ случаѣ „Имперскій Вѣстникъ“ не можетъ дѣлать свое излюбленное возраженіе, что дѣло идетъ при обнаруженіи невѣрія лѣвыхъ о „человѣческомъ грѣшкѣ“ либеральныхъ профессоровъ, которыхъ „евангелическая Церковь“, спокойная на счетъ такихъ выходокъ, твердо удерживаетъ „въ чистомъ словѣ и таинствахъ“. Эти ученія, „чуждой предположеній“ теологіи, возвѣщаются съ кафедръ и сообщаются конфирмующимся для руководства въ жизни. Это—такія теоріи, подъ которыми безъ дальнѣйшаго можетъ подписаться буддистъ, свободный мыслитель и іудей реформаторскаго направленія. Отсюда протестантизмъ этого рода не можетъ болѣе разсматриваться, какъ христіанское исповѣданіе. Гдѣ такія вещи возможны, тамъ не должны осмѣливаться выражать желаніе—преподавать „чистое евангеліе“ католикамъ.

Вотъ еще нѣчто ближе характеризующее временно руково-

дѣющую партію, которая хотя стоитъ вправо отъ протестантскаго фереина, но въ сущности составляетъ съ нимъ одно и такъ же, какъ онъ, не хочетъ знать объ ортодоксіи. Ея органъ—выходящій въ Марбургѣ „Христіанскій міръ“ (*Christliche Welt*), который издается Мартиномъ Раде, который раньше былъ проповѣдникомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ и затѣмъ сложилъ съ себя эту должность, чтобы стать профессоромъ и пасторомъ въ Марбургѣ. Въ 1900 году два его произведенія въ протестантскихъ богословскихъ кругахъ возбудили къ себѣ большое вниманіе: „Истина христіанской религіи“ и „чистое ученіе, требованіе вѣры, а не права“. Последнее имѣетъ большую важность, такъ какъ оно разъясняетъ вопросъ объ организаціи ученія и учебной дисциплины для „евангелической церкви“. Раде обсуждаетъ вопросъ объ организаціи ученія, какъ оно понимается ричліанскою теологію, т. е. по преимуществу отрицательно, во всякомъ случаѣ очень широко. Кто противникъ ортодоксіи, какъ Раде, тотъ не можетъ желать никакого опредѣленнаго и строгаго порядка при обученіи.

Berliner Evangel-kirchliche Anzeiger (№ 34, 1900) съ необычайною горечью говоритъ о богословіи Раде; мы приводимъ нѣкоторыя мѣста критики, которыя помогаютъ намъ проникнуть въ либеральные взгляды Марбургскаго профессора и характеризуютъ рѣзко отрицательное отношеніе рецензента. Прежде всего у Раде отрицается по сравненію съ „великимъ Гарнакомъ“ необходимая выправка по части раціональнаго мышленія и спрашивается, имѣлъ-ли когда-нибудь этотъ авторъ „какое-либо соприкосновеніе съ тѣмъ, что называется наукою“. Затѣмъ онъ говоритъ далѣе:

„Раде считаетъ важнымъ для всѣхъ свое открытіе, что вся наука вращается вокругъ бороды императора. „Всякая истинная наука“, говоритъ онъ, — „чиста, т. е. интересуется только фактами“... Д. Раде слышалъ громъ, да не знаетъ, гдѣ онъ, и воображаетъ теперь, что другіе люди такъ же занимаются наукою, какъ онъ ею занимается... „Троичность, Божество Христа, чудо, твореніе міра, промыслъ, воскресеніе изъ мертвыхъ и вообще ссть-ли христіанскій догматъ, который предъ логическимъ холоднымъ разсужденіемъ не оказался бы неосновательнымъ и глупымъ“. Повидимому это вполне согласно съ словами ап. Павла въ

1 Кор. I, 18. 25; но чтобы святой ап. Павелъ „предъ формально-безстрастнымъ обсужденіемъ“ высшихъ вопросовъ не заслуживалъ совершенно никакого вниманія, это—модный родъ духовнаго рабства, которое тупо склоняется подъ ярмо механической науки и совершенно серьезно принимаетъ за науку только то, что имѣетъ дѣло въ чисто формальномъ смыслѣ слова съ подлежащимъ осязанію и вообще чувственнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности изговяетъ разумъ изъ неба и земли... Что касается теперь современной науки, то дѣло обстоитъ такъ: „Если науку вопрошаютъ: есть-ли Богъ и есть-ли иная жизнь послѣ смерти, то отвѣтъ получается такой: для меня, какъ науки, это безразлично; я объ этомъ ничего не знаю; я имѣю только истину о вещахъ, какія воспринимаемъ мы посредствомъ ощущеній или о какихъ можемъ заключать съ твердостью на основаніи ощущеній“. Д. Раде причиняетъ современной наукѣ кричащую несправедливость. Столь безыдейна, какъ онъ ее изображаетъ, она только у него. Она ищетъ отвѣта также и на высочайшіе вопросы и отвѣчаетъ на нихъ или утвердительно или отрицательно; только научное ремесленничество жалкаго духа можетъ относиться безразлично къ вопросу о послѣднихъ основахъ бытія и жизни... „Истина христіанской религіи“ заключается у Раде въ томъ, что *все собственно христіанское отвергается* и если вообще можно здѣсь еще говорить о христіанствѣ, то оно есть *вполнѣ омірщенное христіанство*. Нѣтъ ни откровенія, ни чуда, ни Отца, ни Сына, ни Духа, нѣтъ ни креста, ни прославленія, ни царства небснаго, ни вѣчной жизни; остается только то, что мы „чувствуемъ слѣды и переживаемъ Бога“ въ религіозныхъ упражненіяхъ, что мы имѣемъ прощеніе грѣховъ, чтобы сдѣлаться господами своей судьбы и получить „духъ праведности“; „эгоистическая мечта безсмертія“ осуждается, христіанская надежда приписывается фантазіи и у воскресенія Иисуса оспаривается дѣйствительность. Тривиальная мораль приукрашается слащавою сентиментальностію. Апостольскій символъ обзывается „сплетеніемъ идей изъ отдаленнѣйшаго времени и духовнаго міра и весьма неразумительно возлагать его, какъ иго, на іудея и язычника, которые чрезъ него желаютъ присоединиться къ христіанству. Извращенная изысканность стремится признать религію безъ личнаго отношенія къ ней, „какъ требующую благоговѣнія силу привычки“, чѣмъ она представляется всякому глубокому наблюдателю исторіи развитія человѣчества; причемъ христіанство омірщвляется и превращается въ украшенную искусственными оборотами рѣчи мораль. — Во всякомъ разѣ это не идетъ на защиту христіанства“. Чѣмъ скорѣе удастся евангелической церкви изгнать этотъ болѣзнетворный матеріалъ, тѣмъ лучше.

Заключенія мы хорошо не понимаемъ. Долженъ ли Раде считаться подлежащимъ исключенію болѣзнетворнымъ матеріаломъ? Какъ будто это такъ.

б) *Невѣріе въ протестантизмъ.*

Болѣе мрачную картину касательно усиливающегося невѣрія въ протестантскомъ богословіи даетъ „Всеобщая евангелическо-лютеранская газета“ въ своемъ 37 № за 1901 г. Предварительно ортодоксально-лютеранскій органъ пишетъ:

„Міръ въ настоящее время такъ занятъ книгою Гарнака: Сущность христіанства; въ церковномъ лагерѣ смятеніе по поводу ея такъ велико и такъ всеобще, что не замѣчаютъ другихъ проявленій подобнаго же разрушительнаго духа. И, однако, Гарнакъ ни въ какомъ случаѣ не останется одинокомъ, на его сторонѣ стоятъ не какіе либо незначительные, но богато одаренные и съ блестящею рѣчью единомышленники. И это все теологи, Господа уполномоченные готовить служителей церкви: они громкогласно возвѣщаютъ, что Иисусъ Христосъ не есть Господь и Богъ, какъ вѣровала вся церковь по всей землѣ отъ дней апостоловъ; что христіанство опирается не на сверхъестественное откровеніе изъ того міра, котораго ничей глазъ не видѣлъ и ничье ухо не слышало, что мы обрѣтаемся въ великомъ заблужденіи, если доселѣ внимаемъ апостоламъ и пользуемся ими, какъ руководителями къ вѣчной жизни. Мы не говоримъ, чтобы всѣ эти разрушители древней христіанской вѣры стояли во вѣнней связи, чтобы всѣ они въ нѣкоторомъ ролѣ были учениками или спутниками Гарнака. Вѣннее различіе между ними уже очень велико. Гарнакъ есть и остается тонкимъ, умнымъ литературнымъ бойцемъ, который не безъ вреда озадачиваетъ вѣрующую общину, но всегда умѣетъ сказать что нибудь столь прекрасное и благочестиво, что даже люди благочестивые позволяютъ себѣ пѣвнаться не потому, чтобы они желали обманывать, но потому, что на самомъ дѣлѣ въ вѣнкѣ его релігіозныхъ возрѣній вплетенъ нѣкоторый цвѣтокъ христіанства. Въ противоположность ему другіе выступаютъ рѣзче и грубѣе и сильною рукою разрушаютъ древнія стѣны и показываютъ паль дикія кучи развалинъ“.

Послѣ того листокъ занимается книгою профессора богословія Вернле (Wernle) изъ Базеля: „Корни (источники) нашей религіи“ (Anfänge unserer Religion), которая выступаетъ значительно радикальнѣе, чѣмъ извѣстное произведеніе Гарнака. Между прочимъ здѣсь въ этой книгѣ говорится:

„Христіанство возникло благодаря тому, что простолюдинъ, Іисусъ изъ Назарета, явился болѣе, чѣмъ пророкомъ, и такъ приковалъ къ себѣ людей, что по случаю его позорной смерти они готовы были за него жить и умирать. Іисусъ впечатлѣлъ новыя слова, бросая въ міръ новыя идеи; по единственно его личность дала этимъ словамъ и идеямъ побѣдную силу, при помощи которой они преобразовали міръ. Лица дѣлаютъ исторію и величайшимъ духовнымъ движеніемъ придаютъ свой личный отпечатокъ“. „Различіе пророка отъ вѣрующаго принадлежитъ къ элементарнымъ признакамъ каждой религіи“. Настоящее изслѣдованіе выходитъ изъ разсмотрѣнія самосвидѣтельства Іисуса и Его жизни. Но изъ Іисуса говоритъ „сверхчеловѣческое самосознаніе. И въ этомъ заключается тайна возникновенія христіанства“... Іисусъ ближе всего есть врачъ. Онъ „владѣлъ цѣлебною силою, которой невѣріе, конечно, полагало границы, по которой на основѣ вѣры могла вызывать сильнѣйшія физическія и психическія измѣненія“. „Рабски подчиняясь представленіямъ своего времени, отчасти даже самъ не пренебрегая своими цѣлительными средствами, Іисусъ, однако, оставляетъ возможность „черезъ всѣ магическія покрывала подмѣтнуть впечатлѣніе отъ его нравственной высоты: „то время было временемъ энтузіазма и Іисусъ „освобожденіе“ (Erlosung) встолковалъ, какъ наступленіе царствія Божія“. Съ исцѣленіемъ больныхъ было тѣсно связано исправленіе отщепенцовъ — мытарей и грѣшниковъ“. „Эта внутренняя миссія привлекала новой религіи достойнѣйшихъ людей, такъ какъ она обращалась къ испорченному но крайней мѣрѣ съ религіозной точки зрѣнія человѣку“. „Обѣтованіе о второмъ пришествіи—даже со стороны Іисуса вѣрованіямъ Его времени“. Онъ воспринялъ идею Мессіи, „такъ какъ она была формою для высочайшаго, послѣдняго (блага); онъ боролся съ нею, разлагалъ, преобразовывалъ; но часть обмана, какой она въ себѣ содержитъ, перенеслась и на него“. Сынъ Божій и сынъ человѣческій — такъ называлъ себя Іисусъ. Но первое выраженіе, такъ какъ оно дало поводъ къ физическимъ и метафизическимъ увѣреніямъ, вызвало продолжительную исторію несчастій, а второе выраженіе, заимствованное изъ іудейской апокалиптики, оставалось совершенно непонятнымъ для грековъ. „Съ самаго начала эти наименованія стали злымъ рокомъ для новой религіи“.

„Всеобщая евангелическо-лютеранская газета“ въ такихъ изъясненіяхъ профессора протестантской теологіи усматриваетъ „пугающее знаменіе времени“. Времени-ли? Она должна была лучше сказать, знаменіе „состоянія протестантизма“, ибо проф. Вериле вовсе не представляетъ собою „времени“. Но съ

протестантскими церковными обществами на самомъ дѣлѣ дѣла идутъ подѣ гору, такъ какъ они не имѣютъ возможности препятствовать распространенію такихъ разрушительныхъ ученій и безостановочному саморазложенію протестантизма. „Путь, которымъ онѣ идутъ, есть путь къ смерти“. Только предѣ католиками Листки, какъ Имперскій Вѣстникъ, еще велячуются „чистою Евангелію“; напротивъ, когда они говорятъ о протестанствѣ, то жадуются на недостатокъ вѣры въ Евангеліе. И такое „чистое ученіе à la Вернле должно быть приписано католикамъ Австро-Венгріи! При этомъ выставляется на видъ освободительное (отъ Рима) движеніе, которое будто бы должно „поставить свѣтъ Евангелія снова на подсвѣчникъ“. Выставляютъ сами себя на смѣхъ и не замѣчаютъ. Этотъ старый раціонализмъ въ новомодной обработкѣ уже давно извѣстенъ въ Австріи, какъ іософинизмъ; нынѣшнему протестантизму, который хочетъ нести спасеніе другимъ, можно только сказать: „врачу, исцѣлися самъ!“

О христіанствѣ модернической теологіи по поводу книги Гарнака даже „нѣмецко-американскій журналъ für Theologie u. Kirche высказываетъ въ высшей степени неблагопріятное сужденіе, о которомъ нѣмецкія протестантскія церковныя газеты говорятъ, что оно одновременно и національно и попадаетъ въ существо предмета.

„Едва ли много утверждается, если говорятъ, что въ теченіи пятидесяти лѣтъ не появлялось ни одного богословскаго произведенія, которому бы посвящено было столь всестороннее вниманіе, какъ книгѣ Гарнака. Оно свидѣтельствуетъ не только о признаціи литературныхъ талантовъ ученаго профессора, но также о глубокомъ и всеобщемъ интересѣ къ великому вопросу, который обсуждается въ его произведеніи. Кратко говоря, авторъ дѣлаетъ въ немъ попытку содержаніе христіанской вѣры свести къ минимуму; при этомъ, намѣреніемъ его, кажется, было — устранить тѣ *соблазны, какіе находитъ современное человечество въ христіанствѣ* и сдѣлать легкою приверженность къ нему. Результаты, къ какимъ приходитъ его опытъ, у простого народа, если только онъ знакомъ вообще съ его идеями, будутъ имѣть дѣйствіе, прямо-таки обратное его намѣренію. Что я этимъ хочу сказать, я это могу показать всего лучше на такой картинѣ. Въ Америкѣ живетъ человекъ, который потерялъ обѣ ноги и руки. Онъ владѣетъ только своею головою и тулови-

щемъ. Можно говорить, что онъ еще владѣетъ всѣмъ, что принадлежитъ къ существу человѣка. Да, мы можемъ пойти дальше и представить себѣ, что у него обрѣзанъ носъ, отсѣчены уши, вырваны зубы, кожа съ головы содрана и глаза выколоты, в это бѣдное, изувѣченное созданіе было бы еще тогда существенно человѣкомъ. Но какъ понравился бы тебѣ, любезный читатель, такой человѣкъ? Ты былъ бы завѣрно за то, чтобы этого несчастнаго помѣстили въ какое-либо закрытое учрежденіе, гдѣ бы его болѣе никто не видалъ. То же происходитъ съ христіанствомъ подъ руками тѣхъ, кто желаетъ свести его содержаніе къ минимуму. Одна часть отторгается, другой—другую и въ концѣ концовъ остается только изуродованное туловище, которое никому не нравится.

Если ортодоксалы такого уroda сравниваютъ съ искаженнымъ современною Ричле гарнаковскою школою протестантизмомъ, то во всякомъ разѣ оправдывается вопросъ, *за что же слѣдуетъ принимать нынѣшній протестантизмъ* и почему многіе употребляютъ столь великія усилія, чтобы освободить католиковъ отъ Рима и посредствомъ пропаганды „Общества евангелизаціи“ расположить ихъ къ вступленію въ общество, руководящіе богословы котораго оставляютъ отъ христіанства „только изуродованное туловище, которое никому не нравится“.

Распространенію невѣрія въ протестантизмъ, какъ уже въ первомъ отдѣлѣ этой книги объяснено, не мало содѣйствовалъ Гарнакъ своею книгою: „сущность христіанства“. Нѣмецкая евангелическая газета горько жалуется на это (№ 6 за 1901 г.), выходя изъ того утвержденія, что Спаситель по это книгѣ перестаетъ быть предметомъ вѣры.

Д. Гарнакъ со своею искрометною книгою, которая, однако, представляетъ собою ничто иное, какъ наполовину религіозный, наполовину моральный раціонализмъ, торжественно провозглашается апостоломъ двадцатаго вѣка. Осмѣливаются ставить только легкій знакъ вопроса предъ положеніемъ, что ученіе о Христѣ не принадлежитъ къ евангелію. Но въ самомъ произношеніи его даютъ разрѣшеніе этому богословскому грѣху, и книгу, которая знаменуетъ только регрессъ, ставятъ наряду съ рѣчами Шлейермахера о религіи, которыя знаменовали прогрессъ. Высшіе чины церкви, которые по размышляють, выражаютъ удивленіе вождю ричлякской лѣвой, и преподаватели высшихъ женскихъ школъ, какъ мы слышали, ежедневно рекомендуютъ матерямъ это новое евангеліе для рождественскаго подарка дѣтямъ. Можно было бы утѣшаться мыслию, что книга

по крайней мѣрѣ извѣстныхъ недруговъ христіанства изъ образованнаго класса заставитъ выскунуть въ ея идеи; но эта цѣль не достигается. Напротивъ, множество юныхъ богослововъ вовлекается въ волшебный кругъ христіанства, безъ Спасителя. Авторъ называетъ добавокъ свое пониманіе историческимъ, хотя оно весьма неисторично. Ибо въ теченіе девятнадцати столѣтій вопросъ: что вы думаете о Христѣ? является кореннымъ вопросомъ исторіи церкви. Теперь возрастаютъ личности не въ царствѣ абстракцій, но на почвѣ исторіи. Какъ онѣ должны развивать себя, если о спасительныхъ дѣлахъ Божіихъ ничего твердаго не остается, кромѣ миссіи сына Іосифа? *Вѣра опустошается и исповѣданіе церкви совершенно забывается.* Въ этой атмосферѣ могутъ вырастать только колеблющіяся души, которыя преклоняются предъ духомъ времени и не пріобрѣтаютъ вѣчности, такъ какъ всѣ реальности невидимаго міра исчезаютъ въ разжеванномъ воздухѣ мысли. Кто въ Меня вѣруетъ, говоритъ Христосъ, тотъ имѣетъ жизнь вѣчную. Но если теперь Христа вычеркиваютъ изъ второго члена символа и оставляется собственно только ученіе о Богѣ, тогда образованіе христіанскихъ личностей вообще дѣлается невозможнымъ“.

Ортодоксальный листокъ далѣе изъясняетъ, что въ этой теологіи все—эволюція и человѣчно; далѣе говорится объ этомъ слѣдующее:

„Протестантизмъ сдѣлался слишкомъ интеллектуализмиченъ. Даже ортодоксія слишкомъ много отдавалась формулировкѣ ученія и пренебрегала жизнью. Но позади ихъ догматовъ все же стоялъ невидимый міръ, подобно пагорюю откровенія, съ котораго (пагорья) съ шумомъ струится источникъ жизни. Ныпѣ отвергаютъ божественныя дѣла, о которыхъ свидѣтельствуетъ откровеніе, нисшествіе въ міръ отъ вѣка сущаго Сына Божія, его сверхъестественное рожденіе, его восшествіе на небо, на разные лады также и воскресеніе. Безъ пустого гроба нѣтъ воскресенія въ смыслѣ Писанія, нѣтъ новой жизни протстекающей изъ дуа воскреснаго. Свободный отъ пыли, чистый воздухъ есть первое условіе для лѣченія расположенныхъ къ чахоткѣ людей; подобнымъ же образомъ спасеніемъ для нашего поколѣнія была бы освобожденная отъ сомнѣній атмосфера христіанскаго спасенія. Но модерническая теологія все разлѣдаетъ. Всѣ пространства церкви наполнены всею проникающею пылью критической работы. Идетъ рѣчь о проблемахъ, а объ истинѣ умалчивается. Теорія познанія пожираетъ реальности вѣры. Что намъ нужно, это духъ вѣры и сила къ жизни; но того и другого недостаетъ. Естественно это чувствуютъ и въ приходахъ церковныхъ; отъ церкви не исходитъ никакой силы, ни вѣры, ни жизни“.

Относительно духа протестантизма въ Германіи еще въ 1899 г. въ № 1-мъ своего листика Штѣккеръ писалъ:

„Протестантскій духъ въ Германіи столь различенъ, что невозможно найтн для него выраженіе въ какомъ-либо одномъ цѣльномъ образѣ. Многіе подъ нимъ разумѣютъ формальные принципы реформаціи, свободу совѣсти и свободу изслѣдованія, относясь къ вѣроученію евангелическихъ исповѣданій равнодушно, съ сомнѣніемъ или съ невѣріемъ. Къ сожалѣнію, истинный протестантскій духъ въ самой церкви ни разу не защищался. Мы имѣемъ помѣстныя церкви, въ которыхъ дозволяется даже на церковной каедрѣ всякая степень отрицанія вѣры и вражды къ исповѣданію. Конечно, это—не въ прусской церкви, этой величайшей евангелической церкви всего протестантства. Но мы на своемъ вѣку видѣли, какъ пасторъ и суперъинтендентъ, который въ одномъ произведеніи изобразилъ ложнымъ не только ученіе о Божествѣ І. Христа, но также и объ оправданіи вѣроу, отдѣлялся лишь выговоромъ и остался въ своей двойной должности. При такомъ своемъ настроеніи церковь естественно не въ состояніи обрѣтать духъ народа для христіанской истины. Скорѣе можно не удивляться тому, что если сама церковь не защищаетъ самыя необходимыя основныя положенія своего исповѣданія, то ея члены вмѣстѣ съ Пилатомъ спрашиваютъ: «что есть истина»? Образованіе крѣпкаго протестантскаго духа невозможно при этомъ. Въ этомъ отношеніи прежде всего должно быть насаждаемо всякаго рода улучшеніе.

Дѣйствительно, въ широкихъ кругахъ протестантскаго народа усиливается видимо безнадежно *ерелигіозное равнодушіе*, гдѣ уже выступаютъ худшее настроеніе, именно ненависть къ церкви. Если спрашиваютъ, откуда же должна произойти перемѣна, то отвѣтъ можетъ состоять только въ томъ, что единственно Духъ Божій въ состояніи устранить столь глубоко укоренившееся отступленіе. Во имя этого духа должно быть обличаемо съ силою пророковъ это отпаденіе, новыми языками должна возвѣщаться вѣра. Живые христіане, вспоминая обѣтованія, какія далъ Господь церкви относительно молитвы своихъ учениковъ, должны зывать къ Богу, чтобы Онъ снова еще разъ сошелъ съ неба и помогъ христіанству. Но вмѣсто сего половинчатость расслабляетъ мужество. Не осмѣливаются публично изображать невѣріе людей образованныхъ, ученыхъ, либерализма, бюрократіи, такъ какъ междупартійный духъ въ церкви, какъ и въ государствѣ, требуетъ примиренія направленій, что единственно признается нужнымъ. А тѣ, кто въ духѣ строгой вѣры и съ крѣпкою молитвою работаютъ для царствія Божія, настроены всего болѣе столь индивидуалистично, что они не замѣчаютъ обвзхристіаненія народнаго духа, или, если замѣчаютъ, ви-

дятъ въ этомъ только предварительное знаменіе конца міра. Они радуются сотнямъ, коихъ они принимаютъ за пробужденныхъ, и предоставляютъ народъ самымъ дурнымъ силамъ. Удовлетвореніе по поводу обращеній и обновленій въ маломъ кругѣ позволяетъ имъ просматривать милліоны глубоко падшихъ, сотни тысячъ образованныхъ, погрязшихъ въ невѣріе. Нѣтъ ничего нужнѣе для Германіи, какъ чтобы эти вѣрные и неутомимые христіане, которые не заботятся объ угожденіи міру, болѣе печаловались о грѣхѣхъ міра, вмѣсто того, чтобы предпочтительно донскиваться сокровеннѣйшихъ тайнъ будущаго и заниматься самою глубокою мистикою души. Они должны также изучать пророческія писанія Ветхаго Завѣта, чтобы обстоятельства жизни своего народа видѣть въ свѣтѣ Духа Божія.

Религіозное равнодушіе, обезхристіаненіе народа—вотъ что представляетъ нынѣшній протестантизмъ.

„Впрочемъ, модерническою теологіею профессора Гарнака еще далеко не всѣ довольны: приверженцамъ протестантскаго ферейна она представляется еще слишкомъ ортодоксальною. Профессоръ практическаго богословія изъ Киля Д. О. Баумгартенъ выставляетъ себя въ „Ежемѣсячникѣ церковной практики“ (№№ 25 и 26) рѣшительнымъ либераломъ, который ни въ какомъ случаѣ не хочетъ быть зачисленнымъ въ ряды ричліанъ, такъ какъ они для него—слишкомъ положительны. Ни разу маленькій катихизисъ Лютера не нашелъ пощады у Баумгартена и уже обученіе юношества онъ хочетъ лишить всякой конфессіональной опредѣленности. Отъ человѣка, для котораго ричліане слишкомъ положительны, можно уже ожидать кой-чего, и нисколько не удивительно, если онъ въ своемъ ежемѣсячникѣ далъ мѣсто для гамбургскаго старшаго учителя лиценціата Фольмера, чтобы онъ здѣсь изложилъ *библейскую исторію* безъ чуда, въ которой, между прочимъ, говорится о пятидесятницѣ слѣдующее:

„Ученики были въ пятидесятый день по Пасхѣ въ храмѣ, такъ какъ былъ недѣльный праздникъ. Благодарили Бога за богатую весницею жатву. Въ молитвѣ благодаренія апостолы вспоминали также о величайшемъ дарѣ, какой Богъ ниспослалъ людямъ,—о Спасителѣ. И вотъ имъ пало на душу то, что онъ обѣтовалъ имъ: если я когда нибудь болѣе не останусь между вами, то на васъ снизойдетъ Духъ Божій. И когда они

теперь разговаривали другъ съ другомъ объ этомъ, у нихъ на сердцѣ ставилось необычно радостно. Однѣ началъ громко прославлять Бога, другіе ему вторили.

Но этотъ ежемѣсячникъ имѣетъ также еще другіе методы подъ рукою. Онъ не прочь сохранить рассказы о чудесахъ для перваго обученія и требуетъ только на дальнѣйшихъ ступеняхъ образованія двойнаго указанія на то, что во-первыхъ, здѣсь идетъ рѣчь не о внѣшнемъ, доступномъ чувствамъ фактѣ, а о поэтическомъ образѣ внутреннихъ состояній и что нашъ рассказъ не долженъ заключать никакого точнаго упоминанія о событіи рѣчи новыми языками.

Само собою понятно, проповѣди отличаются подобнымъ же духомъ. Рождественскій проповѣдникъ, какъ говоритъ „всеобщая евангелическая лютеранская газета“, вообще болѣе не занимается евангелиемъ о Рождествѣ Христовомъ, ни въ цѣломъ, ни по частямъ; онъ ни единымъ словомъ не обмолвится на его текстъ; онъ имѣетъ въ виду болѣе важное и изъ небеснаго блеска святой ночи онъ ведетъ свой изумленный приходъ въ мрачную мистическую тьму языческой мифологіи и радуется его одушевленными обращеніями къ сказочнымъ героямъ и ничтожностямъ (Recken und Wichte). Таково, на-примѣръ, слѣдующее мѣсто, которое шло бы въ качествѣ фельетона для либеральнаго и социаль-демократическаго листка, но о которомъ не знаешь, зачѣмъ оно пошло въ проповѣдь:

„Войдите же вы, стырые пѣмецкіо духи, великій и малый, герои и малыя, всѣ вы неуклюжія (knorrigén) фигуры (Leidgestalten) съ вашею природною силою и всѣ вы близкіе, искропно дружественныя малыя, вы не должны далѣе бродить по далекиимъ чужбинамъ, приходите въ ваше отечество, изъ котораго вы провзникли, въ вашу домъ, празднуйте Рождество Христово, созерцайте дитя—Иисуса, онъ также и для васъ родился, чтобы спасти васъ отъ *дикой* жизни безъ цѣли и смысла, для истинной, человѣческой жизни. Спаситель пришелъ также и для васъ, чтобы дать душу *чуждымъ существамъ тѣнямъ* (wesenlosen Schatten), чтобы вы научились жить. Возвращайтесь же въ отеческій домъ, къ Отцу всѣхъ духовъ, который создалъ также и васъ, который любитъ и васъ и желаетъ имѣть васъ при себѣ ради славы своей“.

Гомилетическое использование Праздника пасхи и вознесенія

Господня представляетъ нѣчто маловѣроятное. Въ отношеніи къ послѣднему проф. Баумгартенъ думаетъ, что необходимо выражать не только то, что „разсказъ о вознесеніи не есть существенная составная часть евангельской исторіи, но и то, что онъ есть позднѣе сочиненная картина ради завершения исторіи Иисуса. Проповѣдь на Вознесеніе изъ-подъ пера одного молодого баварскаго пастора, какую онъ даетъ въ своемъ журналѣ, отличается полнымъ невниманіемъ къ священному тексту исторіи и развиваетъ формально очень искусно, но въ существѣ дѣла довольно пошло ту идею, что мы достаточно знаемъ о небѣ, чтобы сердце имѣть въ небѣ и небо въ сердцѣ. О праздникѣ пятидесятницы проф. Баумгартенъ пишетъ:

„Вѣщное наполненіе пространства порывомъ вѣтра и испаденіе огненнаго потока въ видѣ языковъ на апостоловъ суть не вразумительные символы внутреннихъ явленій, а рѣчь иными языками—дѣло грубаго мнѣослуженія, доведеннаго до крайняго преувеличенія, такъ что изъ внутренняго чуда явилось грубое физическое чудо всемірнаго языка, который, если бы его находили не въ священномъ писаніи, но въ католическихъ легендахъ о святыхъ, прямо-таки былъ бы признанъ безвкусицей“.

„Всеобщая евангелическая лютеранская газета“ находитъ, что старый *раціонализмъ* былъ гораздо болѣе миренъ и терпѣливъ, чѣмъ эта новая школа. Баумгартенъ не хотѣлъ бы далѣе принадлежать къ терпящимъ, но хотѣлъ бы переменить наковальню на молотъ, и на кильскомъ факультетѣ ему открыто бросаютъ упрекъ, что внѣ круга своихъ студентовъ отчасти онъ ведетъ пропаганду въ городахъ и деревняхъ, въ домахъ духовныхъ и въ кругахъ учительскихъ и планомерно дѣйствуетъ къ вытѣсненію лютеранства изъ церкви и школы. Свое обѣщаніе служить церкви онъ понимаетъ именно въ томъ смыслѣ, что онъ имѣетъ въ виду освободить ее отъ лютеранства. Въ связи съ этимъ листокъ спрашиваетъ высшій церковный совѣтъ:

„Считаетъ-ли высшій церковный совѣтъ такую силу совершенно умѣстною въ лютеранской помѣстной церкви Шлезвигъ-Гольштейнѣ? Во всякомъ случаѣ онъ не долженъ удивляться, что при такомъ отношеніи его къ дѣлу становится все больше армія такихъ лицъ, которыя, будучи служителями церкви, работаютъ въ духѣ *освобожденія ея отъ писанія*

и исповѣданія и съ холодностію людей свѣтскихъ трактуютъ о свѣтѣйшихъ благахъ нашего народа“.

Поэтому-то конференція пасторовъ Шлезвигъ-Голштиніи подала 26 іюня 1902 г. подписанную 193-ми пасторами докладную записку въ министерство, въ которой, между прочимъ, сказано слѣдующее:

„Нынѣ мы снова обращаемся къ послѣдней и отвѣтственной инстанціи министерства съ возобновленнымъ настоятельнымъ представленіемъ и жалобой. Она вызвана агитаторскою полемикою профессора практической теологіи д. Баумгартена въ Киль противъ основныхъ членовъ нашей христіанской вѣры, противъ авторитета священнаго писавія и вѣроисповѣдной основы религіознаго обученія — лютеранскаго катихизиса. Научныхъ трудовъ г. профессора, на основаніи которыхъ мы могли бы охарактеризовать его богословскія воззрѣнія, нѣтъ у насъ подъ руками; основаніе для обвиненія намъ даютъ главнымъ образомъ при его содѣйствіи появившееся въ свѣтъ повременное изданіе „Schlesw.—Holst. Kirchenbl. и отчеты ежедневныхъ газетъ о его дѣятельности, но его агитаторская дѣятельность устная и письменная простирается не только къ тому, чтобы *лишить* церковь ея вѣроисповѣданной точки опоры, но и *библейской вѣры*. Его вліяніе въ этомъ направленіи на студентовъ богословскаго факультета, на мѣръ учителей и на прессу не можетъ подлежать отрицанію... Мы останавливаемся предъ вопросомъ, смѣемъ-ли мы молчать при этомъ, чтобы модерническое богословіе посягало на *послѣднія основы нашей вѣры* — факты домостроительства нашего спасенія, на которыхъ покоится наше спасеніе, -- и испровергло ихъ. Мы просимъ Ваше превосходительство не пріумножать опасностей церковнаго положенія: отпаденіе по частямъ (*Abbröckelung*) церковно-вѣрующихъ круговъ, которые доселѣ были столпомъ церкви, пропаганда католицизма освободившемуся отъ исповѣданія протестантству, усиленное распространеніе социалистическаго освободительнаго отъ вѣры и исповѣданія движенія среди массъ — эти осязательныя прискорбныя явленія по истинѣ ясно говорятъ сами за себя! Поэтому мы выражаемъ надежду, которая, уповаемъ, не останется тщетною, что... профессура практическаго богословія далѣе не останется довѣренною лицу, которое враждуетъ противъ исповѣданія нашей церкви“.

При обсужденіи рѣчи барона von Vurgant, произнесенной имъ 7-го мая 1902 г. въ палатѣ господъ, Имперскій вѣстникъ энергично заявилъ, чтобы евангелическая церковь не была убѣжищемъ атеизма, безграничнаго свободомыслія, въ

нѣкоторомъ родѣ пантеономъ для всѣхъ религіозныхъ убѣжденій. Въ дѣйствительности же нынѣшній нѣмецкій протестантизмъ сталъ „заломъ, открытымъ для выраженія всякаго рода человѣческихъ мнѣній уважаемыхъ профессоровъ“, пантеономъ всѣхъ религіозныхъ убѣжденій“. Евангелическая церковь стала именно тѣмъ, для чего, по Имперскому Вѣстнику, она не существуетъ. Имперскій Вѣстникъ самъ не можетъ отрицать этого. Протестанты сами доставили подавляющій матеріалъ для доказательства этого. Нынѣшній протестантизмъ представляется какъ бы совершенно выдолбленнымъ изнутри. Возвращаясь однажды къ дебатамъ палаты господъ отъ 7-го мая 1902 г., Крестовая газета высказала мнѣніе, что если бы дѣло обстояло такъ, то „по нашему твердому убѣжденію, евангелическая церковь должна была бы бросить всякую надежду одержать побѣду надъ Римомъ на почвѣ вѣры, и борьбы противъ него, можетъ быть, могла бы вестися только подъ девизомъ сомнѣнія, невѣрія и отрицанія всякаго иного авторитета, кромѣ авторитета собственнаго я. Такимъ манеромъ, она должна была бы во всякомъ случаѣ перейти въ *борьбу противъ религіи вообще*“. И въ этомъ Крестовая газета вполне права.

S. N.

(Продолженіе будетъ).

Свобода воли и нравственная статистика.

Съ какимъ гордымъ чувствомъ самовозвеличенія, съ какимъ мечтательнымъ сознаніемъ свободного самоопредѣленія вступаетъ человѣкъ въ жизнь! Но едва только онъ начнетъ понимать жизнь, едва столкнется съ реальною дѣйствительностью, какъ видитъ себя крайне ограниченнымъ сотнями и тысячами соображеній. Гдѣ онъ готовъ былъ принять опредѣленное рѣшеніе. тамъ обстоятельства, неожиданно для него самого, побуждаютъ его къ другому подчасъ совершенно противоположному рѣшенію; гдѣ онъ считалъ себя активно-дѣйствующимъ лицомъ, тамъ оказывается, онъ является жалкимъ, пассивнымъ орудіемъ окружающей среды. И вотъ невольно выступаетъ предъ нимъ вопросъ, куда же дѣвалась его свободная воля, что съ нею стало и что она въ такомъ случаѣ представляетъ изъ себя? Ясно, что вопросъ о свободѣ воли не есть вопросъ только теоріи, это вопросъ жизни,—онъ настойчиво выплываетъ въ сознаніи каждаго мыслящаго человѣка, онъ вытекаетъ изъ самыхъ интимныхъ его переживаній.

Бросая ретроспективный взглядъ на исторію человѣческихъ исканій вообще, а въ области этики въ частности, мы видимъ, что вопросъ о свободѣ воли представляетъ ту подводную скалу, о которую разбивались многія усилія древнихъ и новыхъ мыслителей; до сихъ поръ онъ вызываетъ массу возраженій какъ научнаго, такъ и чисто практическаго житейскаго характера.

Въ послѣднее время противники свободы воли, какъ сильное возраженіе противъ нея, выставляютъ данныя нравствен-

ной статистики. Насколько справедливо подобное утверждение, т. е. говорятъ-ли данныя нравственной статистики противъ свободной воли или, быть можетъ, нравственная статистика и ученіе о свободѣ воли, нисколько не уничтожая и не стѣсня другъ друга, могутъ вполне самостоятельно существовать, — рѣшеніе этого вопроса и составляетъ предметъ настоящаго изслѣдованія.

Нравственная статистика сравнительно молодая наука, за нею числится какихъ-нибудь полъ столѣтія. Конечно, статистическія выкладки сами по себѣ довольно древни, они производились во многихъ отрасляхъ промышленности, въ правительственныхъ учрежденіяхъ и т. п., но только въ позднѣйшее время стали пользоваться ими при объясненіи тѣхъ или иныхъ соціально-этическихъ явленій. Цифровыя данныя, предложенныя Кетле и Эттингеномъ, выдающимися представителями этой новой науки, поразили весь ученый міръ и вызвали горячую полемику въ нѣмецкой литературѣ. Не смотря даже на то, что нравственная статистика находилась тогда, по словамъ самого Кетле, еще въ младенческомъ состояніи и обладала слишкомъ ничтожнымъ запасомъ фактовъ, принадлежавшихъ исключительно къ ея области, тѣмъ не менѣе данныя Кетле и Эттингена должны были, повидимому, показать ихъ современникамъ всю ничтожность человѣческой воли.

Такое явленіе можно объяснить исключительно неясностью господствовавшихъ въ то время понятій о свободѣ воли. Многие понимали свободу воли, какъ „свободный выборъ чистой воли“, т. е. произвольныя дѣйствія человѣка разсматривали, какъ результатъ одного только желанія. Предъ такими лицами нравственная статистика раскрывала рядъ внѣшнихъ, соціальныхъ причинъ, которыя обусловливаютъ собою произвольныя дѣйствія человѣка. Представляя волевые акты, какъ опредѣленную причинную цѣпь, Кетле-Эттингенъ и послѣдующая статистики переносили эту цѣпь за предѣлы индивидуумовъ. Ежедневный и ежечасный опытъ убѣждалъ ихъ въ тѣсной связи человѣческихъ желаній, какъ главныхъ и исходныхъ волевыхъ факторовъ, съ соціальною обстановкою; отсюда они, съ неизбежностью естественнаго процесса, признали зависимость

и индивидуальных хотѣній отъ законовъ общественной жизни. Существуетъ общество, развивающееся сообразно своимъ социальнымъ законамъ; все въ немъ совершается съ удивительною закономѣрностью и крайнею необходимостью. Признаваемые нами свободными акты человѣческой воли, какъ-то—браки, убійства и самоубійства, совершаются въ твердо установившемся процентномъ отношеніи къ наличному количеству населенія вообще и къ наличному количеству мужчинъ, женщинъ, и дѣтей въ частности; болѣе того, всѣ эти акты съ удивительною закономѣрностью повторяются въ извѣстные періоды времени, изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяць. Интересны въ этомъ отношеніи цифровыя данныя, приводимыя Кетле. Воспользовавшись статистическими документами Бельгіи, гдѣ, при хорошемъ состояніи метрическихъ книгъ, можно было рассчитывать на отсутствіе значительныхъ пробѣловъ, онъ слѣдующимъ образомъ рисуетъ статистическую картину браковъ. Въ теченіе пяти лѣтъ (отъ 1841 по 1845 г.) число мужчинъ отъ 25 до 30 лѣтняго возраста, вступившихъ въ бракъ въ городахъ, равнялось 2681, 2655, 2516, 2698, 2698. Средняя цифра 2652. Можно надѣяться, что въ слѣдующемъ 1846 году число имѣющихъ вступить въ бракъ мужчинъ отъ 25 до 30 л. немного уклонится отъ 2652, всего въ Бельгіи въ 1846 г. неженатыхъ 12000, изъ которыхъ только $\frac{1}{4}$ живетъ въ городахъ. Такимъ образомъ, вѣроятность вступленія въ бракъ одного горожанина въ 1846 равняется $\frac{2652}{30000}$ или 0,0884. Подобнымъ образомъ опредѣляется вѣроятность вступленія въ бракъ мужчинъ—горожанъ отъ 30—35 л. въ 0,932. Съ другой стороны, ссылаясь на общія таблицы преступленій, Кетле говоритъ, что во Франціи въ періодъ съ 1826 по 1844 г. ежегодно среднимъ числомъ было 7434 обвиняемыхъ въ преступленіи и 4644 приговоренныхъ судомъ. При общемъ количествѣ населенія въ 34 м. на 1 м. жителей приходилось 218,6 обвиняемыхъ и 136,6 приговоренныхъ. Вѣроятность быть обвиняемымъ равнялась 0,0002186, а быть приговореннымъ=0,0001366. Въ частности, для мужчинъ вѣроятность быть обвиняемымъ равнялась 0,0003621 и быть пригово-

реннымъ = 0,0002243; для женщинъ вѣроятность перваго рода равнялась, 0,0000767 и второго рода 0,0000447. На всѣ эти числа, выражающія относительныя степени той или другой склонности, не должно смотрѣть, заявлялъ самъ Кетле, какъ на фиктивныя; они заслуживаютъ того-же довѣрія, какъ и таблицы смертности, на которыхъ страховыя общества основываютъ всѣ свои расчеты". (Соціальная система и законы ея управляющіе, гл. III). Къ такому заявленію Кетле какъ нельзя болѣе уместно присоединить слѣдующія слова нѣмецкаго проф. Виндельбанда: „въ этомъ, казалось, раскрывалась таинственная естественная необходимость, и статистикамъ, которые занимались этими изслѣдованіями, представлялось всего болѣе уместнымъ сравненіе съ привычными для нихъ таблицами смертности. Какъ изъ тысячи человѣкъ ежегодно умираетъ X человѣкъ, такъ крадутъ Y, такъ вступаютъ въ бракъ Z. Одно казалось такъ же необходимымъ и такъ же недобровольнымъ, какъ и другое. Восемь человѣкъ должны, напр., въ извѣстномъ мѣстѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ совершить кражу,—имъ оставалась лишь, какъ остроумно сказалъ Лотце, свобода совершить кражу пѣшкомъ или верхомъ". (Свобода воли стр. 80).

Нравственная статистика не останавливается, однако, на общихъ категоріяхъ лицъ и событій. Въ дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованіяхъ она рѣшаетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ оба пола, различаемые по возрастамъ, принимаютъ участіе въ общей массѣ браковъ, преступленій, самоубійствъ и т. п.; она различаетъ браки холостыхъ отъ браковъ вдовцовъ, браки холостыхъ со вдовами и вдовцовъ съ дѣвцами; она классифицируетъ преступниковъ и самоубійцъ по роду ихъ занятія и условіямъ жизни, по ихъ религіи и вѣроисповѣданіямъ; она отдѣляетъ преступленія противъ лицъ, отъ преступленій противъ собственности, подраздѣляя преступленія, совершаемыя по злобѣ и совершаемыя изъ корысти и т. п.; она, наконецъ, рассматриваетъ числа браковъ, преступленій и самоубійствъ по времени и въ связи съ соціально-экономическими и политическими явленіями.

Такова внѣшняя сторона нравственной статистики.

Что же касается ея логическихъ основаній, то они всецѣло заключаются въ принципахъ теоріи вѣроятностей, объектомъ которой являются группы событій. Какъ извѣстно, событія зависятъ отъ извѣстнаго числа постоянныхъ и измѣнчивыхъ условій; постоянными условіями событія бываютъ сходны между собою и напротивъ, различаются другъ отъ друга измѣнчивыми условіями или, какъ говорятъ еще, измѣнчивыми причинами. Числовыя операціи всегда направлены бываютъ только на постоянныя условія, такъ какъ и теорія и опытъ убѣждаютъ, что при достаточно большомъ числѣ событій, послѣднія группируются въ зависимости отъ постоянныхъ своихъ условій, отъ постоянныхъ своихъ причинъ. Предположимъ, что въ извѣстной урнѣ находится опредѣленное число бѣлыхъ и черныхъ шаровъ. Если мы станемъ вынимать изъ нея по одному шару и затѣмъ снова опускать, то чѣмъ чаще будемъ продѣлывать это, тѣмъ болѣе будетъ уравниваться число вынутыхъ бѣлыхъ и черныхъ шаровъ. Съ другой стороны, если мы не зная числа бѣлыхъ и черныхъ шаровъ въ урнѣ, станемъ вынимать по одному и снова опускать, то замѣтимъ, что число вынутыхъ бѣлыхъ и черныхъ шаровъ уравнивается; причемъ, чѣмъ дальше будемъ продѣлывать это выниманіе и опусканіе, тѣмъ все болѣе отношеніе будетъ приближаться къ простой чистой пропорціи. Отсюда мы заключаемъ объ извѣстномъ соотношеніи числа бѣлыхъ и черныхъ шаровъ.

Итакъ, постоянныя условія—извѣстное число бѣлыхъ и черныхъ шаровъ и однообразность ихъ строенія, измѣнчивыя—совпаденіе бѣлаго или чернаго шара съ хватающей рукой, что въ свою очередь обуславливается порядкомъ, въ какомъ расположены тѣ и другіе шары, и направленіемъ берущей руки. Такимъ образомъ, собственно не дѣло случая, что будетъ вынутъ тотъ или другой шаръ, оно совершается съ полною необходимостью ¹⁾ Однако, заранее предсказать.

¹⁾ Дробишъ въ своей статьѣ „нравственная статистика“ говоритъ: „въ природѣ ничто не происходитъ случайно, всякое появленіе и исчезновеніе чего-бы то ни было, всякая переменна—необходимое послѣдствіе дѣйствующихъ причинъ“ (1 стр.). Если же приходится иногда говорить о случайности, то только въ извѣстномъ ограниченномъ смыслѣ, т. е. „о той случайности, которая такъ

цвѣтъ шара невозможно, такъ какъ нѣтъ законной постоянной связи между положеніемъ шара и направленіемъ хватающей руки. Въ этомъ смыслѣ и можно сказать, что здѣсь нѣтъ никакого правила. Когда мы, затѣмъ, продолжимъ свой опытъ сравнительно долгое время, то убѣдимся въ соотношеніи числа вынутыхъ бѣлыхъ и черныхъ шаровъ. Нельзя сказать, что теперь прекратилось дѣйствіе случайныхъ причинъ; уже самыя смѣны обоихъ цвѣтовъ, лишенная всякой правильности, говорятъ за наличность послѣднихъ. Если же въ неправильной смѣнѣ цвѣта шаровъ обнаруживаются случайныя причины, то въ числѣ ихъ обнаруживается дѣйствіе постоянныхъ причинъ. При дѣйствіи тѣхъ и другихъ причинъ законность явленій всегда проявляется только на большомъ ихъ числѣ, на маломъ же числѣ она незамѣтна.

То же самое можно сказать и относительно игры въ кости. При метаніи кость упадетъ на одну изъ шести сторонъ не потому, что она въ самой себѣ носитъ предпочтеніе той или другой стороны. Всѣ стороны кости устроены совершенно однообразно и эта однородность строенія составляетъ ее постоянную причину. Измѣнчивыми же условіями являются, въ данномъ случаѣ, первоначальное положеніе кости, направленіе паденія, сила и быстрота полета. Такимъ образомъ, можно быть увѣреннымъ, что, съ увеличеніемъ количества метаній, число случаевъ паденія на ту или другую сторону станетъ замѣтно уравниваться до чистой пропорціи. Однако, если такое уравненіе не наблюдается даже послѣ многократныхъ метаній, то, очевидно, центръ тяжести какой-либо кости не совпадаетъ

часто обнаруживается въ совпаденіи различныхъ событій, хотя каждое отдѣльное событіе имѣетъ свои ближайшія и болѣе отдаленныя причины, но причины одновременно происходящихъ событій часто не имѣютъ между собою ни малѣйшей связи, или по крайней мѣрѣ общая ихъ исходная точка относится къ такому отдаленному прошедшему, что должны считать тѣ цѣпи явленій, послѣдними звеньями которыхъ являются извѣстныя намъ событія, не находящимися ни въ какой связи между собою. Такъ, мы называемъ случайностью совпаденіе смерти или рожденія какого-нибудь великаго человѣка съ однимъ изъ болѣе рѣдкихъ небесныхъ явленій, какъ напр. день смерти Канта 12 ф. 1804 г. съ солнечнымъ затменіемъ, или годъ рожденія Наполеона и Веллингтона, Кювье и А. Гумбольда“ (6 стр.).

съ ея стереометрическимъ центромъ, другими словами, кость фальшива, такъ какъ не обладаетъ однородностью строенія (постояннымъ условіемъ).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что все время мы имѣли дѣло исключительно съ большими числами. Законъ большихъ чиселъ составляетъ, поэтому, основное положеніе теоріи вѣроятностей и является необходимою предпосылкой для всѣхъ ея цифровыхъ операцій.

Не лишнее замѣтить, что эти операціи и исчисленія, какъ свидѣтельствуютъ тѣ-же рассмотрѣнные нами примѣры, идутъ въ двухъ направленіяхъ—*a priori* и *a posteriori*. Первое исчисленіе исходитъ изъ знанія постоянныхъ условій и числового опредѣленія дисъюнктивныхъ отношеній и опредѣляетъ числовое отношеніе отдѣльныхъ событій. Второе же, напротивъ, исходитъ изъ факта количественной группировки событій и изъ замѣтной тенденціи ея приближаться съ ростомъ числа случаевъ къ простымъ чистымъ пропорціямъ и затѣмъ уже ариѳметически опредѣляетъ дисъюнктивныя отношенія между постоянными условіями.

Нравственная статистика, которая по преимуществу пользуется вторымъ апостериорнымъ исчисленіемъ, также подчинена закону большихъ чиселъ. Она рассматриваетъ человѣка, какъ такое существо, которое познается изъ наблюденій надъ довольно большимъ числомъ, чтобы отдѣльныя проявленія свободной воли каждаго изъ нихъ замѣтно ступеивались.

Какъ извѣстно, индивидуальныя особенности обнаруживаются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше индивидуумовъ мы принимаемъ во вниманіе, и тѣмъ скорѣе сглаживаются, чѣмъ въ большей степени наше наблюденіе становится наблюденіемъ надъ массами. Если желательно узнать среднюю продолжительность человѣческой жизни, то мы навѣрное прійдемъ къ ошибочнымъ выводамъ, вычисляя ее по продолжительности жизни 8—10 человѣкъ. Но мы можемъ съ большою степенью вѣроятности допустить, что близко подошли къ истинѣ, если будемъ имѣть въ виду десятки и сотни тысячъ людей. Вотъ почему и нравственная статистика всегда имѣетъ дѣло съ массовыми событіями, которыя легче другихъ поддаются математическимъ ис-

численіямъ по своимъ общимъ условіямъ. Каждая группа явленій подчинена извѣстному количеству общихъ условій, которыя даны въ жизни общества, въ его естественныхъ и соціально-экономическихъ условіяхъ и историческихъ судьбахъ. Въ предѣлахъ этихъ группъ для каждаго отдѣльнаго явленія безспорно существуютъ измѣнчивыя причины, которымъ каждое обязано своею опредѣленною печатью, своею индивидуальностію. Но нравственная статистика почти не интересуется этими послѣдними; все свое вниманіе она обращаетъ исключительно на общія условія, опредѣляющія закономерность событій. Если закономерность событій повторяется изъ года въ годъ безъ очень замѣтныхъ колебаній, то отсюда заключаютъ объ относительномъ постоянствѣ опредѣляющихъ ее условій. Допустимъ, что процентъ бракосочетаній въ одинъ какой-нибудь годъ значительно понизился; для объясненія этого нравственная статистика обращается къ изученію политическихъ и соціально-экономическихъ условій и дѣйствительно находитъ, что въ томъ году были войны, сильная эпидемія, голодъ и т. п., что повысило цѣны на хлѣбъ. Такимъ образомъ колебаніе процента бракосочетаній находится въ обратномъ отношеніи къ колебанію цѣнъ на хлѣбъ. Въ данномъ случаѣ нравственная статистика имѣетъ дѣло съ одними голыми фактами; она не старается показать отношеніе отдѣльныхъ лицъ къ измѣнившимся условіямъ ихъ жизни; она не говоритъ, какъ это повліяло на ихъ психику, переживанія которой составляютъ дѣйствительный смыслъ и содержаніе новаго пониманія жизни. А между тѣмъ именно въ этомъ то сознательномъ и разумномъ отношеніи къ измѣнившимся экономическимъ условіямъ и слѣдуетъ видѣть причины, сократившія число браковъ. Итакъ самое заключеніе брака есть дѣло свободной воли, но послѣдняя принадлежитъ къ числу измѣнчивыхъ причинъ; играя важную роль въ отдѣльномъ случаѣ, она, видимо, теряетъ такое свое значеніе въ массѣ событій, гдѣ бываютъ замѣтны только постоянныя причины.

Сказанное относительно браковъ можетъ быть отнесено и къ другому разряду свободныхъ человѣческихъ поступковъ—убійствамъ и самоубійствамъ.

Итакъ, изъ всего сказаннаго видно, что нравственная статистика въ своихъ выводахъ всецѣло основывается на теоріи вѣроятностей съ ея закономъ большихъ чиселъ. Нравственная статистика имѣетъ дѣло исключительно съ массовыми социальными и этическими явлениями, не вдаваясь въ детальное изученіе каждаго отдѣльнаго событія; она всегда видитъ предъ собою общество, какъ компактную массу, и группы людей, но не различаетъ отдѣльныхъ индивидуумовъ.

Разсмотримъ частнѣе теорію вѣроятностей по даннымъ нравственной статистики.

Кетле съ математическою точностью опредѣлилъ степени вѣроятности жениться или выйти замужъ. Признавая эти данныя, можно, однако, сдѣлать нѣкоторыя поясненія. Прежде всего, нельзя согласиться съ выводами, дѣлаемыми Кетле, что степени вѣроятности соответствуютъ „силѣ брачнаго стремленія“ въ соотношеніи возрастовъ между собою. Если для мужчинъ отъ 25 до 30 лѣтъ вѣроятность жениться равнялась, 0,0884, и для мужчинъ отъ 30 до 35 л. равнялась 0,0930, т. е. большая, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, что и силы брачнаго стремленія находятся въ такомъ же числовомъ соотношеніи, т. е. что второй мужчина обладаетъ большимъ природнымъ влеченіемъ къ браку, чѣмъ первый. Безспорно, что у многихъ половныя влеченія проявляются несравненно сильнѣе въ раннемъ возрастѣ, чѣмъ въ позднѣйшемъ, поэтому и желаніе жениться, т. е. законоудовлетворить эти влеченія у нихъ также сильнѣе въ болѣе раннемъ возрастѣ. Равнымъ образомъ и страсть часто овладѣваетъ сравнительно еще молодыми людьми и настойчиво побуждаетъ ихъ къ браку. Однако, то и другое, т. е. нормальное половое влеченіе и ненормальное—страсть не всегда совпадаютъ съ фактами самой женитьбы. Очень возможно, что у большей трети мужчинъ въ возрастѣ отъ 25 до 35 л. бываютъ очень сильныя желанія жениться, но не всякій изъ нихъ рѣшается на это, т. е. связать себя на всю жизнь. Очевидно, между желаніемъ жениться, обусловленнымъ половыми побужденіями, и дѣйствительнымъ его осуществленіемъ находится нѣчто посредствующее, что и клонитъ чашки вѣсовъ на ту или другую сторону. Здѣсь слѣдуетъ разумѣть

естественныя, о чемъ только-что говорилось, социальныя и морально-интеллектуальныя условія. При осуществленіи своего желанія жениться человѣкъ встрѣчаетъ подчасъ сильныя препятствія въ отсутствіи матеріальныхъ средствъ, чтобы обезпечить безбѣдное существованіе своей семьи. Иногда въ такихъ заботахъ и усиліяхъ у него проходитъ большая половина жизни и онъ жепится, когда собственно половыя его влеченія значительно ослабѣли, чѣмъ какими они были прежде. Часто ему приходится бороться въ выборѣ подруги жизни, встрѣчая препятствія или со стороны ея лично или со стороны ея родныхъ. Все это въ совокупности значительно отдаляетъ оба фактора—желаніе жениться и самую женитьбу. Съ другой стороны у многихъ только въ 30—35 лѣтъ является сильная, ясно сознаваемая, потребность приобрѣсти себѣ вѣрную спутницу, вѣрнаго друга и помощника, которая бы сдѣлала жизнь его полнѣе и отраднѣе, устроила бы уютную домашнюю обстановку и доставила бы мужу послѣ всѣхъ его трудовъ, наслажденіе семейною жизнью. Наконецъ, нельзя упускать изъ виду и того, довольно часто повторяющагося явленія, что многіе, особенно старики, устраиваютъ семейную жизнь тогда, когда у нихъ рѣшительно прекратились всякія половыя влеченія; и слѣдовательно, не можетъ быть никакой рѣчи о „силѣ брачнаго стремленія“, какъ мѣрилъ первыхъ, т. е. природныхъ побужденій.

Итакъ, акты женитьбы обусловливаются какъ естественными, такъ социальными-экономическими и морально-интеллектуальными условіями; послѣднія не усиливаютъ и не ослабляютъ самой склонности къ браку, они или задерживаютъ ее или благопріятствуютъ ей осуществиться. Опытно замѣчено и цифровыми данными доказано, что неурожай и голодъ, войны и внутреннія неурядицы замѣтно уменьшаютъ число браковъ, по минованіи же всего этого число браковъ вновь и значительно поднимается. Ясно, что неурожай и голодъ, войны и внутреннія неурядицы представляютъ тѣ неблагопріятныя условія, которыя задерживаютъ на нѣкоторое время осуществленіе стремленія человѣка къ семейной жизни. „Не склонность къ браку была ослаблена или усилена, а только смѣлость удов-

летворить ей". (Дробишъ. Нрав. статистика 45 стр.). Итакъ, говоря о степени вѣроятности вступить въ бракъ и доказывая ее цифровыми данными для разныхъ половъ и возрастовъ ¹⁾, мы обязаны имѣть въ виду слѣдующіе факторы: природное влеченіе къ браку, благопріятныя и неблагопріятныя соціально-экономическія условія и личную волю человѣка. Эти три фактора причудливо переплетаются между собою и въ результатъ даютъ ту или другую степень вѣроятности. Конечно, степень вѣроятности 0,0884, равная для мужчинъ отъ 25 до 30 л., еще не говоритъ за то, что въ дѣйствительности всѣ лица данной группы обладали ею; для cadaго изъ нихъ сплетеніе всѣхъ постоянныхъ и измѣняющихся, благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условій со свободною волею могло быть не вполне одинаково.

Теперь перейдемъ къ статистикѣ преступленій.

Клетке для cadaго человѣка, при различіи пола и возраста, опредѣляетъ степень его врожденной наклонности къ преступленію. Такая попытка нѣсколько странна. Прежде всего, наклонность къ преступленію не представляетъ несомнѣннаго факта. Можно говорить о большей или меньшей наклонности человѣка къ преступленію, но доказать всеобщность такого стремленія на основаніи положительныхъ данныхъ едва-ли возможно. Человѣкъ является въ міръ съ психо-физическими задатками, такъ въ дѣтяхъ, даже въ раннемъ возрастѣ, мы можемъ наблюдать явные признаки грубости, жестокости, злорадства и т. п. качества, которыя при отсутствіи или даже недостаточности хорошаго воспитанія и правильнаго образованія, при разстроенной, лишенной всякаго нравственнаго содержанія, личной и семейной жизни, развиваются очень быстро и сильно и легко, затѣмъ, приводятъ къ самому преступленію. Конечно, нельзя настойчиво утверждать, что всѣ эти люди необходимо должны совершить преступленія. Случается, что въ послѣдніе часы преступники отказываются отъ задуманнаго дѣла или изъ страха „небеснаго“ наказанія, или въ силу протестовъ пробудившейся совѣсти, или наконецъ, потому, что

¹⁾ Само собою разумѣется, что все сказанное относительно мужчинъ по праву относится и къ женщинамъ, различіе только въ другой нумераціи.

данное преступленіе кажется имъ слишкомъ мелочнымъ и даже позорнымъ. Герой Шиллера Фіеско говоритъ: украсть полный кошелекъ—позорно, милліонъ—дерзко, но украсть корону—не-сказанно великое дѣло. Очевидно, многіе преступники вполне сознаютъ свои поступки, а не являются какимъ-то слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ фатума ¹⁾. Прежде чѣмъ совершить преступленія, они ясно и отчетливо различаютъ качественныя стороны своихъ желаній и оставляютъ безъ вниманія тѣ изъ нихъ, которыя не способны удовлетворить ихъ высшему эгоизму. Кроме того, нельзя отрицать наличности преступленій, совершаемыхъ безъ всякихъ, по видимому, мотивовъ; бывають нерѣдко такія лица, которыя убиваютъ, не отдавая себѣ отчета, почему они дѣлаютъ это и получаютъ-ли отъ этого какую-либо выгоду. Извращенность ихъ природы дошла до того, а нравственное сознаніе упало настолько низко, что они убиваютъ, что называется, „между прочимъ“. Однако, очень часто, побудительными причинами къ преступленіямъ являются стѣсненные обстоятельства, напр., крайняя нищета, отсутствіе какой-либо работы и пр., которыя толкаютъ къ преступленіямъ даже лицъ, не настолько еще павшихъ, чтобы считать ихъ отребьемъ рода человѣческаго, а напротивъ въ другое время способныхъ быть добропорядочными членами общества.

Такимъ образомъ, признавая въ человѣкѣ „задатки ко злу“, мы въ то же время должны допустить, какъ очевидную истину, что развитіе ихъ зависитъ отъ внѣшнихъ, социальнo-экономическихъ условій, отъ той или другой организаціи общества. Умственное и нравственное образованіе, правильно поставленное и правильно, затѣмъ, руководимое, способно оказать сильное сопротивленіе природной склонности человѣка къ недозволенному, съ этико-соціальной точки зрѣнія, поступку. Отсюда, если можно говорить о степени вѣроятности совершить извѣстное преступленіе, то только въ томъ значеніи, что это будетъ степень вѣроятности быть соблазненнымъ или совращеннымъ къ преступленію. Кроме того, самую степень вѣроятности мы не можемъ опредѣлять достаточно точно. Та-

¹⁾ Этими словами нисколько не отрицаются факты неосознаваемыхъ преступленій (безсознательныхъ).

же нравственная статистика говоритъ, что многія преступленія совершаются съ такою таинственностью и при такой обстановкѣ, что не доходятъ до свѣдѣнія надлежащей власти; притомъ, преступленія иногда такъ переплетаются между собою, въ такомъ разнообразіи слѣдуютъ одно за другимъ, что трудно бываетъ разобраться въ нихъ. Поэтому тысячи преступленій остаются неизвѣстными, не могутъ быть подвергнуты точной статистической регистраціи. А относительно другихъ не меньшихъ по числу сама власть не въ состояніи опредѣлить, къ какому разряду ихъ причислить, напр., утонулъ человѣкъ или его утопили, повѣсился или его повѣсили.

Итакъ, нисколько не отрицая значенія теоріи вѣроятности въ примѣненіи къ исчисленіямъ преступленій и преступниковъ, мы, однако, должны допустить ее только относительно, такъ какъ она рѣшаетъ данный вопросъ не достаточно точно, опредѣленно и вызываетъ много недоумѣнныхъ вопросовъ и даже сомнѣній.

Особенно замѣтно сказывается неудовлетворительность рѣшеній теоріи вѣроятности при изученіи другого рода преступленій—самоубійствъ.

Самоубійство, безспорно, является слѣдствіемъ какъ тѣхъ же соціально-экономическихъ условій, такъ и условій личной жизни человѣка,—сюда слѣдуетъ отнести: отсутствіе вѣры въ Провидѣніе и назначеніе человѣка здѣсь на землѣ и за предѣлами ея, недостатокъ нравственнаго самообладанія и м. др. Но крайне непонятно бываетъ, когда статистики говорятъ о „наклонности къ самоубійству“, какъ наклонности всеобщей, т. е. свойственной каждому человѣку; напротивъ, всѣмъ и каждому, много раньше и теперь извѣстно, какъ высоко цѣнить человѣкъ свою жизнь, какъ онъ дорожитъ ею, и какъ, наконецъ, страшится неизбѣжной и беспощадной смерти, какъ чего-то мучительно-тяжелаго и кошмарно-страшнаго. Чувство самосохраненія и наклонность къ самоубійству—два совершенно противоположныхъ и крайне противорѣчивыхъ явленій; если первое глубоко коренится въ природѣ человѣка—„естественно“, то второе по праву можетъ быть названо „противоестественнымъ“.

Итакъ, краткій обзоръ актовъ человѣческой воли,—браковъ, убійствъ и самоубійствъ, приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Первое. Выводы теоріи вѣроятностей не касаются отдѣльныхъ событій, а относятся всегда къ группамъ послѣднихъ. Нравственная статистика имѣетъ дѣло лишь съ установленіемъ числовыхъ пропорцій, въ которыхъ массы распредѣляются, въ зависимости отъ постоянныхъ условій, между отдѣльными возможностями. Далѣе, нельзя допустить, что всѣ люди носятъ въ себѣ какую-то даже незначительную частицу, напр., преступленія. По психо-физическимъ особенностямъ своей организаціи, то или другое лицо бываетъ предрасположено къ извѣстному преступленію, оно можетъ даже совершить его; но нельзя сказать, что преступленіе составляетъ сумму тѣхъ незначительныхъ частицъ его, которыя носятъ въ себѣ всѣ отдѣльныя лица. Изъ разсмотрѣнныхъ примѣровъ видно, что въ актахъ человѣческой воли принимаетъ участіе не все наличное населеніе, а только отдѣльные извѣстные индивидуумы. „Именно въ индивидуальности лица, въ положеніи его въ обществѣ, въ особенныхъ поводахъ и представляющихся удобныхъ случаяхъ и заключаются причины, побуждающія одного къ одному дѣйствию, другого къ другому, между тѣмъ какъ для третьяго и четвертаго эти побудительныя причины вовсе не существуютъ“. (Дробишъ. Нравственная статистика 29 стр.). Правда въ своихъ исчисленіяхъ статистики часто говорятъ о среднемъ человѣкѣ, какъ носителѣ степени вѣроятности совершить тотъ или другой поступокъ. Но въ такомъ случаѣ непонятно отрицаніе ими свободной воли, такъ какъ послѣдняя принадлежитъ не среднему человѣку, а опредѣленному—Петру, Павлу, Ивану или какому-либо другому лицу. Впрочемъ, только подъ вліяніемъ грубаго недоразумѣнія можно признать за дѣйствительность понятіе средняго человѣка. „Средній человѣкъ, говоритъ Дробишъ, математическое отвлеченное существо, котораго вовсе нѣтъ въ дѣйствительности, и что, поэтому, совершенно неправильно было разсматривать все, что можно сказать объ этомъ отвлеченіи,—какъ результатъ или *facit*, въ которомъ принимаютъ дѣйствительное уча-

стіе, какъ *summanda* или составляющіе всѣ индивидуумы извѣстнаго населенія, или одного какого-нибудь его возраста или пола, какъ будто всѣ они способствуютъ образованію этого (того или другого) результата (56 стр.). Итакъ, средній чело­вѣкъ не соотвѣтствуетъ ни одному дѣйствительному чело­вѣку. Это только необходимое методологическое средство для обозрѣнія и пониманія массовыхъ явленій; это только искус­ственно-созданная общая точка зрѣнія, необходимая для луч­шаго обозрѣнія массы и группы явленій, а не общій законъ, который управлялъ-бы индивидуальными явленіями соціаль­наго міра (по Штеру).

Второе. Въ общемъ не трудно понять, что нѣтъ такого пра­вила или закона, согласно которому изъ извѣстнаго числа людей въ теченіе опредѣленнаго времени всегда одинъ и тотъ-же процентъ имѣетъ одно и то-же переживаніе, нѣтъ такого правила, которое обладало-бы опредѣляющей для отдѣльнаго случая силой. Необходимо разъ навсегда отвергнуть за ста­тистическими нормами значеніе непреложныхъ законовъ при­роды, которые въ отдѣльномъ случаѣ „совершаютъ причиненіе“. Статистика должна разсматривать числа, какъ характери­стическіе признаки массовыхъ состояній и ихъ измѣненій, а не какъ выраженіе закономерной необходимости отдѣльныхъ со­бытій.

Закономѣрность или, какъ еще иначе говорятъ, законность, никакъ не проистекаетъ изъ фаталистическаго закона, — въ этомъ заключается логическая ошибка многихъ статистиковъ. Какъ никто не умираетъ отъ цифры смертности, такъ никто не женится и не убиваетъ отъ цифры этихъ событій.

Странно было-бы предполагать какой-то жребій, который бросается между людьми, чтобы наполнить опредѣленное ста­тистикой число браковъ и преступленій. Очевидно, люди же­нятся и совершаютъ преступленія не потому, что существуетъ статистическая закономерность, — здѣсь играютъ роль совер­шенно другія побудительныя причины; напротивъ, потому су­ществуетъ закономерность въ данныхъ статистики, что люди женятся и совершаютъ преступленія, другими словами, сна­чала люди совершаютъ опредѣленные поступки, а затѣмъ уже

статистика устанавливает известную закономерность ихъ, т. е. поступковъ. Частныя дѣла отдѣльныхъ лицъ являются, такимъ образомъ, для статистики ничѣмъ инымъ, какъ только базой, на которой она основываетъ всѣ свои заключенія.

Далѣе, представляемая нравственной статистикой относительная закономерность, съ которой повторяются известные свободныя дѣйствія, составляетъ продуктъ относительно постоянныхъ причинъ, сопровождаемыхъ, однако, еще другими, измѣнчивыми причинами. Причины—относительно постоянны, слѣдовательно, и не абсолютно неизмѣнны. Какъ уже говорилось, дѣятельность человѣческаго духа опредѣляется многими политическими, экономическими и общественными условіями, но только съ одной стороны. Если бы дѣло обстояло иначе, т. е. еслибы указанное „опредѣленіе“ было полное и единственное, въ такомъ случаѣ слѣдовало-бы ожидать совершеннаго однородія человѣческой дѣятельности, чего, однако, мы не видимъ въ дѣйствительности. Та-же статистика подробно различаетъ дѣйствія по возрасту и полу, по характеру мѣстностей и условіямъ времени и т. п. Въ известной уже статьѣ Дробишъ говоритъ: „двѣ нѣмецкія страны (Пруссія и Баварія) относятся между собою по численности браковъ въ одни и тѣ же средніе годы, приблизительно, какъ 4:3. Это показываетъ, какія сильныя видоизмѣненія въ удовлетвореніи естественному стремленію вступленія въ бракъ производятся даже въ предѣлахъ одной и той же національности, въ группахъ населенія, находящихся между собою въ постоянныхъ и живыхъ отношеніяхъ,—условіями общественнаго быта, народными обычаями, государственными учрежденіями и т. п. Это показываетъ намъ также, какъ неумѣстно было бы говорить о всеобщемъ законѣ, который вездѣ одинаково заставляетъ исполнять свои требованія“ (50 стр.). Стало бытъ, цѣлыя группы, а въ ихъ предѣлахъ отдѣльныя личности разнo реагируютъ на воздѣйствіе окружающей ихъ общественной среды.

Съ другой стороны, если признать жизнь человѣческую продуктомъ исключительно внѣшней обстановки, которая „всегда остается равной самой себѣ“, въ такомъ случаѣ непонятно то различіе, то своеобразие, которое являютъ отдѣльныя эпохи

человѣческой исторіи. Повидимому, слѣдовало-бы ожидать крайне утомительнаго однообразія, между тѣмъ она (исторія) такъ чревата событіями, такіе періоды переживала, такъ рѣзки подчасъ были ея переходы отъ одной ступени развитія къ другой, что не можетъ быть рѣчи о дѣйствіи одной только „всегда равной себѣ внѣшней обстановки“.

Мы подошли къ рѣшенію послѣдняго и въ то же время главнаго вопроса—о соотношеніи личности и общества. Правдивая статистика достаточно наглядно представляетъ относительную законмѣрность, съ которой въ опредѣленный періодъ времени повторяются тѣ или другія событія известной группы. Подробное же разсмотрѣніе ея данныхъ показало намъ, во первыхъ,—представляемая статистикой законмѣрность опредѣляется внѣшними и социальными-экономическими условіями; во вторыхъ,—эта законмѣрность не постоянна, а относительна, т. е. она подвержена тѣмъ или другимъ измѣненіямъ въ зависимости отъ измѣненій опредѣляющихъ ее условій. Отсюда само собою вытекаетъ, что статистическая законмѣрность не обладаетъ характеромъ опредѣляющей поступи силы, а также—не можетъ быть рѣчи о какомъ-то фатумѣ чиселъ, требующемъ отъ человѣка слѣпой покорности; въ третьихъ.—въ признаваемыхъ нами свободными актахъ человѣческой воли (бракахъ, убійствахъ и самоубійствахъ) на ряду съ внѣшними социальными-экономическими и политическими условіями дѣятельное участіе принимаетъ также и свободная воля человѣка. Послѣдній не есть мертвый продуктъ общественной организаціи, онъ—мыслящее существо, способное силою своей воли или воспользоваться представляющимся случаемъ совершить известное дѣйствіе или съ успѣхомъ противостоятъ сильнѣйшему искушенію.

Раскрѣпощеніе личности идетъ въ двухъ направленіяхъ—социально-политическомъ и философско-этическомъ. Старая античная идея полного поглощенія личности государствомъ, растворенія всѣхъ ея духовныхъ силъ въ механизмъ государственной власти, отвергнута рѣшительно и безповоротно. Если слѣды ея замѣтны еще въ нѣкоторыхъ государственныхъ учрежденіяхъ, то они не вѣчны, — силою историческихъ обстоя-

тельствъ весь вопросъ сведенъ лишь къ большому или меньшему періоду времени, въ который должна завершиться окончательная побѣда личности. Параллельно этому шло раскрытіе личности и въ философско-этическомъ отношеніи. Начало его коренится въ глубокой древности, однако и теперь не мало встрѣчается лицъ, готовыхъ открыто отвергать значеніе личности и ея свободу. Безспорно, каждый индивидуумъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, вырастаетъ изъ общества. Вся его личная, семейная и общественная жизнь носить въ себѣ явные слѣды этой зависимости. Образъ жизни, мелкія привычки, манеры одѣваться и т. п., все это продуктъ общественности; тѣмъ не менѣе въ самомъ характерѣ, въ манерѣ одѣваться и т. д. сказывается много такихъ своеобразныхъ чертъ, которыя рельефно отличаютъ одного отъ другого. Манера мыслить, хотѣть и чувствовать у каждаго бываетъ различна и различно проявляется. Личность—это живая и вѣчная лабораторія духовнаго творчества, та „единственная на землѣ реальная точка, въ которой и чрезъ которую дѣйствуетъ высочайшій и абсолютный Духъ. И вотъ эту личность сводятъ къ какому-то автоматическому механизму, лишая ее главнаго—свободной воли. Конечно, статистика права, когда переноситъ причинную цѣпь волевой жизни за предѣлы индивидуума, но она, безспорно, не права, когда ищетъ ихъ исключительно въ связяхъ общественной жизни и тѣмъ самымъ какъ бы намѣренно пренебрегаетъ значеніемъ самой-то личности индивидуумовъ. Мы уже видѣли, что помимо условій общественной жизни, опредѣляющихъ собою человѣческіе поступки, остается еще мѣсто для свободной воли. „Массовыя явленія въ области человѣческой дѣятельности все равно,—будетъ-ли она имѣть въ виду доброе направленіе или злое, не только не противорѣчатъ свободной волѣ отдѣльныхъ лицъ и не только не совершается независимо отъ этой свободной воли, а напротивъ находится въ ближайшей связи съ нею“ (Майръ—Закономѣрность въ общественной жизни 455 стр.). Даже болѣе „раскрываемая нравственной статистикой правильность въ массахъ человѣческихъ поступковъ складывается изъ единичныхъ проявленій отдѣльныхъ лицъ. Эта правиль-

ность въ массахъ поступковъ имѣеть въ своей основѣ различныя свойства индивидуальнаго выбора, который мы называемъ свободной волей (тамъ-же). Дѣйствительно, какъ разнообразны психологическія причины, по которымъ люди вступаютъ въ браки или совершаютъ убійства. Одни женятся изъ любви, другіе изъ дѣловыхъ интересовъ и экономическихъ соображеній, третьи, наконецъ, потому, что „такъ слѣдуетъ, такъ издавна заведено“. Столь же разнообразны причины самоубійствъ и преступленій. Оскорбленное чувство чести, нераздѣленная любовь, долги, страхъ наказанія и общественнаго позора—все это играетъ роль опредѣляющихъ мотивовъ. Между тѣмъ статистика, отвлекаясь отъ специфическихъ особенностей поступковъ, подводитъ послѣдніе подъ рубрики—фактъ № 1, № 2, 3 и т. д. Въ результатѣ получается, что явленія, морально—и юридически различныя, ради соціальнаго ихъ характера рассматриваются, какъ одинаковыя. По этому поводу замѣчательно выразился Штейнъ: „для статистики, имѣющей дѣло только съ механическими единицами, рѣшительно все равно, совершается ли одинаковый поступокъ Бисмаркомъ или кретиномъ. Если какой-нибудь убійца убиваетъ неизвѣстнаго человѣка или Казеріо убиваетъ президента Карпо—статистика одинаково заноситъ оба эти случая подъ одну рубрику“. (Соціальные вопросы съ философской точки зрѣнія 481 стр.). Статистическія данныя, такимъ образомъ, не показываютъ намъ происхожденія актовъ человѣческой воли, они представляютъ намъ только смѣняемость и закономерную повторяемость событій, они говорятъ только о томъ, что бываетъ, случается, но ничего не говорятъ, почему происходитъ то или другое, т. е. не указываютъ психическихъ процессовъ. Статистика раскрываетъ намъ только внѣшнія условія произвольныхъ дѣйствій, но оставляетъ насъ въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно внутреннихъ его причинъ. Вотъ почему вполне справедливо сказалъ Лотце: „доподлинная связь, которою посредствуются постоянныя цифры приводимыхъ статистикой поступковъ, остается для насъ совершенно неизвѣстною“. (Микрокосмъ 92 стр. пер. 1866 г. срав. Свобода и необходимость г. Глубоковскаго 13 стр.).

Акты волевой жизни представляют сложные психо-физические процессы; въ этихъ процессахъ можно различать три фазы: хотѣніе, выборъ и дѣйствіе. Первая фаза обнимаетъ возникновеніе отдѣльныхъ явленій (элементы сознательной волевой жизни), изъ которыхъ каждое, если бы оно было единственнымъ, непосредственно бы перешло въ дѣйствіе. Въ дѣйствительности же этого не бываетъ; обыкновенно—одновременно или одно за другимъ возникаетъ нѣсколько влеченій различной интенсивности; между ними происходитъ какъ бы борьба, причемъ, сознаніе, уравнивая, задерживаетъ ихъ около себя, какъ около мощнаго центра. Это—вторая фаза. Третья фаза характеризуется волевымъ импульсомъ, которымъ выбранное изъ ряда другихъ хотѣніе переходитъ въ соответствующее физическое дѣйствіе. Такимъ образомъ, первая и третья фазы представляютъ отношеніе воли къ внѣшнему міру, первая—пассивное, третья—активное. Что же касается второй фазы, то она всецѣло протекаетъ въ сознаніи.

Такъ какъ воля во всѣхъ трехъ фазахъ находится въ неодинаковыхъ условіяхъ, то и свобода ея имѣетъ совершенно различное значеніе. Свобода дѣйствія (разумѣя подъ свободой отсутствіе внутренняго и внѣшняго принужденія), по обще-принятому пониманію, обозначаетъ „цѣлесообразное тѣлесное движеніе, вызванное хотѣніемъ“. Это область психо-физическаго. Свобода выбора—не стѣсненная дѣятельность личности, которая въ каждомъ положеніи предоставляетъ рѣшеніе своимъ постояннымъ мотивамъ. Это область психическаго. Свобода хотѣнія—свободное, не стѣсненное проявленіе главнаго хотѣнія. Последнее опредѣленіе недостаточно ясно, что объясняется неясностью самого предмета. Трудно точно опредѣлить, что такое „хотѣніе“, какова его качественная природа, есть-ли оно нѣчто самобытное, безпричинное, или впереди его находится какой-либо другой факторъ. Существуетъ формальное предрасположеніе, чуждое всякаго опредѣленнаго качества, которое, только благодаря цѣлому ряду переживаній, пріобрѣтаетъ затѣмъ извѣстное содержаніе. Однако, это чисто психологическое объясненіе характера не вполне достаточно, такъ какъ сущность индивидуальности, опредѣляющей значе-

ніе всѣхъ переживаній, не поддается никакому анализу и представляетъ нѣчто невыразимое. Поэтому, суть дѣла нисколько не измѣнится къ лучшему, если, въ качествѣ главнаго фактора волевой жизни, мы выдвинемъ понятіе личности. Вѣдь личность можно только пережить, почувствовать, но опредѣлить ее логически никакъ невозможно.

Такъ какъ во всѣхъ разсужденіяхъ и спорахъ о свободѣ воли большинство понимаетъ ее въ смыслѣ свободы выбора, то мы, по необходимости должны остановить свое вниманіе на послѣдней. Свобода выбора, какъ сейчасъ замѣчено, относится къ психической области. Человѣкъ дѣйствуетъ свободно, когда выбираетъ согласно своей природѣ, согласно тѣмъ постояннымъ мотивамъ, которые составляютъ ее сущность. Самоубійца, хорошо изучившій условія своей жизни, отлично понявшій невозможность дальнѣйшаго существованія и, затѣмъ, насильно прекратившій свою жизнь, въ психологическомъ смыслѣ былъ вполне свободенъ. Преступникъ, спокойно и обдуманно выполнившій свое намѣреніе, въ психологическомъ смыслѣ также свободенъ. „Если онъ, какъ обыкновенно говорятъ, находился подъ вліяніемъ страсти, ненависти, алчности и т. д. и если мы въ этомъ смыслѣ называемъ его несвободнымъ, то это дѣлается нами въ такомъ значеніи слова, которое выходитъ за предѣлы психологическаго смысла свободы выбора“ (Свобода воли Виндельбанда). Правда нерѣдко слышится замѣчаніе, что такое пониманіе свободы выбора ведетъ къ такъ называемому, детерминизму. Съ этимъ, однако, нельзя согласиться, по крайней мѣрѣ всецѣло. Необходимо, прежде всего, точно выяснитъ самое понятіе „детерминизма“. Ученіе, что человѣкъ является игрушкой обстоятельствъ, что онъ въ своемъ хотѣніи безусловно зависитъ отъ внѣшняго міра—грубѣйшее недоразумѣніе. Оно бессмысленно, противно фактамъ и потому въ настоящее время никѣмъ не признается. Такое ученіе, по справедливости, можно назвать „внѣшнимъ детерминизмомъ“, его судьба напоминаетъ намъ судьбу ученія о свободѣ воли, какъ воли чистой. Такимъ образомъ, о внѣшнемъ грубомъ детерминизмѣ не можетъ быть ровно никакой рѣчи. Но наряду съ этимъ существуетъ другой видъ детерми-

низма - внутренней, по которому мгновенные мотивы вмѣстѣ съ постоянными образуютъ содержаніе воли и въ этомъ соединеніи опредѣляютъ выборъ ея. Если понимать детерминизмъ въ такомъ именно смыслѣ, то оказывается, что всѣ люди детерминисты, ими были и всѣ великіе ученые и философы. Конечно, иной индетерминистъ не согласится съ такимъ опредѣленіемъ свободной воли, онъ потребуетъ признанія „самоопредѣленія воли“, какъ какой-то внутренней силы. Но вѣдь невозможно утверждать, что воля рѣшаетъ свободно тамъ, гдѣ она выбираетъ независимо отъ какихъ либо мотивовъ. Въ такомъ случаѣ мы должны признать случайность избираемаго и совершаемаго, что невозможно логически и психологически и недопустимо въ интересахъ отвѣтственности. Говорятъ, что человекъ часто принимаетъ рѣшеніе по своимъ послѣдствіямъ даже вредное для него, что онъ можетъ въ послѣдній моментъ, отвергнувъ сдѣланный выборъ, принять другую возможность. но и въ такомъ случаѣ онъ чѣмъ-либо да долженъ же руководиться въ своихъ рѣшеніяхъ. Предъ его умственнымъ взоромъ неизбѣжно предносятся извѣстныя соображенія, побуждающія его къ тому или другому рѣшенію и поступку.

Индетерминистъ понимаетъ волю, какъ единую силу, какъ нѣчто реальное, что является причтой всѣхъ функцій волепій. Между тѣмъ самое понятіе силы недостаточно ясно; ее (силу) можно понимать и какъ субстанціальное единство личности и какъ особую способность послѣдней.

Затѣмъ, какъ бы мы ни сознавали единство и цѣльность волевой жизни, мы, однако, психологически не въ правѣ говорить о волѣ, какъ о чемъ-то вещномъ, которое въ свою очередь можно отличить отъ отдѣльныхъ свойствъ и формъ дѣятельности. Такимъ образомъ, для индетерминиста трудно опредѣлить волю самое за вычетомъ всѣхъ ея постоянныхъ и временныхъ мотивовъ. Но подобной трудности не избѣгаетъ и детерминистъ, который не въ состояніи точно опредѣлить сущность и возникновеніе „хотѣнія“, какъ изначальнаго фактора волевой жизни. Индетерминистъ ничего особеннаго не желаетъ, какъ только того, чтобы признали, что личная воля

сама въ силу своей сущности рѣшаетъ вопросъ въ известную сторону. Но того же самаго желаетъ и детерминистъ, такъ какъ „та сущность по своему содержанію ничто иное и не представляетъ, какъ болѣе прочное хотѣніе, т. е. постоянный мотивъ“ (Св. воли Виндельбанда 48).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о сущности воли, мы продолжимъ свое обозрѣніе второй фазы волевой жизни, т. е. свободы выбора.

Выше было сказано, что преступникъ въ психологическомъ смыслѣ всегда свободенъ, но не свободенъ онъ въ другомъ отношеніи, что выходитъ уже за предѣлы психическаго. Далѣе, давно установилось мнѣніе, что кто находится во власти страсти, тотъ бываетъ какъ-бы одержимъ демонической силой и потому для него необходимо вновь стать свободнымъ человѣкомъ. Ясно, что существуютъ известныя нормы, съ точки зрѣнія которыхъ опредѣляются свободныя и несвободныя поступки. Итакъ мы подошли къ новому этическому пониманію свободы выбора (свободы воли).

Изолированной личности не можетъ быть; всякій конкретный человѣкъ стоитъ въ тѣсной, исторически обусловленной, связи съ обществомъ. Безразлично, будетъ-ли это семья, народъ или, наконецъ, космополитическое общество, личность не можетъ стоять внѣ этого общественнаго союза, и этотъ послѣдній опредѣляетъ и обуславливаетъ собою моральное ея значеніе. Въ отношеніи къ указанному общественному союзу, личность, можно сказать, ограничена масштабомъ должнаго и недозволеннаго. Какъ известно, изъ массы индивидуальных проявленій, какъ-то представленій, чувствованій и т. д. складывается общая жизненная основа или общее духовное содержаніе общества.

Задача послѣдняго—ясно сознать это духовное содержаніе и сообразно съ нимъ организовать свою внѣшнюю жизнь и, такимъ образомъ, создать „систему собственной культуры“. Что же касается обязанностей отдѣльныхъ лицъ, то принципъ указанной нами этики гласитъ: „дѣлай все отъ тебя зависящее, чтобы общество, къ которому ты принадлежишь, сознало и укрѣпило въ себѣ свое общее духовное содержаніе“ (Винд. о

принципъ морали 277). Однако, исторія и психологія свидѣтельствуя, что это не составляетъ всей сущности жизни отдѣльныхъ людей. Прежде всего, само общество не есть неизмѣнная застывшая форма человѣческой жизни; достаточно прослѣдить нѣсколько періодовъ и даже вѣковъ исторіи человечества, чтобы видѣть, какіе народы существовали, какъ они жили и, затѣмъ, сходили съ исторической сцены, уступая мѣсто другимъ съ новымъ міровоззрѣніемъ, съ новымъ характеромъ культуры. Существованіе общества, слѣдовательно, не есть высшая цѣль, оно есть въ свою очередь средство къ ея осуществленію; его слѣдуетъ желать лишь ради этой высшей цѣли и въ той мѣрѣ, въ какой оно приводитъ къ ней.

Наступила слѣдующая эпоха въ исторіи человечества, явилось христіанство, внесшее новую высшую цѣль жизни какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человечества вообще. Христіанство есть религія личная, духовная, ея идеаль—вѣчная жизнь. Поэтому, непростительно ошибаются тѣ, кто всю сущность его полагаетъ въ историческихъ учрежденіяхъ и внѣшнихъ его формахъ. Какъ дѣло личности, христіанство въ собственномъ смыслѣ есть религія духа, чѣмъ нисколько еще не отвергаются тѣ или другія внѣшнія формы и учрежденія; напротивъ, послѣднія „образуютъ реальность проявленія свободнаго творческаго духа“. (Духъ и плоть. М. Тарѣва); только онѣ непостоянны, а постепенно измѣняются, совершенствуются, становятся все болѣе и болѣе утонченными. Въ этомъ соотношеніи духа и внѣшнихъ историческихъ формъ, имѣющемъ свою цѣлью окончательную побѣду перваго надъ послѣднимъ, и сказывается религіозно-этическое раскрыщеніе личности. Однако, мы знаемъ, что этическія основоположенія христіанства не сразу и не всюду примѣнялись; болѣе того, въ тѣхъ странахъ, гдѣ христіанство считаетъ за собою тысячелѣтія, жизнь человѣческая далеко отстоитъ отъ высшихъ его принциповъ, и много еще пройдетъ вѣковъ, прежде чѣмъ они воплотятся въ плоть и кровь человечества. Такимъ образомъ, высшія этическія нормы христіанства, будучи неизмѣнны по существу, слишкомъ медленно входятъ въ сознаніе человечества и не сразу становятся руководящими принципами его

дѣятельности. Отсюда вытекаетъ, что содержаніе этического долга, поскольку послѣдній входитъ въ сознаніе человѣка, можетъ быть различнымъ, смотря по обстоятельствамъ, народамъ и эпохамъ. Но при всемъ томъ, сознаніе такого долга, при данныхъ условіяхъ, есть принципъ морали въ томъ смыслѣ, что оно есть высшее условіе возможности нравственной жизни.

Дѣйствительность постепеннаго осуществленія въ жизни этическихъ нормъ открывается также изъ разсмотрѣнія самой природы человѣческаго духа. Какъ въ области чувственнаго, такъ въ области чисто духовнаго наслажденія, существуетъ много видовъ отдѣльныхъ благъ, которыя только отчасти способны удовлетворить наше желаніе счастья. Если бы отдѣльное благо способно было удовлетворить насъ всецѣло, то мы съ необходимостью желали-бы его, однако ни одно изъ нихъ не опредѣляетъ наше хотѣніе преимущественно предъ другими.

Съ другой стороны, каждое удовлетворенное желаніе требуетъ новаго и новаго блага, а разумъ человѣка предупредительно предлагаетъ все высшія и высшія.

Такимъ образомъ только высочайшее благо или „благо вообще“ способно удовлетворить универсальный духъ человѣка, только оно одно можетъ быть въ собственномъ смыслѣ адекватнымъ благомъ. Отсюда открывается новая перспектива: человѣкъ этически свободенъ только въ отношеніи къ отдѣльному благу, такъ какъ обладаетъ свободой выбора между многими доступными для него видами послѣдняго, но въ виду „блага вообще“ онъ вполне детерминированъ.

Когда приходится говорить о нравственныхъ поступкахъ человѣка, то обыкновенно послѣдніе разсматриваются съ точки зрѣнія извѣстныхъ этическихъ нормъ. Поступки, соотвѣтствующіе нормамъ, суть поступки свободные, несоотвѣтствующіе — несвободные. „Конечно, возможно, что кто-нибудь, не сознавая этическихъ нормъ—правиль, исключительно благодаря случайно установившемуся въ немъ соотношенію мотивовъ, желаетъ именно того, чего требуетъ нравственный законъ, на долю такого человѣка какъ-бы выпадаетъ высшій выигрышъ въ лоттерей. Но во всякомъ случаѣ болѣе увѣреннымъ въ этической нормальности можетъ быть тотъ, кто созналъ нрав-

ственную норму, и въ комъ именно это сознание является сильнѣйшимъ опредѣляющимъ волевое рѣшеніе мотивомъ. Сознание долга можетъ стать движущей силой въ душѣ человѣка и, въ качествѣ таковой, оказаться рѣшающей въ борьбѣ мотивовъ (Виндельбандъ. Нормы и законы природы). Такимъ образомъ, нравственная свобода есть сознательное подчиненіе всѣхъ влеченій нравственному закону. Вотъ почему изображенные выше убійца и самоубійца оказались въ этическомъ отношеніи не свободными. Они пришли къ послѣдному рѣшенію, выходя изъ цѣлаго ряда мотивацій; но, очевидно, предъ ними не предносился ясно и отчетливо разумный нравственный законъ, если они рѣшились привести въ исполненіе свое намѣреніе.

Окружающая насъ жизнь, сама реальная дѣйствительность представляетъ массу случаевъ такого несоотвѣтствія между психологическою и этической свободою выбора, однако это еще нисколько не говоритъ за невозможность такого сближенія. Чѣмъ болѣе они расходятся, тѣмъ ниже этическая цѣнность отдѣльнаго лица, а чѣмъ выше развито послѣднее, тѣмъ болѣе приближаются онѣ къ сліянью. Прекрасно изображаетъ нравственную свободу проф. Виндельбандъ: нравственная свобода не есть сомнительный даръ данайцевъ—непонятная способность безъ причины и плана бросаться изъ стороны въ сторону; она есть идеаль хотѣнія, съ полнымъ сознаниемъ подчиняющагося высшимъ цѣлямъ. Ее можно сравнить не съ темной почвой, на которой мы всѣ стоимъ, а съ ясными высотами, которыхъ достигаютъ лишь немногіе. Царство свободы является въ царствѣ природы той областью, въ которой господствуетъ одна лишь норма; наша задача и наше блаженство пріобрѣсти осѣдлость въ этой области. (Нормы и законы природы 224).

Если нѣкоторые статистики стараются доказать отсутствіе свободной воли, то они, очевидно, не различаютъ два совершенно противоположныхъ понятій,— понятіе этической свободы и понятіе психологической свободы. Въ этическомъ отношеніи человѣкъ бываетъ свободенъ и несвободенъ въ зависимости отъ степени его развитія, отъ большаго или меньшаго сознаниа.

имъ нравственнаго закона. Въ психологическомъ же смыслѣ человѣкъ всегда свободенъ, такъ какъ въ своей дѣятельности опредѣляется главнымъ господствующимъ мотивомъ. Вообще данныя нравственной статистики нисколько не говорятъ противъ свободной воли, напротивъ въ нихъ возможно даже усматривать отрицательныя доказательства ея.

Другое подобное же доказательство мы находимъ въ свидѣтельствѣ нашего сознанія.

Акты человѣческой воли представляютъ сложный психо-физическій процессъ, совершающійся въ извѣстный періодъ времени. Остановивъ свое вниманіе на отдѣльныхъ моментахъ этого процесса, мы легко можемъ убѣдиться, что весь онъ проникнутъ лучами сознанія. До того или другого рѣшенія предъ нами открывается рядъ возможностей съ различными мотивами къ дѣятельности. Эти возможности мы обзрѣваемъ, по поводу ихъ мы такъ или иначе размышляемъ. Если бы у насъ не было такого яснаго сознанія, то мы не вмѣшивались бы въ психо-физическій механизмъ, а всецѣло отдались бы привычному для насъ ходу ассоціацій и чувствованій. Принимая, затѣмъ, извѣстное рѣшеніе, мы въ то-же время отдаемъ себѣ ясный отчетъ въ предпринимаемомъ, мы отлично понимаемъ наши представленія и ясно различаемъ свободные акты отъ необходимыхъ. Наконецъ, мы сознаемъ, что могли рѣшить и поступить иначе, чѣмъ какъ въ дѣйствительности рѣшили. „Выбирать безразлично, произвольно, безъ мотивовъ, безъ двигателей, не соотвѣтственно своему характеру—значить выбирать безъ выбора“ (Фулье. Свобода и необходимость 368 стр.). Въ силу сознаваемой нами свободной воли, мы во всякое время можемъ перерѣшить дѣло; отвергнувъ сдѣланный выборъ, мы можемъ принять другую возможность. Такимъ образомъ, до рѣшенія, во время и послѣ рѣшенія человѣка не покидаетъ сознаніе свободной воли; оно, т. е. сознаніе есть неоспоримый фактъ, всеобщій законъ человѣческой природы. „Помимо всѣхъ теорій, понятіе о свободѣ есть прирожденное, необходимое, свойственное всѣмъ людямъ безъ исключенія. (Стадлинъ ст. Историческая теорія Бокля. Рус. Вѣстникъ 1874 г. № 7, 266 стр.). На признаніи свободной воли осно-

ывається еще другое психическое явленіе—раскаяніе и чувство виновности. Непреодолимость этихъ явленій говорить за то, что они не есть что-либо палетное, поверхностное, которое, при достаточныхъ усиліяхъ, можно такъ или иначе сбросить. Напротивъ, раскаяніе и чувство виновности, не давая человѣку подчасъ рѣшительно никакого покоя, такъ настойчиво преслѣдуютъ его, что теряютъ всякій павязываемый имъ иллюзорный характеръ. Кроме того, подобное раскаяніе по самому существу содержитъ въ себѣ „требованіе“ иного образа дѣйствія. Человѣкъ потому мучится раскаяніемъ, что сознаетъ, что онъ нарушилъ нормы личной или общественной жизни, что онъ поступилъ не такъ, какъ слѣдовало-бы, а послѣдняго, т. е. требованія иного образа дѣйствія не могло бы быть, если бы не существовало самой возможности такого дѣйствія.

Съ другой стороны, если разсматривать чувство виновности не съ субъективной стороны, а съ объективной, т. е. съ точки зрѣнія отвѣтственности, то мы опять прійдемъ къ признанію факта свободной воли. Было бы по меньшей мѣрѣ странно и даже несправедливо считать несвободнаго человѣка отвѣтственнымъ за свои проступки. Если человѣкъ есть продуктъ слѣпой необходимости, если онъ членъ мертваго, мірового механизма, то на какомъ-же основаніи мы требуемъ отъ него отчета въ его дѣятельности.

Ясно, что главный источникъ трудности рѣшенія данной проблемы заключается въ соотношеніи между теоретическимъ и практическимъ моментами. Аристотель въ третьей книгѣ Никомаховой этики даетъ ясное указаніе, какое значеніе имѣетъ произвольность поступковъ для вмѣняемости и въ частности для наказуемости ихъ. Кто отвергаетъ свободу, тотъ попадетъ подъ подозрѣніе, что онъ отвергаетъ отвѣтственность, а для спасенія послѣдней первая подвергается превращеніямъ и всякаго рода урѣзываніямъ въ своихъ логическихъ признакахъ. Такимъ образомъ, свобода и отвѣтственность всюду являются замѣстительными понятіями.

Возвращаясь къ поставленному нами въ началѣ вопросу, мы смѣло можемъ отвѣтить, что данныя нравственной статистики не отрицаютъ свободы воли. Равнымъ образомъ и ученіе о

свободѣ воли нисколько не умаляетъ значеніе статистики, какъ науки. Остается только пожалѣть, что эта новая наука слишкомъ односторонне смотритъ на явленія; она беретъ ихъ въ заключительномъ положеніи, какъ голые факты, не обращая надлежащаго вниманія на внутреннюю сторону дѣла, поэтому психика каждаго отдѣльнаго человѣка всегда остается внѣ поля ея зрѣнія. Правда, по мѣрѣ дальнѣйшаго своего существованія и развитія, нравственная статистика начинаетъ обращать вниманіе на то, что прежде проходило мимо ея глазъ. Но все же она никогда не будетъ въ состояніи дать численнаго опредѣленія событій со всѣми ихъ качественными особенностями. Послѣднія всегда останутся внѣ ея сферы, какъ не поддающіяся количественному выраженію. Съ другой стороны, даже при данномъ своемъ направленіи, нравственная статистика заставляетъ много отъ нея требованій. „Послѣ Кетле, говоритъ проф. Янсонъ, творческая дѣятельность въ области статистики, можно сказать, остановилась. вмѣсто разрѣшенія разныхъ отвлеченныхъ вопросовъ о сущности, предметѣ и методѣ статистики, ученые принялись за разработку ежедневно накапливающагося огромнаго статистическаго матеріала... „Скоро ли завершится эта работа, скоро ли явится тотъ геніальный умъ, который будетъ въ состояніи обнять однимъ взглядомъ всю массу фактовъ, изслѣдованій и выводовъ—не наше дѣло, говоритъ проф. Некрасовъ ¹⁾. Очевидно, объ этомъ можно только мечтать.

Х. О. Ивановъ.

¹⁾ Философія и логика о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности, стр. 7.

ПРАКТИЧЕСКАЯ НЕВОЗМОЖНОСТЬ СОЦІАЛИЗМА.

Соч. В. Катрейна.

Авторизованный переводъ съ 9-го нѣмецкаго изданія

свѣщенника **Н. ЛИПСНАГО**

(Продолженіе *).

§ 3. *Продуктъ труда или работы.*

Вотъ еще одинъ масштабъ распредѣленія продуктовъ, на который указываетъ, между прочимъ, Бебель. „Болѣе высокая работа будетъ болѣе щедро вознаграждаться, думаетъ онъ, но вознаграждаться будетъ именно работа, самое дѣло“¹⁾. Дѣйствительно, это именно и есть тотъ масштабъ, къ которому должны придти послѣдовательные соціалисты. Главное обвиненіе, съ которымъ они выступаютъ противъ современнаго общества, это полученіе дохода безъ соотвѣтствующаго труда: много людей совершенно праздныхъ имѣютъ такой доходъ, эксплуатируя трудъ рабочаго, отнимая у него значительную часть производимыхъ имъ продуктовъ. Соціалисты хотятъ каждому рабочему обезпечить *полный результатъ его труда*. Поэтому они вполне послѣдовательно разсуждаютъ, принимая за масштабъ распредѣленія продуктовъ произведенную работу, совершенный трудъ или самый продуктъ труда. Но такой масштабъ распредѣленія возможенъ ли въ дѣйствительности?

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ.“ № 8 за 1908 г.

1) Unsere Ziele, 30.

Мы уже признали несправедливымъ тотъ масштабъ, при которомъ работу, продуктъ труда хотятъ цѣнить просто по количеству общественно—необходимаго рабочаго времени, какое требуется для его производства. Если же хотятъ опредѣлить истинную цѣнность продукта, не ограничиваясь лишь вычисленіемъ времени, потребнаго для его производства, то должны принять въ соображеніе искусство рабочаго, его физическую силу, опытность, стараніе. Отъ всѣхъ этихъ условій зависитъ достоинство продукта труда. Для того же, чтобы сравнить между собою различные виды полезной обществу дѣятельности и опредѣлить ихъ относительное достоинство и полезность, для этого въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требуется своеобразная оцѣнка. Соціалисты не правы, когда утверждаютъ, что всѣ виды общественной дѣятельности имѣютъ одинаковое достоинство и равное право на вознагражденіе. Въ самомъ дѣлѣ, кто же серьезно поставитъ на одну доску работу истопника, или конюха и трудъ врача, или преподавателя высшей школы? Теперь является вопросъ: кто-бы могъ быть настолько увѣренъ въ своемъ умѣ, въ своей мудрости, чтобы взять на себя задачу опредѣлить относительное достоинство каждаго вида общественной дѣятельности и сдѣлать это справедливо, принимая въ соображеніе всѣ вышеупомянутые факторы? Какъ легко можетъ быть что въ этомъ случаѣ будутъ высказаны различныя и противоположныя сужденія? Одинъ сочтетъ важной одну дѣятельность, другой другую. Здѣсь вѣдь многое будетъ зависѣть отъ субъективныхъ взглядовъ того или другого цѣнителя. Возможно ли будетъ установить правильный, чуждый субъективности масштабъ, который не давалъ бы повода къ разнаго рода спорамъ, пререканіямъ и неудовольствіямъ?

На этихъ же, только что приведенныхъ основаніяхъ не можетъ быть признанъ осуществимымъ масштабъ распределенія, проектируемый Ротбертусомъ. Онъ рекомендуетъ продукты труда распределять, принимая за основаніе для дѣлежа нормальный рабочій день ¹⁾. Въ этомъ случаѣ прежде

¹⁾ Der Normalarbeitstag. Separatabdruck aus der „Berliner Revue“, 1871 г.

всего нужно определить нормальную продолжительность рабочего дня, т. е., время, какое въ состояніи употребить на работу въ теченіе дня рабочей со средней физической силой и средней интенсивностью работы. Для различныхъ видовъ труда эта продолжительность различна. Затѣмъ, если этотъ нормальный рабочий день уже установленъ, то слѣдуетъ определить „какое количество продукта можетъ произвести въ той или другой области производства средней рабочей при среднемъ умѣнши и среднемъ прилежаніи“. Это количество продукта Ротбертусъ называетъ нормальной дневной выработкой въ отличіе отъ просто нормального рабочего дня.

Нормальная дневная выработка (нормальное количество продукта) въ одной отрасли производства, по мнѣнію Ротбертуса, имѣетъ такую же цѣнность, какъ выработка во всякой другой отрасли, или говоря вообще: *продукты, для производства которыхъ требуется одинаковое количество времени, имѣютъ и равную цѣнность*. Если, напр., для того чтобы сдѣлать пару сапогъ требуется нормальная работа въ сапожной мастерской въ теченіе одного дня, а для изготовленія стола требуется работа въ теченіе пяти дней, то столъ будетъ имѣть цѣнность въ пять разъ большую, чѣмъ пара сапогъ.

Пусть бы кто-нибудь взялъ на себя трудъ точно вычислить нормальную дневную выработку для одного какого-нибудь ремесленного производства. Даже для самаго простого ремесла потребовались бы запутанныя и сложныя вычисленія, которыя въ лучшемъ случаѣ были бы лишь приблизительно правильны, потому что, какъ справедливо замѣчаетъ Ротбертусъ, не достаточно вычислить лишь то рабочее время, какое употребляется самимъ сапожникомъ на изготовленіе сапогъ, но необходимо также вычислить, насколько при этомъ употреблялись и изнашивались инструменты; необходимо, далѣе, определить стоимость всѣхъ инструментовъ и матеріаловъ: кожи, дратвы, иглокъ, гвоздей, молотковъ и т. п., а равно вычислить, сколько рабочего времени заключается въ каждомъ изъ этихъ предметовъ.

Проектъ Ротбертуса основывается на предположеніи, что

цѣнность вещи опредѣляется *единственно* только количествомъ *труда*, затраченнаго на ея производство. Такое предположеніе ошибочно, какъ мы видѣли. За лучшее вино, лучшія овощи, лучшее дерево, платокъ, хлѣбъ, лучшую землю заплатятъ дороже, чѣмъ за болѣе плохіе сорта этихъ самыхъ предметовъ, независимо отъ количества времени, потраченнаго на ихъ производство. Почему за свѣжія овощи, свѣжее мясо и свѣжій хлѣбъ платятъ дороже, чѣмъ тогда, когда эти продукты уже не свѣжи? Это извѣстно всякому ребенку. Неужели этого не знаютъ политико-экономы, какъ Ротбертусъ?

Къ чему, главнымъ образомъ, сводится цѣнность всякой вещи, это—ея *полезность* или *употребляемость*. Кромѣ того, здѣсь имѣетъ значеніе также *человѣческая рабочая сила* и поэтому ошибочно будетъ приравнивать нормальную дневную выработку въ одной отрасли производства съ такой же выработкой въ другой отрасли.

Норма дневной рабочей выработки не можетъ служить масштабомъ распредѣленія еще и потому, что ко многимъ отраслямъ производства такая норма совершенно непримѣнима. Какъ, напр., опредѣлить норму дневной выработки, или нормальный продуктъ работы для врача, профессора, педагога, астронома, историка, чиновника и т. д.? Конечно, портной, или сапожникъ продуктъ своей дневной работы представить для оцѣнки назначеннымъ для этой цѣли лицамъ. Но что могутъ показать такимъ оцѣнщикамъ врачъ, астрономъ, чиновникъ, учитель и т. д.? Что долженъ будетъ показать имъ сельскій хозяинъ въ томъ случаѣ, если засуха, градъ, или ранній морозъ отчасти, или же совершенно уничтожатъ его посѣвы? Что покажетъ охотникъ и рыболовъ, если ихъ трудъ не сопровождался счастливымъ успѣхомъ?

Наконецъ, нормальная дневная выработка, какъ основа распредѣленія, стоитъ въ противорѣчьи съ принципами социализма, такъ какъ непремѣннымъ своимъ слѣдствіемъ будетъ имѣть крупное общественное неравенство. Ротбертусъ самъ сознается, что его проектъ вводитъ принципъ издѣльной платы въ будущее общество. Если тотъ, кто въ теченіе дня произвелъ

нормальную выработку продукта, получает за это определенную плату, то другой, успевший в то же время произвести продукта вдвое больше, должен и получать за свою работу также вдвое больше, а третий, выполнивший только половину нормальной работы, соответственно этому получает и половину дневной платы. Но ведь легко может статься, что рабочий сильный, здоровый, искусный будет выработывать вдвое—втрое больше того, что в состоянии сделать человек, менее одаренный и физическими и духовными силами. Таким образом, очень легко и очень скоро могут возникнуть резкие различия, неравенство, особенно если эти менее одаренные рабочие подвергнутся случайно болезни, или другому несчастию и будут вынуждены больше или менее продолжительное время не работать. Мы ведь предполагаемъ, что тотъ, кто трудится целый день, получить за свой труд больше какого-нибудь больного и неспособнаго къ труду, потому что иначе не было бы никакого побужденія къ труду и можно было бы опасаться того, что и здоровые будутъ стремиться въ больницы. Сколько бы социаль-демократы ни расточали красноречія по поводу „духа общественности“, преданности общему благу, все-таки имъ не удастся преодолѣть того отвращенія къ труду, какое теперь замѣчается у большинства людей.

Эти, только что разобранныя нами основанія не допускаютъ и того масштаба распределенія, какой проектировалъ Марксъ. На высшей ступени развитія коммунистическаго общества каждый будетъ получать изъ общественнаго продукта по своимъ потребностямъ. На этомъ масштабѣ распределенія мы остановимся ниже. На низшей же ступени, когда коммунистическое общество только что образовалось изъ капиталистическаго, каждый продуцентъ получаетъ отъ общества ровно столько, сколько самъ даетъ обществу. „То, что дано рабочимъ, есть количество его индивидуальнаго труда. Пусть, напр., общественный рабочий день состоитъ изъ суммы индивидуальныхъ часовъ работы; индивидуальное рабочее время каждого производителя есть имъ самимъ восполненная часть общественнаго рабочаго дня, степень его участія въ немъ. Работавшій получаетъ отъ

общества удостовѣренія, что онъ выполнилъ такую-то часть работы (за вычетомъ части его труда въ общественный фондъ) и по этому удостовѣренію получаетъ изъ общественнаго запаса потребительныхъ средствъ столько, сколько стоитъ его трудъ. То самое количество труда, какое онъ далъ обществу въ одной формѣ, онъ получаетъ обратно, но въ другой формѣ ¹⁾“.

Какъ, однако, темень смыслъ этихъ рѣчей! „Работавшій получаетъ удостовѣреніе, что онъ выполнилъ такую-то часть работы.“ Если при этомъ предполагается, что только *Время работы* служитъ масштабомъ распредѣленія, то такой масштабъ, какъ уже мы видѣли, и несправедливъ и непримѣнимъ на практикѣ. Марксъ самъ признаетъ, что не всѣ рабочіе производятъ одинаковое количество продукта въ одно и то же время. Если же хотятъ опредѣлить *количество*, или массу выполненной работы, то должны принять въ соображеніе прилежаніе, умѣнье, интенсивность и силу рабочаго. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти элементы не поддаются учету. Кто, напр., былъ бы въ состояніи учесть произведенную работу (интенсивность, умѣнье, прилежаніе) врача, больничной сидѣлки, ученаго, педагога и т. п.? Но пусть въ этихъ случаяхъ еще можно будетъ произвести учетъ; ну, а какъ вы учтете, какое количество труда заключено въ фунтѣ хлѣба, или литрѣ молока? Наконецъ, какъ уже выше нами замѣчено, не справедливо принимать во вниманіе только количество, а не качество работы. Не всѣ рабочіе одинаково цѣнны для общества.

§ 4. Прилежаніе.

Еще менѣе, чѣмъ продуктъ работы, можетъ служить мѣркой для распредѣленія прилежаніе, усердіе къ дѣлу рабочаго. Было бы несправедливо при распредѣленіи продуктовъ брать за основаніе для этого только прилежаніе. потому что этимъ

¹⁾ Маркс, Zur Kritik des socialdemokratischen Parteiprogramms, 566.

самымъ рабочаго способнаго и проворнаго приравнивали бы къ глупому и неповоротливому. Затѣмъ далѣе, какимъ путемъ можно было бы вполне правильно и точно опредѣлить степень прилежанія каждаго отдѣльнаго рабочаго? Бэллами ¹⁾ полагаютъ, что въ социалистическомъ государствѣ каждый получаетъ по мѣрѣ своего прилежанія, своей старательности, если онъ наилучшимъ образомъ выполняетъ ту работу, къ которой способенъ. Легко это сказать. Но кто рѣшаетъ вопросъ о томъ, выполняетъ ли рабочій свою работу наилучшимъ образомъ, или нѣтъ? Какимъ путемъ можно будетъ составить мнѣніе объ этомъ? Для этого понадобится система очень сложнаго наблюденія и подсматриванія другъ за другомъ, которая вѣдь настолько неприятна, настолько оказалась бы невыносимой цѣпью, кандалами, что суверенный народъ на другой, же день пожелалъ бы сбить съ себя эти кандалы. Но и въ томъ случаѣ если бы такой взаимный контроль осуществился на болѣе или менѣе продолжительное время, какъ легко можно было бы обманывать надсмотрщиковъ и наблюдателей, особенно когда много рабочихъ заняты однимъ общимъ дѣломъ! Какія гарантіи у общества на счетъ добросовѣстности избранныхъ народомъ и во всякое время могущихъ быть устраненными надсмотрщиковъ? Если, наконецъ, рабочій будетъ уличенъ въ недостаточности усердія и прилежанія, то какая

¹⁾ *Ein Rückblick*, 75 ff. Американскій романистъ обращается съ гражданами своего будущаго государства, какъ малыми ребятами. Въ первые три года, какъ только молодые люди (свыше 21 года!) вступятъ въ „индустриальную армію“, ихъ приучаютъ къ строгому подчиненію и послушанію. Обо всемъ, чѣмъ они занимаются, ведется журналъ, причемъ усердные къ дѣлу награждаются, а лѣнливые штрафуются. Только въ концѣ этого періода они въ правѣ избрать себѣ ту или иную профессію и должны нѣкоторое время учиться избранному дѣлу, при этомъ опять-таки для каждаго заводится журналъ, гдѣ точно отмѣчаютъ степень способностей и прилежанія, а равно получаемыя соотвѣтственные этому награды. Во всѣхъ отрасляхъ производства рабочіе дѣлятся на три разряда, на рабочихъ перваго, втораго и третьяго ранга. Распределеніе рабочихъ по рангамъ периодически повторяется, о чемъ публикуется въ газетахъ. Рабочіе перваго ранга носятъ золотныя, втораго—серебряныя и третьяго—железныя медали и т. и. Такіе проекты годятся, пожалуй, только для малыхъ ребятъ.

часть платы должна быть удержана изъ его жалованья? Кто въ правѣ будетъ рѣшать этотъ вопросъ? Думается намъ, что устраняемая Бебелемъ тюрьмы очень скоро придется замѣнить новыми и болѣе обширными, чѣмъ тюрьмы современныя.

§ 5. Потребности.

Распредѣленіе продуктовъ труда примѣнительно къ *потребностямъ* cadaго было бы дѣломъ въ высшей степени несправедливымъ и практически неосуществимымъ. „Каждому по его потребностямъ“, говоритъ Марксъ. Даже если эти потребности несуразны? Марксъ, вѣроятно, предполагаетъ, что въ будущемъ обществѣ не будетъ никакихъ неразумныхъ потребностей. Осторожнѣе выражается Готская программа: „каждому по его разумнымъ потребностямъ.“ Что же это за *разумныя* потребности? Не всѣ имѣютъ однѣ и тѣ же потребности. Очевидно, было бы неразумно предоставлять каждому самому судить о своихъ потребностяхъ. Никто не можетъ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ. Кроме того, опытъ учитъ, что очень часто потребности и скромность не гармонируютъ другъ съ другомъ.

Оставалось бы, такимъ образомъ, въ каждой общинѣ учредить какую-нибудь „коммиссію потребностей“, которая и рѣшала бы вопросы о томъ, напр., сколько кружекъ пива нужно каждому мужчинѣ, и когда сдѣлать новое платье женщинѣ. И вотъ, если бы такія коммиссіи состояли только изъ настоящихъ Солоновъ и Аристидовъ, которые были бы чужды и тѣни лицепріятія и рѣшали вопросы по сущей правдѣ; если бы социалистическіе товарищи были преисполнены духомъ общественности, какими ихъ изображаетъ Бебель, и готовы были бы довольствоваться малымъ; то и въ такомъ случаѣ очень не легко было бы разрѣшить эту задачу такъ, чтобы всѣ и всегда оставались довольны и не было бы какихъ-либо недоразумѣній и споровъ.

ПЯТЫЙ ОТДѢЛЪ.

Вопросъ о перенаселеніи. Соціализмъ по самой своей сущности интернаціоналенъ.

§ 1. *Вопросъ о перенаселеніи.*

Въ тѣсной связи съ только что разсмотрѣннымъ вопросомъ о распредѣленіи продуктовъ стоитъ другая проблема, которая для социализма является вопросомъ жизни и смерти въ собственномъ смыслѣ этого слова: мы разумѣемъ *вопросъ о перенаселеніи*.

Рождать дѣтей легче, чѣмъ ихъ воспитывать. Вопросъ о воспитаніи, какъ для каждой отдѣльной супружеской пары, такъ и для цѣлаго общества является источникомъ серьезныхъ заботъ; такимъ же останется этотъ вопросъ и для будущаго социалистическаго общества.

Даже не будучи сторонникомъ теоріи Мальтуса¹⁾, все-таки приходится признать, что населеніе возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ необходимыя для его содержанія средства продовольствія. Эта истина признается очень многими людьми науки. По Г. Рюмелину, „можно считать безспорной истиной то, что стрем-

¹⁾ По Мальтусу (1766—1834), человѣчество имѣетъ тенденцію удвоиться въ каждые 25 лѣтъ, или иначе, возрастать въ геометрической прогрессіи (какъ 1, 2, 4, 8, 16 и т. д.). Средства же пропитанія, если и возрастаютъ, то только въ арифметической прогрессіи (какъ 1, 2, 3, 4, 5 и т. д.). Такимъ образомъ, если бы человѣчество безрешительно могло размножаться, то очень скоро, черезъ нѣсколько лишь поколѣній возникло бы величайшее несоотвѣтствіе между количествомъ населенія и средствами продовольствія. Но фактически народонаселеніе не можетъ на болѣе или менѣе продолжительное время переступить за ту норму, для которой достаточно средствъ продовольствія. Приростъ населенія такимъ образомъ постоянно задерживается и остается на одномъ уровнѣ съ количествомъ имѣющихся средствъ продовольствія. Причины, задерживающія увеличеніе народонаселенія, по Мальтусу, отчасти характера предупредительнаго, отчасти—репрессивнаго. Къ первымъ принадлежитъ воздержаніе (нравственно одобрительное и безнравственное), ко вторымъ—дѣтубійство, войны, голодъ, болѣзни. Ученіе Мальтуса въ приведенной здѣсь математической формулѣ въ настоящее время отвергается почти всѣми, однако, основная мысль его многими признается за научную истину.

леніе человѣчества къ возрастанію неослабно дѣйствуетъ и передается отъ поколѣнія къ поколѣнію и второй милліонъ людей, какъ и первый, имѣетъ столько же силъ и охоты къ удвоенію; между тѣмъ какъ, напротивъ, количество урожая на одномъ и томъ же клочкѣ земли, по мѣрѣ развитія сельскохозяйственной культуры, все меньше и меньше становится склоннымъ къ прогрессивному увеличенію“.

Поэтому уже въ настоящее время политико-экономы озабочены вопросомъ о томъ, какимъ путемъ устранить эту грозную опасность перенаселенія, т. е., увеличеніе населенія выше того количества, для какого имѣется достаточно продовольственныхъ средствъ.

Конечно, социалисты этимъ вопросомъ нисколько не тревожатся. По Марксу и Бебелю, вопросъ о перенаселеніи можетъ быть тревожнымъ для современнаго частно-капиталистическаго общественнаго строя, но не для будущаго социалистическаго. И это по двумъ причинамъ. Во первыхъ потому, что распредѣленіе продуктовъ станетъ гораздо болѣе равномернымъ и поэтому продуктовъ будетъ хватать для гораздо большаго числа лицъ; а во-вторыхъ, что еще важнѣе, потому, что въ будущемъ обществѣ продуктивность работы возрастетъ до невѣроятной степени, или, какъ выражается Марксъ, жизненные источники потекутъ обильными рѣками.

Однако, по нашему мнѣнію, социалисты въ этомъ случаѣ впадаютъ въ жестокой самообманъ. Мы утверждаемъ, что въ социализмѣ опасность перенаселенія отнюдь не меньше, а напротивъ, больше, чѣмъ при современномъ общественномъ строѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, по мнѣнію социалистовъ, общество въ каждомъ ребенкѣ видитъ „желательный приростъ“ (Бебель) и считаетъ себя обязаннымъ по мѣрѣ силъ позаботиться о его содержаніи. Женщины и мужчины могутъ вступать въ брачныя сожителства, когда имъ угодно и на какое угодно время. О дѣтяхъ имъ нѣтъ надобности беспокоиться. Государство—отецъ беретъ на себя всякаго рода заботы, для всѣхъ оно имѣетъ достаточно и хлѣба и одежды. Все это мы подтвер-

димъ выдержками изъ социалистическихъ писаній, когда будемъ разсматривать семейную жизнь въ социалистическомъ обществѣ.

Каково же будетъ вліяніе такого порядка, или лучше, безпорядка, при которомъ общество при допущеніи свободнѣйшей любви снимаетъ съ родителей всякую заботу о дѣтяхъ и тѣмъ самымъ устраняетъ какія-бы то ни было препятствія для необузданнаго удовлетворенія наиболее сильной страсти? Это всякому ясно. Мы думаемъ, что Мальтусъ, если бы имѣлъ въ виду социалистическое общество, представилъ бы геометрическую прогрессию еще съ большимъ знаменателемъ; населеніе удвоилось бы не въ каждые 25 лѣтъ, а гораздо быстрѣе. Въ настоящее время приростъ населенія встрѣчаетъ разнаго рода препятствія. Уже опасеніе за невозможность воспитать дѣтей многихъ удерживаетъ отъ заключенія брака, или же браки въ виду этого заключаются очень поздно. Къ этому присоединяется обременительность многочадства, желаніе поставить дѣтей на извѣстной ступени общественнаго положенія, не ниже той, на которой стоятъ родители. Конечно, и въ социалистическомъ обществѣ женщина протестовала бы противъ тягостей материнства, но вопреки социалистической программѣ, она будетъ оставаться подъ главенствомъ мужчины.

Всему этому не будетъ мѣста въ социализмѣ. Потомство не причиняетъ родителямъ никакихъ заботъ и безпокойствъ; общество смотритъ на дѣтей, какъ на желательный приростъ. Нѣтъ болѣе никакихъ препятствій для свободнаго общенія половъ. И въ то же время опасность перенаселенія будетъ меньше, чѣмъ въ современномъ обществѣ?

Да, конечно. Такъ какъ въ будущемъ обществѣ продуктивность труда возрастетъ въ невѣроятной степени, такъ что хлѣба будетъ достаточно для всѣхъ. Однако, на это можно рассчитывать, лишь владѣя силой воображенія въ такой степени, какъ социалистическіе пророки. Въ дѣйствительности же, какъ уже объ этомъ мы говорили выше, продуктивность труда въ социалистическомъ обществѣ должна будетъ понизиться сравнительно съ настоящей.

Каждый новорожденный, говорятъ социалисты, есть новый работникъ. Конечно, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый новорожденный есть лишній ротъ. Что съ количествомъ новорожденныхъ возрастаетъ также и потребность въ продовольственныхъ средствахъ,—это безусловно вѣрно. И въ социалистическомъ обществѣ двадцать товарищей ѣдятъ вдвое болѣе, чѣмъ десять. Можно ли считать столько же несомнѣннымъ, что и необходимыя жизненные средства будутъ возрастать въ той же степени, какъ и населеніе? Отнюдь, нѣтъ. Скорѣе несомнѣнно противоположное. Если въ настоящее время количество населенія въ десять разъ больше того, какъ это было 200—300 лѣтъ назадъ, то даетъ ли земля теперь въ десять разъ болѣе урожай? Этому никто не станетъ утверждать. Чѣмъ населеніе и культурнѣе страна, тѣмъ труднѣе и сложнѣе забота о достаточномъ продовольствіи.

Пока то или другое государство окружено менѣе населенными странами и съ меньшимъ развитіемъ индустріальной техники, оно можетъ добывать средства къ существованію при посредствѣ ввоза сырыхъ продуктовъ и вывоза произведеній фабричной промышленности. Однако, чѣмъ больше странъ, на которыя распространяется вывозъ, тѣмъ это представляетъ большія трудности для населенія и для индустріальнаго развитія. Если съ этимъ обстоятельствомъ должны бывать считаться государства съ частной собственностью, съ частновладельческимъ хозяйствомъ, то для социалистическаго государства, окруженнаго не—социалистическими, это обстоятельство представляло бы трудности совершенно непреодолимые. Это важное обстоятельство мы должны будемъ изслѣдовать повнимательнѣе.

§ 2. Если социализмъ вообще можетъ быть осуществленъ, то только интернаціональнымъ путемъ.

Уже изъ того, что нами выше сказано при разсмотрѣніи вопроса о распредѣленіи рабочихъ силъ, можно видѣть, что социалистическая организація общества, если и могла бы быть когда-нибудь осуществлена, то только на почвѣ интернаціо-

нализма, т. е., будучи одновременно введенной во всѣхъ крупныхъ индустриальныхъ странахъ не только одной Европы, но также Америки, Австрали и др. Многие социалисты съ этимъ согласны. Эдм. Фишеръ пишетъ: „До сихъ поръ мы всегда говорили, что социализмъ можетъ быть осуществленъ лишь интернаціоналистически“¹⁾. Чтобы убѣдиться въ томъ, насколько основательно такое предположеніе, достаточно остановиться надъ вопросомъ о томъ, какимъ путемъ густо населенное социалистическое государство въ состояніи добыть достаточное количество продовольственныхъ средствъ для всѣхъ своихъ взрослыхъ и малолѣтнихъ опекаемыхъ.

Наши густо населенныя государства только незначительную часть необходимыхъ для населенія продуктовъ въ состояніи производить внутри страны. Большею же частію потребности населенія удовлетворяются при помощи ввоза извнѣ. Въ большихъ государствахъ въ настоящее время ввозъ простирается до нѣсколькихъ миллиардовъ марокъ. Само собою разумѣется, что ввозъ долженъ покрываться соотвѣтствующимъ вывозомъ, для чего необходимы обширные и вѣрные рынки для сбыта. Такимъ образомъ, культурныя страны въ самой широкой степени опираются на интернаціональную торговлю. И вотъ мы утверждаемъ, что *социалистическое государство не въ состояніи существовать между или рядомъ съ государствами не—социалистическими*; оно не въ состояніи будетъ конкурировать съ этими послѣдними.

Какъ на доказательство для этого нашего утвержденія, мы можемъ сослаться на свидѣтельства самихъ социалистовъ. Выше мы уже указывали на основанныя въ разныхъ мѣстахъ социалистами артели и товарищества (типографіи, хлѣбопекарни и т. п.). Когда социалистамъ выставляють на видъ, что въ этихъ товарищескихъ предпріятіяхъ и плата рабочихъ несколько не выше, и условія труда не лучше, и время работы не меньше, чѣмъ въ частныхъ предпріятіяхъ; то они обыкновенно отвѣчаютъ и вполне справедливо, что вполне совер-

¹⁾ Socialistische Monatshefte, 1904, 1, 297.

шенная социалистическая организація невозможна среди предприятий не-социалистическихъ. Во всякомъ случаѣ, банкротства этихъ социалистическихъ организацій доказываютъ, что прославленное братолюбіе, охота къ труду, самоотверженный духъ общественности, о чемъ такъ красно умѣютъ разглагольствовать проповѣдники насильственнаго переворота,—все это только пустое празднословіе. Однако, это еще не доказываетъ, будто социализмъ не можетъ быть осуществленъ на чисто-экономической почвѣ, такъ какъ здѣсь отсутствуетъ предпосылка, изъ которой неизбежно должны исходить социалистическія организаціи.

Не трудно отыскать причину, почему социалистическія организаціи не могутъ существовать рядомъ съ не—социалистическими. Социалистическое предприятие прежде всего имѣетъ въ виду и заботится объ интересахъ рабочаго. Оно требуетъ для рабочаго возможно высокой платы, возможно большаго сокращенія рабочаго времени, возможно болѣе удобныхъ и здоровыхъ жилищъ для рабочихъ и т. п. Общество, основанное на такихъ началахъ, можетъ ли такъ же дешево, быстро и въ такомъ же количествѣ доставлять на рынокъ свои товары, какъ и другое общество, основанное на совершенно иныхъ началахъ, стремящееся къ тому, чтобы производить возможно больше продуктовъ и возможно дешевле? Разумѣется, нѣтъ. Оно не выдержитъ конкуренціи и будетъ вынуждено или сократить плату рабочимъ и удлинить время работы, или же стать банкротомъ.

Сказанное здѣсь нами относительно мелкихъ предприятий и товариществъ вполне примѣнимо и къ большимъ государствамъ. Социалистическое государство еще менѣе, чѣмъ мелкое товарищество, въ состояніи будетъ выдерживать конкуренцію съ государствами не—социалистическими, такъ какъ, съ увеличеніемъ размѣровъ социалистической организаціи, увеличивается также ея неуклюжесть и неповоротливость.

Къ этому присоединяются еще и нѣкоторыя другія трудности. Социалистическое государство, находясь между не—социалистическими, будетъ вынуждено назначать цѣну всѣмъ своимъ продуктамъ двухъ родовъ: для внутренняго потребленія про-

дукты будутъ расцѣниваемы по количеству общественно-необходимого труда, содержащагося въ томъ или другомъ продуктѣ; цѣна же этихъ самыхъ продуктовъ на внѣшнемъ рынкѣ будетъ устанавливаться примѣнительно къ спросу и предложению. Далѣе, для интернаціональной торговли оно должно будетъ имѣть деньги, даже бумажные денежные знаки, наконецъ, оно должно будетъ обзавестись огромными депо для склада товаровъ ввоза и вывоза. Эти исполинскихъ размѣровъ склады товаровъ разнаго рода, а равно и денегъ не будутъ ли поводомъ для всякаго рода хищеній?

Предположимъ теперь, что социалистическое общество вовлечено въ войну съ государствами не—социалистическими. Въ такомъ случаѣ общественное производство должно очень быстро придти въ полное разстройство, даже приостановиться и общество впадаетъ въ крайнюю нищету. Уже одно то обстоятельство, что сотни тысячъ лучшихъ силъ внезапно отвлекаются отъ производства, должно крайне разрушительно подействовать на общественное производство и привести въ полный беспорядокъ проэктированные планы и исчисленія. Ну, а если непріятель проникнетъ внутрь страны и прекратитъ сообщеніе съ центральными мѣстами и учрежденіями, что тогда? Какъ тогда возможно будетъ планомѣрное регулированіе производства? Въ настоящее время война не можетъ оказать такого губительнаго дѣйствія вслѣдствіе именно большей децентрализаціи и менѣе зависимаго положенія частныхъ хозяйствъ одного относительно другого. Представимъ себѣ, что происходитъ наступательная война. Чѣмъ тогда руководиться при наборѣ солдатъ и произвести этотъ наборъ такъ, чтобы нисколько не нарушить полного равноправія всѣхъ и каждого? Конечно, Бебель на это скажетъ: война тогда не будетъ никакихъ; мы будемъ жить во времена вѣчнаго мира. Мы думаемъ нѣсколько иначе. Мы думаемъ, что вопросъ о томъ, быть или не быть войнѣ зависитъ не только отъ социалистическаго государства, но и отъ окружающихъ народовъ. Или быть можетъ, социалисты готовы будутъ добродушно переносить всякаго рода обиды, оскорбленія и несправедливости со стороны другихъ націй!

Это не всё, а только нѣкоторыя изъ тѣхъ затрудненій, какія предстоятъ соціалистическому обществу среди несоціалистическихъ государствъ. Мы поэтому нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что, если соціализмъ и можетъ быть осуществленъ, то только при условіи, что онъ одновременно вводится, по меньшей мѣрѣ, въ важнѣйшихъ культурныхъ странахъ. Но на такое интернаціональное осуществленіе соціализма рѣшительно невозможно рассчитывать. Тутъ прежде всего явится препятствіемъ національная рознь и вражда, не говоря уже о многихъ другихъ затрудненіяхъ. Эта національная рознь въ наше время не только не идетъ на убыль, а напротивъ, повидимому, возрастаетъ сравнительно съ прошлымъ. Такъ называемый національный шовинизмъ никогда не былъ такъ силенъ, какъ теперь. А затѣмъ пусть примутъ во вниманіе огромные размѣры, постоянно увеличивающіеся, современныхъ государствъ и тогда пусть представятъ себѣ колоссальныя трудности объединеннаго регулированія производства и распредѣленія продуктовъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Мая № 9 1908 года.

Содержаніе. I. Списокъ лицъ священнослужителей Харьковской епархіи, кои Всемилостивѣйше награждены къ 6 мая сего года за службу по епархіальному и гражданскому вѣдомствамъ.—Списокъ священниковъ Харьковской епархіи награжденных скуфьею и набедренникомъ 30 марта 1908 г.—Отъ Правленія Бузулукско-Таванякского Общества.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Объявленіе.

I.

Списокъ лицъ священнослужителей Харьковской епархіи, кои Всемилостивѣйше награждены къ 6 мая сего года за службу по епархіальному и гражданскому вѣдомствамъ:

а) *Орденъ Св. Владиміра 3 степени*: Города Харькова, Благочинной церкви протоіерей Василій *Борисоглыбскій*:

б) *Орденъ Св. Анны 2й-степени*: Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи протоіерей Алексій *Юшковъ* и Харьковской Николаевской церкви протоіерей Василій *Ветуховъ*.

в) *Орденъ Св. Анны 3 степени*: Высочиновскаго Базанскаго монастыря, Зміевского уѣзда, Настоятель игуменъ *Іоанникій*; церквей: села Новаго, Валковскаго у. священникъ Стефанъ *Эвенховъ*; слободы Барвенковой, Изюмскаго уѣзда, священникъ Маханъ *Ськирскій*; сл. Баабасовки того же уѣзда священникъ Никита *Шебатинскій*; с. Евсуга, Старобѣльскаго у. священникъ Петръ *Литкевичъ*; Харьковскаго Кафедральнаго Успенскаго собора священникъ Леонидъ *Твердохлыбовъ*; Автоіевской ц. Харьковскаго Императорскаго Университета священникъ Іоаннъ *Илюковъ* и города Харькова Христорожественской церкви протоіерей Андрей *Балановскій*.

г) *Синонь Игумена*: Старо-Харьковскаго Преображенскаго Куряжскаго монастыря іеромонахъ *Гермогенъ*.

д) *Синонь Протоіерей*: г. Харькова, Преображенской церкви священникъ Петръ *Өомиль* и заштатнаго гор. Краснокутска, Успенской церкви, Богодуховскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ *Золотаревъ*:

е) *Наперснымъ крестомъ отъ святѣйшаго Синода выдаваемымъ:* Верхо-Харьковскаго Николаевскаго монастыря, Харьковского уѣзда, Настоятельница игуменія *Эмилія*; Хорошевскаго Вознесенскаго монастыря, Харьковского у., настоятельница игуменія *Максимилла*; церкви села Бѣлки, Ахтырскаго у., священникъ Захарій *Туранскій*; церкви села Алоксѣвки, Валковскаго у. священникъ Андрей *Пономаревъ*; города Волчанска Троицкаго собора священникъ Іоаннъ *Яковлевъ*; церкви слоб. Хотомли, Волчанскаго у. священникъ Мануилъ *Цыбулевскій*; церкви Печенѣгскаго исправительнаго отдѣленія, Волчанскаго у. священникъ Василій *Корнилевъ*; гор. Зміева, Успенской церкви священникъ Антоній *Рудинскій*; церквей: слоб. Лимаца, Изюмскаго у. священникъ Ѳеодоръ *Бородаевъ*; г. Олавянска, Изюмскаго у. свящ. Михаилъ *Пономаревъ*; села Волобуевки того же уѣзда священникъ Александръ *Поповъ*; г. Купянска, Николаевской церкви священникъ Меодій *Лядскій*; села Сенькова, Купянскаго у., священникъ Василій *Поповъ*; слоб. Нижней-Дуванки, того же уѣзда, священникъ Трифонъ *Бушукій*; сл. Покровска, того же уѣзда священникъ Василій *Масловъ*; слоб. Торской, того же уѣзда, священникъ Алексій *Оптовцевъ*; гор. Лебедина, Вознесенской церкви, священникъ Василій *Лихницкій*; слободы Тимоновой, Старобѣльскаго у. свящ. Стефанъ *Любичскій*; гор. Харькова, Дмитріевской церква, священникъ Петръ *Вишняковъ*; Св. Маріи Магдалины церкви при Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, священникъ Павелъ *Грома*; и церкви села Основы, Харьковского уѣзда, священникъ Михаилъ *Кличный*.

ж) *Камиллавою:* церкви села Дерновой, Ахтырскаго уѣзда, священникъ Алексій *Краснокутскій*; г. Богодухова, Покровской церкви священникъ Іоаннъ *Петрусенко*; сл. Коломака, Валковскаго у. священникъ Василій *Василевскій*; церкви слоб. Печенѣгъ, Волчанскаго у. священникъ, Николай *Ястремскій*; Николаевской г. Чугуова, Зміевскаго у., священникъ Платонъ *Стаховскій*; слоб. Песокъ, Изюмскаго у. священникъ Александръ *Яковлевъ*; церкви села Рай-Александровки, того же уѣзда, священникъ Александръ *Дикаревъ*; церкви слободы Радьковки, Купянскаго у. священникъ Іакѡвъ *Ковалевъ*; церкви села Николаевки, того же у., священникъ Григорій *Сулима*; церкви слоб. Кабанья, того же уѣзда, священникъ Владиміръ *Титовъ*; церкви слоб. Нижней Дуванки, того же уѣзда, священникъ Павелъ *Самойловъ*; церкви села Малыхъ Проходовъ, Харьковского у., священникъ Александръ *Цаеродскій*; церкви сл. Ворожбы, Лебединскаго у. священникъ Іоаннъ *Сапушинъ*; Рождество-Богородичной церкви г. Бѣлополя, Сумскаго у., священникъ Ксенофонтъ *Иларіоновъ*; Старобѣльскаго Скорбященскаго монастыря священникъ Алексій *Любарскій*; церкви села Ново-Боровой, Старобѣльскаго у., священникъ Тимофей *Го-*

миль; церкви слоб. Закотной, того же уѣзда, священникъ Николай *Розовъ*; церкви слоб. Ново-Бѣленьской того же уѣзда, священникъ Павлипъ *Ставровъ*; церкви слоб. Литвиновки, того же уѣзда, священникъ Григорій *Александровъ*; церкви слоб. Денежниковой, того же уѣзда, священникъ Александръ *Торанскій*; помощникъ смотрителя Сумскаго духовнаго училища священникъ Іаковъ *Матусевичъ*; гор. Харькова Каѳедральнаго Успенскаго Собора священникъ Василій *Яновскій*; церкви слоб. Мереры, Харьковскаго у. священникъ Евлампій *Соколовскій*; и церкви слоб. Михайловки, Лебединскаго уѣзда, священникъ Григорій *Полтавцевъ*;

Орденомъ Св. Станислава 3-й ст. столоначальникъ Харьковской Консисторіи титулярный Совѣтникъ Стефанъ *Бутковскій*.

Списокъ священниковъ Харьковской епархіи, награжденныхъ скуфьею и набедренникомъ 30 марта 1908 года.

а) Скуфьею.

Священники церквей: Покровской, сл. Хухры, Ахтырскаго уѣзда, Петръ *Поповъ*, Благовѣщенской. слоб. Тростяница, того же уѣзда, Александръ *Федоровъ*, Рождество Богородичной слоб. Боромли, того же уѣзда, Іоанпъ *Бондиревъ*, Соборной Успенской, города Богодухова, Григорій *Ступницкій*, Николаевской слоб. Большой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда Петръ *Бондановъ*, Архангело-Михайловской, слоб. Мурафы, того же уѣзда, Петръ *Капустянскій*, Троицкой, Богодуховскаго женскаго монастыря Василій *Черкесовъ*, Петро-Павловской, слоб. Петропавловки, Волчанскаго уѣзда Василій *Зубаревъ*, Покровской, слободы Верхней Писаревки, того же уѣзда, Іаковъ *Оульковъ*, Успенской. слободы Заводы, Волчанскаго уѣзда, Пантелѣимовъ *Ладенко*, Николаевской, села Ново-Александровки, того же уѣзда Василій *Сирятскій*, Соборной Троицкой, города Зміева, Павелъ *Феневъ*, Введенской, села Студенка, Изюмскаго уѣзда, Федоръ *Столяревскій*, Троицкой, заштатнаго города Славянска, Изюмскаго уѣзда, Стефанъ *Жуковъ*, Дмитріевской, сл. Золотога Колодезя того же уѣзда Николай *Ковалевскій*, Авлииниской, сл. Некременной, того же уѣзда, Іоанпъ *Иваницкій*, Архангело-Михайловской, села Малаго Исторона, Лебединскаго уѣзда, Петръ *Кузнецовъ*, Успенской, села Пристайлова, того же уѣзда, Александръ *Юшковъ*, Покровской. сл. Межирича, того же уѣзда, Михаилъ *Венеровскій*, Феодоро-Стратилатовской, села Тучнаго, того же уѣзда, Феодоръ *Заводовскій*, Всѣхсвятской, села Вировъ, Сумскаго уѣзда, Ілія *Бойко*, Соборной Покровской, города Старобѣльска, Макарій *Ман-*

тулинъ, Николаевской, сл. Никольской, Старобѣльскаго уѣзда, Гавріиль *Макоровскій*, Дмитріевской, слоб. Святидмитріевки, того же уѣзда, Константинъ *Пантелеимоновъ*, Старобѣльскаго, Сборященскаго женскаго монастыря Іоаннъ *Кисьяновъ*, Благовѣщенской, города Харькова, Иппандръ *Чернелевскій*, Рождество Богородичной, слоб. Черкасскихъ Тишковъ, Харьковскаго уѣзда, Алексѣй *Щепинскій* и Вознесенской, села Яблочнаго, Богодуховскаго уѣзда, Ѳеодоръ *Вергунъ*.

б) *Набедренникомъ.*

Священники цервей: Николаевской, города Ахтырки, Василій *Чегра-новъ*, Николаевской, слободы Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, Павелъ *Жуковскій*, Борисо-Глѣбской, села Ясенка, того же уѣзда, Дмитрій *Ступницкій*, Рождество Богородичной, сл. Бырдиньеръ *Ивановъ*, Богодуховскаго уѣзда, Петръ *Рубинскій*, Успенской, слоб. Хрущевой Никитовки, того же уѣзда, Александръ *Самойловъ*, Покровской, слоб. Пархомовки, того же уѣзда, Григорій *Петровскій*, Успенской, села Камышеватаго, Валковскаго уѣзда, Іоаннъ *Закрицкій*, Троицкой, слоб. Нижняго Бурлучка, Волчанскаго уѣзда, Александръ *Богдановскій*, Іоанно-Богословской, слоб. Средняго Бурлучка, того же уѣзда, Іустинъ *Корньенко*, Рождество Богородичной, слоб. Мартовой, Волчанскаго уѣзда, Владиміръ *Навродскій*, Георгіевской, слоб. Поповки, Изюмскаго уѣзда, Василій *Жуковъ*, Христо-рождественской, слоб. Береки, Зміевскаго уѣзда, Николай *Хижняковъ*, Андреевской, слоб. Сватовой Лучки, Купянскаго уѣзда, Николай *Чернявскій*, Митрофаніевской, слоб. Куземовки, того же уѣзда, Іаковъ *Приходиль*, Іоанно-Предтечевской, слоб. Рябушекъ, Лебединскаго уѣзда, Владиміръ *Чернявскій*, Архангело-Михайловской, слоб. Павловкъ, Сумскаго уѣзда, Николай *Чепуринъ*, Покровской, слоб. Рѣлекъ, того же уѣзда, Сергѣй *Крыжановскій*, Владимірской, села Могрицы, того же уѣзда, Ѳеодилъ *Астремскій*, Успенской, слоб. Бѣлокуракиной, Старобѣльскаго уѣзда, Михаилъ *Ветуховъ*, Успенской, села Заводянки, того же уѣзда, Василій *Бесѣда*, Тихоновской, слоб. Гаусовки, того же уѣзда, Гавріиль *Протопоповъ*, Вознесенской, сл. Богдановки того же уѣзда, Иларіонъ *Полтавцевъ*, Покровской, слоб. Брусовки, того же уѣзда, Ѳеодоръ *Гончаревскій*, Богородичной, слоб. Римаревки, того же уѣзда, Ѳеодоръ *Ветуховъ*, Рождество Богородичной, слоб. Шуликиной, того же уѣзда, Николай *Залужовскій*, Рождество Богородичной, слоб. Смольяниновой, того же уѣзда, Петръ *Поповъ*, Покровской, слоб. Слѣваковки, того же уѣзда, Антоній *Пантелеимоновъ* и іеромонахъ Куряжскаго Спасо-Преображенскаго монастыря *Даниль*.

Отъ Правленія Бузулуко-Тананынскаго общества въдѣнія попечительства о трудовой помощи, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Покорнѣйшее прошеніе на имя Высокопреосвященнаго Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго Арсенія *).

Ваше Высокопреосвященство! Увѣренность въ любви между собой христіанъ, заставляеть насъ и въ настоящемъ году просить Васъ о нашихъ бѣдствующихъ братіяхъ крестьянахъ. Изъ приложенной при семъ книги „по голоднымъ мѣстамъ“ О. Кедрова, лично посѣтившаго нашъ районъ въ прошломъ году, Вы увидите, какъ тяжело жилось крестьянамъ. Не трудно представить невыносимо тяжелое положеніе крестьянина при полномъ неурожаѣ и въ настоящемъ году. Ненасчислимы бѣдствія крестьянина, а помощи нѣтъ. Изъ отчета Вы увидите, что бывшій вѣрующій вспомоществованія голодающимъ, преобразованный теперь въ общество трудовой помощи, рѣшилъ бороться съ періодическими голодовками раціональнымъ путемъ, путемъ насажденія культуры просвѣщенія. Для достиженія этой цѣли нужны годы, а голодь и нужда уже терзають бѣдныхъ нашихъ братьевъ. Нужна скорая помощь. На остатки отъ прошлогодней голодовки нашимъ обществомъ открыты столовыя въ пятнадцати селеніяхъ и денегъ уже нѣтъ. Только впереди ярко свѣтится надежда на помощь добрыхъ людей.

Ваше Высокопреосвященство! не откажите и въ настоящемъ году помочь нашимъ несчастнымъ прихожанамъ. Тяжело имъ. Покорнѣйше просимъ оповѣстить и священниковъ и братію. Пусть мы все соединимся и единодушной помощью поддержимъ нашихъ братьевъ крестьянъ.

Пожертвованія покорнѣйше просимъ направлять по адресу: Самарской губерніи, Бузулускаго уѣзда, Романкинской волости села Семеновки священнику о. Іоанну Уварову.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

1. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Окончившій курсъ въ Духовной Семинаріи Константинъ Землянскій опредѣленъ 6 мая на священническое мѣсто при Дмитріевской церкви, слоб. Шевеловки, Изюмскаго уѣзда.

*) Печатается по распоряженію Епархіальной Власти.

б) Безмѣстный священникъ Поликарпъ *Слюсаревъ* опредѣленъ 6 мая на священническое мѣсто при Преображенской церкви, слоб. Старо-Ивановки, Ахтырскаго уѣзда

в) Заштатный псаломщикъ церкви слоб. Нищеретовой, Старобѣльскаго уѣзда, Михаилъ *Торанскій* опредѣленъ 29 апрѣля на псаломщицкое мѣсто при Вознесенской церкви, села Лызна, того же уѣзда.

г) Крестьянинъ Гаврилъ *Аршава* опредѣленъ 29 апрѣля п. д. псаломщика къ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Мартовой Волчанскаго уѣзда.

д) Безмѣстный псаломщикъ Михаилъ *Краснокутскій* опредѣленъ 29 апрѣля на псаломщицкое мѣсто при Троицкой церкви, с. Протопоповка, Харьковскаго уѣзда.

е) Крестьянинъ Антоній *Бреславецъ* опредѣленъ 29 апрѣля на псаломщицкое мѣсто при Благовѣщенской церкви города Валокъ.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священникъ Преображенской церкви, сл. Старо-Ивановки, Ахтырскаго уѣзда, Илія *Кілювскій* перемѣщенъ 29 апрѣля вторымъ священникомъ въ Троицкой церкви, слоб. Охочей, Зміевскаго уѣзда.

б) Священникъ Рождество Богородичной церкви, слободы Бараньковки, Старобѣльскаго уѣзда, Іоаннъ *Лобковскій* перемѣщенъ 1-го мая на священническое мѣсто при церкви слоб. Демьяновки, того же уѣзда.

в) Священникъ Георгіевской церкви, слободы Ольховатки, Волчанскаго уѣзда, Данилъ *Лукашевъ* перемѣщенъ 2 мая на священническое мѣсто при Покровской церкви, слободы Минковки Валковскаго уѣзда.

г) Священникъ Дмитріевской церкви, слоб. Шевелевка, Изюмскаго уѣзда, Никифоръ *Полянскій* перемѣщенъ 6 мая на первое священническое мѣсто при Іоанно-Предтечевской церкви, слоб. Рябушекъ, Лебединскаго уѣзда.

д) Псаломщикъ Крестовоздвиженской церкви, села Новаго, Валковскаго уѣзда, Феодоръ *Николаевскій* п. д. Вознесенской церкви, слоб. Ново-Ольшаной, Купянскаго уѣзда, Діонисій *Аксененковъ* перемѣщены 25 апрѣля одинъ на мѣсто другого.

е) Псаломщикъ Троицкой церкви, села Василевки, Лебединскаго уѣзда, Алексій *Горанинъ* перемѣщенъ 27 апрѣля, на псаломщицкое мѣсто при Іоанно-Богословской церкви слоб. Большой Чернетчины, Сумскаго уѣзда.

ж) П. д. псаломщика Благовѣщенской церкви, города Валокъ, Матвій *Гребенникъ* перемѣщенъ 29 апрѣля на псаломщицкое мѣсто при Троицкой церкви, сл. Василевки, Лебединскаго уѣзда.

3. Обь увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Всѣхсвятской церкви, слоб. Вировъ, Сумскаго уѣзда, *Ція Бойко* уволенъ 6 мая за штатъ согласно прошенію по болѣзни.

б) Діаконъ-псаломщикъ Крестовоздвиженской церкви, города Изюма, Николай *Семененко* уволенъ согласно прошенію, по болѣзни, за штатъ 28 апрѣля.

в) Псаломщикъ Іоанно-Богословской церкви, слободы Большой Чернетчины, Сумскаго уѣзда, Захарій *Горинъ* уволенъ, согласно прошенію за штатъ 27 апрѣля.

4. О смерти среди духовенства.

Священникъ Троицкой церкви, слободы Охочей, Зміевского уѣзда, Василій *Стенурскій* умеръ 21 апрѣля.

5. Обь утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Троицкой церкви, сл. Качаловка, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 11 апрѣля старостою крестьянинъ Александръ *Солонецкій*.

б) Къ Константино-Еленинской церкви, слоб. Караячной, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 19-го апрѣля старостою крестьянинъ *Феодотъ Тиранухинъ*.

в) Къ Николаевской церкви, слоб. Влѣзокъ, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 21 апрѣля старостою крестьянинъ Иванъ *Цокотыла*.

г) Къ Іоанно-Предтечевской церкви, слоб. Рябушевъ, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 21-го апрѣля старостою почетный гражданинъ Иванъ *Грейсникъ*.

д) Къ Соборной Успенской церкви, города Лебедина утвержденъ 21-го апрѣля старостою кунецъ Николай *Копоненко*.

е) Къ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Великой Камышовохи, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 24 апрѣля старостою крестьянинъ Романъ *Оанжиревскій*.

ж) Къ Рождество Богородичной церкви, слоб. Михайликовки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 24 апрѣля старостою крестьянинъ Семенъ *Сивельевъ*.

з) Къ Рождество Богородичной церкви, слоб. Каплуновка, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 26 апрѣля старостою крестьянинъ Яковъ *Кулишъ*.

и) Къ Рождество Богородичной церкви, города Чугуева, Зміевского уѣзда, утвержденъ 26 апрѣля сего года старостою крестьянинъ Дмитрій *Путиминъ*.

к) Къ Покровской церкви, слоб. Липецъ, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 29 апрѣля старостою крестьянинъ Иванъ *Поддубный*.

6. Объ утвержденіи въ должности законоучителеей.

Священникъ церкви слоб. Христища, Изюмскаго уѣзда, Іоаннъ *Заводскій* утвержденъ 29-го апрѣля законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

7. О присоединеніи къ православію.

Крестьяне слободы Верхне-Салтова, Марина Васильевна *Кравченко*, 27 лѣтъ и Семенъ Игнатьевъ *Галичъ*, 31 года, священникомъ той же слоб. Іоанномъ *Панкратьевымъ* 14 апрѣля сего года присоединены къ православію изъ штундо-толстовской секты.

8. Объ утвержденіи должностныхъ лицъ.

Священникъ Архангело-Михайловской церкви, слободы Мурафы, Богодуховскаго уѣзда, Петръ *Капустянский* назначенъ 28 апрѣля членомъ благочинническаго совѣта 2-го округа того же уѣзда, вмѣсто состоявшаго въ сей должности протоіерея Михаила *Сильванскаго*.

9. Вакантныя мѣста.

а) Священническія.

При Георгіевской церкви, сл. Ольховатки, Волчапскаго уѣзда.
— Всѣхсвятской церкви, слободы Вировъ, Сумскаго уѣзда.

б) Псаломщики.

— При Крестовоздвиженской церкви, города Изюма.

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

Списокъ воспитанниковъ, за коими числятся недоимки за истекающей 1907—1908 учебный годъ.

6 класса.		Р.		Р.	
Дм. Крохатскій	45	М. Нарожный	43		
Н. Крыжановскій	10	Г. Твердохлѣбовъ	25		
5 класса					
Влад. Браиловскій	4				

4 класса.

	Р.		Р.
Ст. Бѣлоусовъ	15	А. Татариновъ	45
А. Жубовскій	24	Д. Трегубовъ	45
Д. Краснокутскій	24	И. Черникинъ	18
В. Павловъ	63	А. Шебатинскій	5
Н. Пошировскій	45	В. Ищенко	30
А. Степурскій	2	М. Дмитріевъ	63

3 нормального.

В. Бородаевъ	5	Н. Оганъ	45
М. Гавриловъ	37	А. Стаховскій	12
В. Коробчанскій	32	П. Торанскій	53 р. 50 к.
Г. Котляревскій	45	С. Якубовичъ	45
Н. Москаленко	24	М. Оедоровъ	45
С. Пивоваровъ	29		

3 параллельнаго.

А. Богачевъ	45	Н. Литкевичъ	24
А. Гораниъ	45	П. Малижоновскій	45
Н. Звѣревъ	45	П. и А. Паикратьевы	48
В. Ильянскій	24	И. Якубовичъ	50

2 нормального.

В. Быковъ	45	М. Платоновъ	45
П. Гавриловъ	30	Гр. Стаховскій	12
А. Грабовскій	45	Н. Головачанскій	9
Н. Никудищевъ	45		

2 параллельнаго.

И. Бараниковъ	10	И. Пасько	45
В. Бородаевъ	45	П. Раевскій	55
А. Любарскій	45	Б. Саяойловъ	13 р. 50 к.
В. Назаревскій	14	И. Сергѣевъ	2
И. Новомірскаго	65	П. Стефановъ	2 р. 50 к.
М. Орловъ	45		

1 нормального.

Н. Артюховскій	55	Вл. Литовченко	20
А. Безугловъ	45	И. Остроуховъ	63
А. Григоровичъ	48	В. Поповъ	45
А. Краснокутскій	25	А. Сталлецкій	45
В. Краснокутскій	60	В. Инноковъ	35

1 параллельнаго.

	Р.		Р.
Евг. Артюховскій	45	И. Кузнецовъ	10
Ө. Бородаевскій.	45	М. Николаевичъ	45
Л. Ведринскій	45	В. Орловъ.	45
Г. Власенко	63	К. Подольскій	45
М. Войтиховъ	20	К. Рубинскій!	19
А. Григоровичъ.	45	А. Семейкинъ.	45
А. Жуковъ	45	И. Сувачевъ	24
П. Капустянскій.	63	Г. Черняевъ	45
В. Краснокутскій	90		

Полуказенные.

6 класса.

Т. Артюховскій	6	С. Ильинскій	6
В. Бѣлгородскій	3	М. Соболевскій	3
Гр. Горанинъ.	6	М. Торанскій	3

5 класса.

Насѣдкинъ С.	9	Өедоровъ Георгій	9
----------------------	---	----------------------------	---

4 класса.

Агнивцевъ	6	Кустовскій Б.	3
Ивановъ	3	Поновъ Дам.	3
Карповъ Т.	6		

3 нормальнаго.

Дьяковъ П.	6	Мухинъ Пав.	9
Ковалевскій В.	9	Өедоровскій Б.	3
Мухинъ М.	9		

3 параллельнаго.

Гилуновъ	9	Пономаревъ	6
Дѣпскій	3	Строевскій.	3
Мигулинъ	3		

2 нормальнаго.

А. Строевскій	3
-------------------------	---

2. параллельнаго.

	Р.		Р.
Ив. Бородаевъ	6	И. Пасько	6
Андрей Любарскій	6	Дм. Чернявскій	6
Г. Любинскій	6		

1 нормальнаго.

1 параллельнаго.

Евл. Федоровъ	6	В. Касьяновъ	6
-------------------------	---	------------------------	---

Лица, не внесшія указанныхъ недомокъ до конца текущаго учебнаго года (до 10 іюня), не будутъ приняты въ семинарское общежитіе въ началъ будущаго учебнаго года.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Въ слободѣ Ворожбѣ, Лебединскаго уѣзда, Харьковской губ., продается старая, деревянная, трехъ-престольная церковь.

За справками обращаться къ церковному старостѣ *Стефану Трофимовичу Босенку*.

II.

Содержаніе. II. Изъ придворныхъ извѣстій.—Изъ практики законоучителя нежской гимназіи. *Законоучителя*.—Церковно-богослужебныя впечатлѣнія. *Ц—ва*.—Миссіонерскій листокъ. На миссіонерскихъ курсахъ у сектантовъ. (Продолженіе).—*Миссіонера Григорія Шалкова*.—Епархіальная хроника.—Архіерейскія богослуженія.—Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковской Духовной Семинаріи.—Памяти незабвеннаго товарища—сослуживца Петра Алексѣевича Торанскаго, къ годовщинѣ его кончины (Окончаніе).—Иноепархіальный отдѣлъ.—По вопросу опубличныхъ бесѣдахъ съ сектантами.—Разныя извѣстія и замѣтки.—О должности воспитателей въ духовныхъ семинаріяхъ.—Объ итальянскихъ масонахъ.—Объявленія.

ИЗЪ ПРИДВОРНЫХЪ ИЗВѢСТІЙ.

28-го апрѣля ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Владиміръ Александровичъ и Великая Княгиня Марія Павловна принимали въ своемъ дворцѣ членовъ Святѣйшаго Синода Высокопреосвященныхъ Митрополитовъ: Антонія С.-Петербургскаго, Владиміра Московскаго и Флавіана Кіевскаго, приносившихъ отъ Святѣйшаго Синода поздравленіе Великой Княгини по случаю присоединенія ея къ православной церкви,

причемъ отъ Святѣйшаго Синода въ благословеніе Ея Высочеству была принесена святая икона Пресвятой Богородицы, вручая которую с.-петербургскій Митрополитъ Антоній сказалъ слѣдующее привѣтствіе:

„Ваше Императорское Высочество!

Святѣйшій Синодъ съ свѣтлымъ чувствомъ радости привѣтствуетъ Васъ нынѣ, какъ члена православной церкви Христовой. Столь знаменательное для нашего времени событіе, какъ присоединеніе Вашего Высочества къ церкви православной, есть событіе радостное не для церкви только, но и для всего русскаго православнаго народа. Въ настоящее время въ отношеніи къ вѣрѣ господствуютъ то безразличіе, то равнодушіе, то и совершенное отрицаніе. Но тѣмъ съ большею силою отмѣчается для нашего сознанія проявленіе истинной религіозной настроенности и глубокаго убѣжденія въ дѣлахъ вѣры. Вѣра не есть только убѣжденіе ума. Она есть преимущественно жизнь души, драгоценное сокровище сердца. Такою именно вѣра оказалась въ лицѣ Вашего Высочества. Никакихъ внѣшнихъ побужденій присоединиться къ православной церкви для Васъ не было. Ваше рѣшеніе зрѣло въ тайникахъ вашего христіанскаго сердца незримо для людей, но зримо для Бога, и созрѣло Божіею благодатію въ твердое и непоколебимое убѣжденіе. Вѣра есть жизнь души. Ставши православною, Вы окончательно слились, сроднились съ душою православнаго русскаго народа. Въ этомъ наша всеобщая радость. Въ выраженіе таковой радости и свѣтлыхъ молитвенныхъ Вамъ пожеланій Святѣйшій Синодъ благословляетъ Васъ сею святою иконою Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ“.

ИЗЪ ПРАКТИКИ ЗАКОНОУЧИТЕЛЯ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗІИ.

Обыкновенно ученики, или ученицы, если недостаточно подготовились къ заданному уроку, или по какой-либо другой причинѣ не желаютъ, чтобы учитель занимался спрашиваніемъ урока, прибѣгаютъ къ такой уловкѣ: заранее придумываютъ какой-либо недоумѣнный вопросъ, съ которымъ и об-

рацаются къ преподавателю, какъ только онъ войдетъ въ классъ. Стараются при этомъ придумать такую тему, на которую преподаватель охотно сталъ бы бесѣдовать, и которая могла бы отнять у него побольше времени, обыкновенно употребляемаго на спрашиваніе урока. Большею частію это продѣлывается не такъ ужъ хитро, чтобы не замѣтить уловки. Но иногда, право, жаль бываетъ разочаровывать бѣдняжекъ... Ну, и идешь на уступки: начинаешь вмѣсто спрашиванія бесѣдовать по какому-либо вопросу, близко стоящему къ уроку, или по крайней мѣрѣ, къ преподаваемому предмету.

На дняхъ вхожу въ одинъ изъ старшихъ классовъ гимназіи, въ которой состою законоучителемъ. По прочтеніи молитвы предъ урокомъ, раскрываю журналъ, отмѣчаю отсутствующихъ.

— Батюшка, не спрашивайте сегодня насъ, нерѣшительно заявляютъ двѣ — три воспитанницы.

Дѣлаю видъ, что не слышу.

— Батюшка, пожалуйста не спрашивайте, слышится въ другомъ углу. Не спрашивайте, не спрашивайте... Количество голосовъ увеличивается.

— Что такъ? Почему вы сегодня не расположены отвѣчать?

— Сегодня у насъ письменная алгебра. Нужно было страшно много заниматься вчера.

— Ахъ, эта алгебра! Ужъ сколько разъ она мѣшала намъ!

— Не спрашивайте! Умоляемъ васъ.

— Но что же мы цѣлый часъ будемъ дѣлать?

— Побесѣдуемъ о чемъ-нибудь.

— Ну, на примѣръ?

Очевидно, дѣвицы уже заранѣе предвидѣли возможность такого исхода, почему и запаслись не одной, а нѣсколькими темами для бесѣды.

— Расскажите о Толстомъ. Нѣтъ, лучше о Ренанѣ. Нѣтъ, нѣтъ, о Достоевскомъ, о „Братьяхъ Карамазовыхъ“.

— О свободной любви, нерѣшительно заявляетъ чей-то одинокій голосъ.

— Вотъ сколько темъ вы призапасли! Ну, тѣмъ лучше: у меня, такимъ образомъ, есть большой выборъ. И знаете, на

чемъ я останавливаюсь? Я беру именно послѣднюю тему. Я хочу говорить о свободной любви.

Ученицы недоумѣваютъ, серьезно ли я говорю это, или шутя.

— Вы, Софья Петровна, ничего противъ этого не имѣете, шутя обращаюсь къ классной дамѣ.

— Пожалуйста.

— Ну, вотъ и отлично. Итакъ рѣчь о свободной любви.

Дѣвицы насторожились. Повидимому, и классная дама въ нѣкоторомъ смущеніи.

Свободная любовь—это... гм... вотъ я и не знаю, какъ опредѣлить, что такое свободная любовь... Знаете, что мы сдѣлаемъ? Давайте опредѣлимъ, что такое несвободная любовь, т. е., опредѣлимъ противоположное понятіе. Тогда мы этимъ самымъ уяснимъ себѣ данное понятіе. Итакъ, что такое несвободная любовь? Ну, кто желаетъ отвѣтить на этотъ вопросъ?

Встаетъ одна изъ воспитанницъ — дѣвица съ убѣжденіями довольно либеральнаго характера.

— Несвободная любовь—это... Да вотъ напр. какой-нибудь Китъ Китычъ и его законная супруга, всегда трепещущая, не смѣющая пикнуть, сказать что-либо наперекоръ своему господину, своему грозному супругу, страдающая отъ его грозныхъ окриковъ, а то и отъ побоевъ. Это примѣръ любви несвободной, примѣръ, какихъ много; почти всѣ законные браки построены на такой именно любви, любви несвободной, а обязательной, предписываемой закономъ.

— Позвольте. У насъ съ вами маленькое недоразумѣніе. Или я васъ не понимаю, или вы меня не поняли. Вы хотѣли указать примѣръ любви, несвободной, а все-же любви. А въ вашемъ примѣрѣ я вижу тирана мужа и его трепещущую супругу, вижу съ одной стороны самодурство, жестокость, издѣвательство, съ другой стороны рабскій страхъ, запуганность, забитость. Вотъ что я вижу. А любовь? Гдѣ же она, любовь то, хотя и несвободная? Вѣдь любви же тутъ нѣтъ. Такъ что вы выбрали неподходящій примѣръ. Поищите другого примѣра.

Молчаніе.

— Вы затрудняетесь? Я этому не удивляюсь. Я даже утвер-

жду, что вы такого примѣра не найдете, не укажете. Знаете ли, почему? Да по той простой причинѣ, что несвободной любви и быть не можетъ, точно такъ же, какъ не можетъ быть свѣтлой тьмы, холодной теплоты, горячаго льда и т. п. Если вы и встрѣтите что-либо подобное, то развѣ только у поэтовъ-декадентовъ. Любовь по самому существу своему можетъ быть только свободной. Любовь—это вѣдь наше внутреннее душевное состояніе, душевное движеніе, чувствованіе, которое не подчиняется какимъ-либо внѣшнимъ приказаніямъ, запрещеніямъ, угрозамъ и т. п. Не такъ ли? Да, вы не можете, съ этимъ не согласиться. Вы должны согласиться, что несвободной любви не бываетъ и быть не можетъ, а любовь можетъ быть только свободная.

— А какъ же въ бракѣ-то любовь предписывается; супруги обязаны любить другъ друга, хотя бы и не хотѣлось имъ этого. Развѣ такая любовь будетъ свободною?

Если бы вы не поставили мнѣ этого вопроса, я бы самъ его поставилъ и отвѣтилъ бы на него. Но чтобы обстоятельно отвѣтить на поставленный вопросъ, я долженъ коснуться одной очень серьезной, философской темы, я долженъ затронуть вопросъ о свободѣ воли. Думаю, что сумѣю въ этомъ случаѣ говорить общедоступнымъ языкомъ, хотя не ручаюсь, чтобы мои разсужденія были для всѣхъ интересными; кому-нибудь, быть можетъ, придется поскучать.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы будемъ внимательно слушать.

— Хорошо. Постарайтесь. Итакъ я приступаю.

Вы, вѣроятно, слышали, что есть ученые, философы, которые свободу воли въ человѣкѣ отрицаютъ. Всѣ наши дѣйствія, говорятъ они, всѣ наши поступки, наше поведеніе съ необходимостію вытекаютъ изъ предшествующихъ причинъ, которыя вполне обуславливаютъ все наше поведеніе. Безъ причинъ не бываетъ дѣйствія. Законъ этотъ применимъ, какъ къ явленіямъ физической природы, такъ и къ явленіямъ міра духовнаго. На наши поступки, на наше поведеніе вліяютъ, какъ внѣшнія причины, такъ и внѣшнія обстоятельства: общество, воспитаніе, наслѣдственность, матеріальныя условія жизни и проч.; такъ и наши внутреннія, душевныя движенія, душевныя со-

стоянія: наши понятія, взгляды, вѣрованія, характеръ и т. п. Что внѣшнія обстоятельства очень сильно, иногда почти неотразимо вліяютъ на наши поступки, въ этомъ, я полагаю, никто изъ васъ не сомнѣвается; вы не затруднитесь изъ собственной практики привести достаточно примѣровъ этого вліянія. Точно также вы не будете спорить и противъ того, что и внутренній нашъ міръ, нашъ характеръ неизбежно отражается на нашихъ поступкахъ. Поэтому-то, зная характеръ той или другой личности, мы почти всегда можемъ напередъ сказать, какъ она поступитъ въ томъ или другомъ случаѣ. Мы знаемъ, что Плюшкинъ не запишетъ крупной суммы въ пользу голодающихъ; знаемъ, что Чацкій не станетъ лгать и унижаться предъ знатной особой, хотя бы отъ этого зависѣло благополучіе всей его жизни; мы знаемъ, что жена Городничаго Анна Андреевна ни за что не рѣшилась бы показаться предъ столичнымъ франтомъ въ какомъ-либо домашнемъ костюмѣ. Поступки человѣка вытекаютъ изъ свойствъ его характера и не могутъ стоять въ противорѣчій съ этими свойствами. А если такъ, то гдѣ же наша свобода? Свобода воли? Свобода поступковъ? Вѣдь не забудьте, что и характеръ нашъ является результатомъ многихъ и многихъ условій, отъ насъ независимыхъ! Выходитъ, стало быть, что мы вовсе не свободны, что поступки наши—нѣчто вытекающее изъ предшествующихъ причинъ, нѣчто вынужденное. Не такъ ли?

— Да, какъ будто..

— Итакъ, свободы воли мы не имѣемъ?

— Гм... Какъ же такъ?

к.— Да, вотъ именно, какъ же такъ?... Логически мы приходимъ къ выводу, что свободы воли нѣтъ, что все наше поведеніе вытекаетъ съ необходимостію изъ предшествующихъ причинъ, что оно не можетъ быть инымъ, чѣмъ каково въ дѣйствительности. Это говоритъ логика. А съ другой стороны, что-то такое въ глубинѣ нашей души протестуетъ противъ такого логическаго вывода, что-то заставляетъ насъ вѣрить въ свободу, которую логика отрицаетъ. Не смотря на логику, мы не можемъ побороть въ себѣ увѣренности, что мы все-таки свободны въ своихъ дѣйствіяхъ, въ своихъ поступкахъ. И

вотъ эта-то увѣренность, это сознаніе, что мы *можемъ*, что мы *въ состояніи* дѣлать *выборъ* между мотивами и побужденіями, что мы *въ состояніи* давать предпочтеніе однимъ и устранять другіе мотивы, *усиліе*, которое мы при этомъ производимъ надъ собою,—въ этомъ-то и заключается характерный признакъ свободы воли. Свободу воли нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что наши поступки, наше поведеніе рѣшительно ничѣмъ не обуславливаются, не зависятъ даже отъ нашего характера, т. е., отъ насъ самихъ. Нѣтъ, такой безусловной свободы мы не можемъ допустить. Человѣкъ свободенъ не безусловно, а лишь относительно. Свободными поступками можно назвать такіе, которые соотвѣтствуютъ нашему характеру и именно лучшимъ сторонамъ нашего характера, нашей личности, нашего „я“.

Можно различать нѣсколько степеней свободы нашихъ поступковъ. Наименше свободы тамъ, гдѣ человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ какого-либо аффекта, страсти: напр., вспышки гнѣва, ненависти, злобы. Болѣе свободны тѣ наши поступки, которые вытекаютъ изъ основныхъ и постоянныхъ свойствъ нашего характера. Еще болѣе свободенъ человѣкъ тогда, когда свои желанія, рѣшенія, поступки добровольно подчиняетъ нравственному закону, когда онъ дѣлаетъ не то, что ему хочется, что ему пріятно, что ему выгодно, а то, что предписываетъ ему нравственный долгъ. Мы не говоримъ о внѣшнихъ стимулахъ нашего поведенія, потому что всякій внѣшній стимулъ, внѣшній толчекъ, прежде чѣмъ отразится на нашемъ поведеніи, долженъ быть поставленъ въ ряду другихъ внутреннихъ мотивовъ, долженъ выдержать иногда борьбу съ ними и только тогда, т. е., ставши внутреннимъ мотивомъ, можетъ оказать вліяніе на наше поведеніе. Такъ что, строго говоря, поведеніе наше обуславливается только внутренними мотивами.

Теперь, принявъ во вниманіе то, что я только что сказалъ, сравните двухъ лицъ: Ивана Васильевича Грознаго и митрополита Филиппа и скажите, кто изъ нихъ болѣе свободенъ. Первый, не смотря на то, что былъ неограниченнымъ властелиномъ обширнаго царства, не смотря на то, что воля его

почти не знала внѣшнихъ препятствій, насколько это возможно для человѣка, не смотря на это, былъ рабомъ своихъ страстей, рабомъ своей подозрительности и жестокости. Второй, будучи лишень сана, лишень внѣшней свободы, томился въ заключеніи, не смотря на это былъ гораздо болѣе свободенъ, нравственно свободенъ, ибо онъ добровольно избралъ страданія, чтобы не измѣнить нравственному долгу. Не много нужно было Филиппу, чтобы заслужить милость царя и оставаться на митрополичьемъ престолѣ. Но покупать себѣ свободу и по чести цѣной измѣны нравственному долгу онъ не захотѣлъ. Вотъ въ чемъ истинная свобода, свобода нравственная.

Послѣ этихъ общихъ разсужденій перейдемъ къ нашему вопросу—къ вопросу объ обязательной взаимной любви супруговъ. Позвольте напомнить вамъ сцену изъ „Евгенія Онѣгина“, сцену, гдѣ Татьяна отвѣчаетъ на запоздалыя ухаживанія довеласа. „Я васъ люблю (къ чему лукавить), говоритъ Татьяна Онѣгину, но я другому отдана—я буду вѣкъ ему вѣрна“. Вотъ одинъ примѣръ. Позвольте рядомъ поставить другой. „Анна Каренина“ бросаетъ мужа и дѣтей, не будучи въ состояніи противостоятъ страстной любви къ Вронскому. Какъ вы полагаете: кто изъ этихъ двухъ—Татьяна, или Анна Каренина—обладаетъ большей свободой? Татьяна еще любитъ Онѣгина и могла бы быть, заглушая или вытравляя чувство долга, счастлива съ нимъ, но она добровольно отвергаетъ это счастье, такъ какъ не хочетъ измѣнить долгу. Анна Каренина не имѣла силъ бороться со страстью, стала ея рабой. Полагаю, что отвѣтъ на поставленный вопросъ ясенъ: Татьяна болѣе свободна: и свобода ея въ томъ, что она захотѣла и смогла подчинить себя нравственному долгу. Согласны вы со мной?

— Да, да, согласны.

— Я очень радъ, что вы раздѣляете мое мнѣніе. Пожелаю и вамъ, чтобы и вы были свободны въ этомъ лучшемъ смыслѣ слова. Ну, а урокъ сегодня все-таки пропалъ у насъ. Не хорошо это. Надѣюсь, впрочемъ, что къ слѣдующему дню вы его приготовите возможно лучше, сдѣлаете надъ собой усиліе, заставите себя выполнить свой долгъ. Этимъ вы докажете, что

вы свободныя, нравственно-свободныя личности. Постараетесь доказать это?

— Непремѣнно, неперемѣнно!

Законоучитель.

ЦЕРКОВНО-БОГОСЛУЖЕБНЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Давно я собирался послушать Благовѣщенскій церковный хоръ пѣвчихъ въ новомъ его составѣ и подъ управленіемъ извѣстнаго въ Харьковѣ организатора церковныхъ хоровъ и композитора М. М. Новикова. Вмѣстѣ съ этимъ, хотѣлось—и вообще—снова и снова побывать въ прекрасномъ Благовѣщенскомъ храмѣ, забыться отъ обычной сутолоки подъ его благолѣпными сводами, въ сферѣ святыхъ и чистыхъ богослужебныхъ впечатлѣній, и именно въ храмѣ Благовѣщенскомъ, съ его замѣчательною, не лишенною художественности обстановкою, съ его мощнымъ и дорого стоящимъ хоромъ. Объ этомъ такъ много приходилось мнѣ слышать!..

Такая возможность представилась мнѣ 2 декабря, минувшаго года, во время всенощной службы. Объ архитектурѣ Харьковской Благовѣщенской церкви и ея художественной живописи, о стилѣ той и другой писалось много въ нашей Харьковской прессѣ. Объ этомъ я не буду говорить. Мнѣ хотѣлось бы лишь подѣлиться впечатлѣніями чисто богослужебными въ этомъ храмѣ. Начну—съ хора, о которомъ много говорятъ, изъ—за котораго больше всего и ходятъ теперь въ Благовѣщенскую церковь. Хоръ, дѣйствительно, мощный—до 50 человекъ пѣвцовъ, съ лучшими въ Харьковѣ голосами, въ рукахъ опытнаго и увѣреннаго въ себѣ регента. Говорятъ, что содержаніе хора, по крайней мѣрѣ, при прежнемъ старостѣ А. И. Жмудскомъ, стоило до 9—10 тысячъ—сумма большая для Харькова, составляющая, при современномъ упадкѣ напр. истинно-христіанской благотворительности, почти невозможную нынѣ роскошь. Есть голоса, коимъ платится по 100 руб. въ мѣсяцъ!.. Но пріятную, и отличительную черту хоръ Благовѣщенскій имѣетъ въ томъ, что обходится вовсе безъ женскихъ голосовъ—этой современной моды нашихъ церковныхъ хоровъ,

правда—очень практичной и удобной для регентовъ (устойчивость голосовъ, сознательность и осмысленность женскаго пѣнія сравнительно съ мальчиками), но совершенно, по нашему мнѣнію, не идущей къ строгому церковному пѣнію, ни по тембру, ни по характеру женскихъ голосовъ. Чистые, хорошо обработанные и безстрастные голоса мальчиковъ въ церковномъ хорѣ всегда произведутъ болѣе сильное впечатлѣніе на любителя строго-церковнаго стиля... Благовѣщенскій хоръ поетъ дружно, ровно, выдержанно и мощно. Видна, какъ сказано выше, опытная и строгая обработка хора на репетиціяхъ. Къ сожалѣнію, не пришлось попасть на начало службы, послушать 103 псаломъ („Благослови душе моя Господа“) и потому начну съ „Блаженъ мужъ“—перваго, затѣмъ, по порядку пѣснопѣнія, на которомъ можетъ „развернуться“ каждый хоръ. Исполнено было „Блаженъ мужъ“ Чайковскаго; исполнено художественно и очень стройно, но ужъ слишкомъ *pianissimo*, совершенно несоотвѣтственно ни съ характеромъ, ни, какъ намъ кажется, съ замысломъ автора этой оригинальной композиціи: зная въ деталяхъ каждый аккордъ ея, я, стоя невдалекѣ отъ хора, съ трудомъ улавливалъ ихъ связь и теченіе; что же сказать о рядовой массѣ молящихся?—Особенно же неприятель былъ необычайно рѣзкій переходъ на послѣднемъ *allegro* отъ глубокаго *pianissimo* къ сильному *forte*, граничившему съ крикомъ. Регентъ церковнаго хора, по моему мнѣнію, никогда не долженъ забывать, что даже въ *свѣтскомъ*, истинно-художественномъ пѣніи и музыкѣ рѣдко допустимы столь рѣзкіе контрасты при томъ—лишь для выраженія напр. порывовъ чувства, разбушевавшихся стихій и проч., и что храмъ, какимъ бы дорогимъ и мощнымъ ни обладалъ хоромъ, долженъ быть всегда *домомъ молитвы*, гдѣ все должно быть *благообразно и по чину* (1 Кор. 14, 40).

Изъ другихъ произведеній „всенощнаго бдѣнія“ Чайковскаго было исполнено „Благословенъ еси Господи“—истинный перлъ въ ряду другихъ церковныхъ пѣснопѣній этого композитора, по строгости діатоническаго стиля этой композиціи и по церковно-старинному ея характеру; но, къ сожалѣнію, было исполнено не въ цѣломъ видѣ и слишкомъ торопливо; регентъ,

растянувъ предъ этимъ старинную, никогда не умирающую и—правда—прекрасно испытанную мелодію стиховъ „Хвалите имя Господне“ въ переложеніи Львова, какъ бы боялся утратить лишнюю минуту при видѣ оканчивавшаго каженіе священника и совершенно скомкаль побѣдные, глубоко радостные и захватывающіе духъ христіанина воскресные тропари, при томъ—столь геніальной композиціи...

Изъ другихъ пѣснопѣній хорошо были исполнены „Свѣте тихій“, „Нынѣ отпущаеши“ и „Богородице Дѣво“ изъ „всенощнаго бдѣнія“ Архангельскаго, написанныя музыкально, пріятно звучащія, но—въ обычномъ, господствующемъ и по-нынѣ „мелодическомъ“ стилѣ. Тѣмъ не менѣе, произведенія этого композитора, мнѣ кажется, слѣдуетъ почаще исполнять, по ихъ доступности даже для небольшихъ хоровыхъ силъ, и по отсутствію въ нихъ кричащихъ и безвкусныхъ музыкальныхъ эффектовъ. Это—конечно—въ томъ случаѣ, когда, вообще, отсутствуетъ строго обиходное пѣніе и хоръ, по нынѣшнему обыкновенію, едвали вполнѣ одобрительному, гоняется за благозвучными, эффектными мелодіями... Всѣ остальные пѣснопѣнія „всенощной“ были исполнены по обиходу Бахметева, напр. тропарь на „Богъ Господь“, ирмосы, „Господи возвахъ“ съ запѣвами и догматикомъ,—последніе, очевидно, вовсе не поются, хотя бы упрощеннаго, знаменнаго роспѣва. Великое славословіе было исполнено обычнымъ Харьковскимъ роспѣвомъ, на манеръ роспѣва изъ обихода Московскаго, непріятнымъ и торопливымъ читкомъ. Конечно, исполненіе „славословія“ въ прекрасной композиціи Архангельскаго составляетъ, такъ сказать, роскошь церковнаго пѣнія и, очевидно, приберегается регентами для праздничныхъ службъ; оригинальной же и безподобнѣйшей по строго-восточному церковному стилю композиціи Чайковскаго мнѣ въ Харьковѣ и вовсе не приходилось слышать (особенно поразительно по своей конструкціи „Святый Боже“); но слѣдовало бы столь солиднымъ хорамъ, какъ Благовѣщенскій, пѣть всегда великое славословіе (не даромъ же оно и называется *великимъ*; греки поютъ его всегда всею церковію...), по крайней мѣрѣ, такъ—называемаго *Кіевскаго* роспѣва, очень умилительнаго и доступнаго даже

рядовымъ пѣвцамъ, при томъ—не отнимающаго ни іоты лишняго времени.—Изъ остальныхъ пѣснопѣній слѣдуетъ отмѣтить еще „Подай Господи“—очень простое по конструкціи, но оригинальное и совершенно совпадающее въ мелодіи съ главнымъ акцентомъ этого прошенія („Подай Господи“). Къ сожалѣнію, прокимны: великій („Господь воцарися“) и воскресный были исполнены читкомъ, а антифоны на утрени вовсе были опущены. Неприятную также сторону чисто—внѣшней обстановки богослуженія составляетъ безцеремонное перебиваніе пѣвчими чтеца на полусловѣ въ каѳизмахъ и канонѣ и даже пѣвіе „Господи помилуй“ изъ малой эктении безъ возглашенія діакона. Неужели это явное нарушеніе богослужебнаго благоприличія составляетъ привилегію патентованныхъ регентовъ, не признающихъ надъ собою, кромѣ старосты, никакого другого начальства?...

Все же, за исключеніемъ указанныхъ дефектовъ, присущихъ гораздо въ большей степени регентамъ другихъ Харьковскихъ приходскихъ церквей и высказываемыхъ мною не для осужденія почтеннѣйшаго М. М. Новикова, а по принципу: „кому больше дано, съ того больше хочется и взыскать“,—Благовѣщенскій хоръ можно слушать съ большимъ художественнымъ наслажденіемъ, и онъ составляетъ хорошее украшеніе хорошаго и благолѣпнаго храма. Нельзя, конечно, здѣсь не выразить общей скорби объ утратѣ нами древне-христіанскаго идеала церковнаго пѣнія и о слишкомъ большомъ нашемъ удаленіи даже отъ старинныхъ образцовъ нашего русскаго обиходнаго пѣнія. Мы, конечно, и представить теперь себѣ не можемъ, что пѣніе въ храмахъ, по своей идеѣ, является не самодовлѣющею силою, не цѣлію самой по себѣ, а только *средствомъ* дать возможность участвовать въ общей молитвѣ наибольшему количеству молящихся; что пѣніе въ древне-христіанскихъ общинахъ было самымъ простымъ, граничившимъ съ речитативнымъ чтеніемъ, въ которомъ умѣли участвовать *все* христіане. О св. Афанасіи Александрійскомъ нѣкій христіанскій историкъ свидѣтельствуетъ, что онъ своего пѣвца такъ настроилъ (обучилъ), что этотъ больше читалъ, чѣмъ пѣлъ... Конечно, по мѣрѣ образованія литургическихъ формъ и усво-

енія христіанствомъ присущей чистому человѣческому духу богослужебной эстетики, примитивныя древнія мелодіи должны были развиться въ болѣе сложныя и пѣвучія; но уже въ древности безконечное ихъ развитіе было строго унормировано осьмогласіемъ, а у насъ—на Руси вылилось въ большіе и малые знаменныя распѣвы. Эти распѣвы составляютъ неопцѣнимое и неисчерпаемое сокровище народнаго религіозно-богослужебнаго творчества и потому такъ цѣнны, доступны и дороги чистому, неиспорченному религіозному чувству. И замѣчательно: народъ ходитъ въ наши храмы, подобныя Благовѣщенскому, въ громадной массѣ *слушать* хоры, но не молиться, и это слишкомъ рѣзко бросается въ глаза каждому наблюдающему: взоры всѣхъ устремлены на пѣвчихъ!... Между тѣмъ, въ нашихъ монастыряхъ народъ еще умѣетъ молиться и выставляетъ продолжительныя и „монотонныя“ службы. Поэтому, дабы народъ питать духовно, а не чесать его слуха, крѣпко намъ всѣмъ нужно задуматься надъ кореннымъ преобразованіемъ нашего богослужебнаго пѣнія и надъ приближеніемъ его къ древне-христіанскимъ идеаламъ. *Дніе сей часъ мучивы суть*, и нѣтъ конца тому упадку христіанскаго духа, религіозности, коимъ омрачены наши несчастныя дни, и не внѣшними, кричащими богослужебными эффе́ктами удастся ихъ возстановить. Пусть о.о. настоятели и г.г. церковныя старосты не забываютъ, что безъ возстановленія строго церковнаго духа и въ жизни, и въ богослуженіи, народъ, можно думать, скоро забудетъ историческій характеръ своихъ богослужебныхъ дѣйствій и смѣшаетъ ихъ съ театральными эффе́ктами и выступленіями, вовсе не молитвеннаго характера. Не даромъ же пасторы въ Англіи и въ Америкѣ принуждены теперь для привлеченія посѣтителей въ свои кирки измышлять различныя преміи, включительно до раздачи табаку въ церквахъ.. Мы уже не говоримъ о томъ, что десятитысячная трата церковной копѣйки на предметъ, который должны бы обслуживать, такъ сказать, сами молящіеся, участвуя непосредственно въ богослуженіи общимъ пѣніемъ, при современныхъ открывающихся нуждахъ Церкви и государства, составляетъ роскошь едва ли позволительную.

Но довольно о хорѣ. Хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ и о другихъ исполнителяхъ богослуженія въ Благовѣщенской церкви. „Служилъ всенощную“ молодой священникъ—внятно, громко, благоговѣнно. Для столь обширнаго храма такой священнослужитель является необходимымъ. Воскресное евангеліе прочиталъ громко, и кто знаетъ его даже по буквѣ, тому—конечно—не трудно было уловить всѣ его слова; девять же десятыхъ этого прекраснаго и внятнаго чтенія уходили въ переднее пространство алтарей. А остальные, рядовые и даже неграмотные молящіеся? Жаль ихъ и за нихъ! сколько у нихъ еще крѣпкой вѣры и терпѣнія при невозможности слѣдить за всѣми словами нашего богослуженія! Почему бы, напр., не завести,—конечно, съ надлежащаго разрѣшенія, порядка читать воскресныя евангелія—эти радостныя и основныя въ нашей вѣрѣ благовѣствованія (I Кор. 15, 16—18)—на срединѣ храма? Едвали это является отступленіемъ отъ догмы. Вѣдь, читаютъ же евангеліе въ великіе праздники на срединѣ, и получается совсѣмъ иная обстановка при взглядѣ на напряженно слушающихъ молящихся! Думаю, читатель, то же произошло бы, если бы батюшка вышелъ на амвонъ, да обратился бы для чтенія св. Евангелія прямо къ народу,—точь въ точь, какъ читается оно почему-то только на вечернѣ въ первый день св. Пасхи, да по мѣстамъ въ первые дни страстной седмицы на утрени,—вѣдь благодарности и умиленія молящихся это нисколько не уменьшило бы. А, вѣдь, у грековъ (въ Константинополь, Малой Азій, въ Палестинѣ и др.) евангеліе читается и діаконами и священниками, высочайшимъ гласомъ, обратясь къ народу, для чего у нихъ устраивается особая возвышенная каеэдра сбоку царскихъ вратъ...

Хотѣлось бы кое что сказать и въ отношеніи нашихъ о.о. діаконѣвъ и чтецовъ. Діаконъ въ Благовѣщенской церкви—съ хорошимъ голосомъ и служитъ внятно, но—къ сожалѣнію—и самъ такъ быстро начинаетъ каждое прошеніе въ эктеніяхъ, и пѣвчіе такъ сильно растягиваютъ каждое „Господи помилуй“, что до меня, на средину церкви, долетали одни только концы прошеній—„Господу помолимся“. Особенно же некрасива манера о. діакона, присущая громадному большинству

нашихъ о.о. діаконовъ, не осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ за каждымъ прошеніемъ эктеніи, а лишь *въ концѣ* ектеніи. Къ чему тогда возгласы „Господу помолимся“?—Къ чему орарь давъ діакону—этотъ священный платъ для возношенія и начатія общихъ моленій? и какъ тогда требовать крестныхъ знаменій при его возгласахъ отъ молящихся? И вотъ стоитъ народъ въ небреженіи и разсѣяніи. Повѣрьте, что за благоговѣйнымъ о. діакономъ, осѣняющимъ себя крестнымъ знаменіемъ при каждомъ возглашеніи, невольно и народъ молится и знаетъ, когда ему нужно возлагать на себя крестное знаменіе!

Чтеніе въ Благовѣщенской церкви, какъ и въ большинствѣ нашихъ Харьковскихъ церквей, едва ли поставлено вполне удовлетворительно. Хотя чтець читалъ въ Благовѣщенскомъ храмѣ хорошо, но едва ли его могли все слышать. Я на-память знаю шестопсалміе и другія неизмѣняемыя части чтенія, совершенно хорошо знаю содержаніе каноновъ и стихирь, но изъ шестопсалмія и каеизмъ я едва улавливалъ десятое слово, а изъ канона—почти ничего. Почему же? Да потому, что чтець стоялъ на лѣвомъ клиросѣ, за громаднымъ столбомъ—колонною, и его, при всемъ его важномъ и толковомъ чтеніи съ трудомъ можно было слышать за два шага въ сторону. И такъ бываетъ почти повсемѣстно! Неужели же нельзя усвоить себѣ простѣйшаго способа, практикуемаго кое-гдѣ и у насъ въ Харьковѣ, ставить чтеца въ воскресные и праздничные дни *на среднѣ храма*, откуда его слышала бы по крайней мѣрѣ половина, если не все молящіяся? Не удивительно, если на чтеніе у насъ въ церкви смотрятъ, какъ на нѣчто второстепенное, дополнительное и даже имѣющее значеніе, какъ меня увѣрялъ совершенно серьезно одинъ регентъ, лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы дать время пѣвчимъ духъ персвести... Не удивительно поэтому что изъ всего чтенія на всенощной въ Благовѣщенской церкви было прочтано въ полномъ составѣ одно лишь шестопсалміе; въ каеизмахъ чтець только лишь *пытался* начинать псаломъ, какъ пѣвчіе почти непрерывно продолжали пѣть „и пыпѣ... аллилуіа“; въ канонѣ тѣ же пѣвчіе давали читать лишь по одному только тропарю,

а изъ канона рядовому святому я даже не слышалъ запѣва, изъ стихиръ же, сѣдальныхъ и пр. я не слышалъ ни одной.

Между тѣмъ, служба длилась ровно *два часа*. Чѣмъ все это объяснить? Растягиваніемъ пѣнія насчетъ чтенія, въ той—конечно—мысли, что въ столь любимомъ, изысканномъ пѣніи заключается вся суть богослуженія. Но это ошибочно. Церковное чтеніе, будь оно поставлено умѣло и надлежаще, произведетъ не менѣе глубокое религіозное впечатлѣніе, какъ и истинно-церковное пѣніе и вся вообще совокупность благолѣпной службы.

Таковы наши личные впечатлѣнія отъ церковнаго пѣнія въ прекрасномъ Благовѣщенскомъ храмѣ. Да не подумаетъ однакоже читатель, что мы идемъ противъ стройнаго и благообразнаго хорового пѣнія, столь любимаго и столь привлекательнаго въ нашихъ мѣстностяхъ. Малороссы вообще любятъ хоровое пѣніе и Малороссію давно уже называютъ въ этомъ отношеніи второю Италіею. Мы идемъ только противъ преобладающаго значенія хорового пѣнія—новаго и необычнаго для прихожанъ—надъ молитвеннымъ содержаніемъ нашихъ неподобныхъ богослужебныхъ дѣйствій,—мы боимся поглощенія хоровымъ пѣніемъ молитвеннаго настроенія нашихъ прихожанъ. Мы желали бы, чтобы и хоровое пѣніе и церковное чтеніе съ обрядовыми дѣйствіями гармонично и равномерно сохраняли свою силу въ дѣлѣ молитвеннаго настроенія и молитвеннаго возбужденія прихожанъ. Думаемъ, что только такимъ путемъ мы могли бы много сдѣлать для обновленія вѣры и для устраненія современныхъ богослужебныхъ нововведеній и нестроеній, еслибы мы всѣ сдумѣли и захотѣли взяться за надлежащее упорядоченіе церковно-богослужебнаго обихода и уясненіе глубокаго смысла нашихъ богослужебныхъ дѣйствій ¹⁾).

П—въ.

1) Помѣщаемъ эту статью нашего уважаемаго сотрудника съ цѣлію вызвать сужденія по этому предмету лицъ, близко стоящихъ въ этому дѣлу и знакомыхъ съ молитвеннымъ настроеніемъ своихъ молящихся прихожанъ, если уже нельзя замѣнить клироснаго пѣнія обще-приходскимъ и церковнаго чтенія речитативомъ, т. е. речитативнымъ чтеніемъ.

МИССИОНЕРСКИЙ ЛИСТОКЪ.

НА МИССИОНЕРСКИХЪ КУРСАХЪ У СЕКТАНТОВЪ.

(Продолженіе *).

Извращая простой ясный смыслъ Божественныхъ глаголовъ Спасителя: „сіе есть Тѣло Мое“... „сія есть Кровь Моя“... ваши руководители съ самоувѣреннымъ апломбомъ утверждали, что слово „есть“ на языкѣ св. писаній нужно понимать въ переносномъ иносказательномъ смыслѣ „знаменуетъ“, „символизируетъ“. Напоминаю вашимъ „ученѣйшимъ толкователямъ“, что въ Св. Писаніи есть безчисленные мѣста, въ которыхъ слово „есть“ употребляется въ собственномъ, а не въ переносномъ смыслѣ, напр.: „сей есть Сынъ Мой возлюбленный“ (Марк. 1—11), (Мат. 3—17), „Богъ есть Духъ“ (Іоан. 2—24) и т. д. Въ этихъ и подобныхъ имъ евангельскихъ изрѣченіяхъ слово „есть“ полагается въ собственномъ значеніи, а не въ переносномъ. Въ собственномъ же, а не въ переносномъ смыслѣ оно положено и въ классическомъ изрѣченіи Спасителя: „сіе есть Тѣло Мое“..., „сія есть Кровь Моя“... Принять здѣсь слово „есть“ за слово „знаменуетъ“ не позволяетъ смыслъ рѣчи прямой, а не переносной,—не позволяетъ ученіе древней вселенской церкви, которая на протяженіи многихъ вѣковъ исповѣдывала свою вѣру и вѣровала въ буквальный и собственный смыслъ Божественныхъ глаголовъ Спасителя о причащеніи,—не позволяетъ и здравый разумъ, ибо если мы примемъ слова Спасителя: „сіе есть Тѣло Мое“... въ смыслѣ переносномъ, то необходимо должны будемъ принять въ такомъ же смыслѣ и другія указанія нами изрѣченія: „сей есть Сынъ Мой возлюбленный“..., „Богъ есть Духъ“ и такимъ образомъ рискуемъ впасть въ страшное антихристіанское заблужденіе. Относительно же словъ Спасителя: „Я есть истинная виноградная лоза“ (Іоан. 15—1), „Я есть дверь овцамъ“ (Іоан. 10—7), „Я есть истина, путь и жизнь“ (Іоан. 14—6 сл.), на которыя ссылался вашъ руководитель, пытаясь оправдать свое казуистическое „мудрованіе“, нужно

*) См. ж. „В. и Р.“, отд. „Извѣстій“ № 7 с. г.

замѣтить, что эти слова или Самъ Іисусъ Христосъ объясняетъ иносказательно: „Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ; такъ и вы, если не будете во Мнѣ (Іоан. 15—4), „Никто не приходитъ ко Отцу, какъ только чрезъ Меня (Іоан. 14—6). Или же въ Евангеліи прямо замѣчено: „притчу сказалъ имъ Іисусъ“ (Іоан. 10—6), „И поучалъ ихъ много притчами“ (Матѣ. 13—3), „Иную притчу сказалъ имъ“ (Матѣ. 13 г. 31—33). Свои же слова о причащеніи Христосъ говорилъ въ прямомъ буквальномъ и дѣйствительномъ смыслѣ, нисколько не объясняя ихъ иносказательно или въ смыслѣ притчи. Нужно поэтому знать и твердо помнить, что только въ приточныхъ изрѣченіяхъ Спасителя заключается переносный и иносказательный смыслъ; въ Божественныхъ же словахъ Спасителя о причащеніи заключается смыслъ прямой, буквальный, дѣйствительный, собственный.

Въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ мыслей вашъ „лекторъ“, ссылкой на 6 гл. Евангелія Іоанна, доказывалъ и утверждалъ, что Самъ Іисусъ Христосъ Свое ученіе о причащеніи понималъ въ духовномъ „Евангелическомъ“ смыслѣ. Чтобы установить истину постараемся снова прочесть эти слова Спасителя. Въ евангеліи Іоан. 6 гл. рассказывается о томъ, что однажды Господь нашъ Іисусъ Христосъ сотворилъ чудо: пятью хлѣбами и двумя рыбами насытилъ около пяти тысячъ чело-вѣкъ. Народъ, увидѣвши это чудо, сталъ смотрѣть на Іисуса Христа, какъ на обѣщаннаго Богомъ мессію и думалъ провозгласить его царемъ, такъ что Спаситель принужденъ былъ удалиться отъ народа. Народъ же повсюду слѣдовалъ за Божественнымъ Учителемъ. Господь видя, что народъ ходитъ за нимъ не потому что видѣлъ чудо, а потому что насытился хлѣбами (26 ст.), рѣшилъ отвлечь вниманіе народа отъ пищи тѣльной къ пищѣ духовной, ведущей въ жизнь вѣчную (27). Раскрывая народу Свое Божественное ученіе о „хлѣбѣ жизни“, Спаситель говоритъ: „Я есть хлѣбъ живой, спешій съ небесъ: ядуцій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ; хлѣбъ же, который Я дамъ, есть Плоть Моя, которую Я отдамъ за жизнь міра (51 ст.). Въ числѣ слушателей Господа находились гру-

бые невѣжественные Іудеи. Обуреваемые чувственными плотскими мыслями и невѣріемъ въ Божественное достоинство Спасителя, который въ ихъ глазахъ былъ простымъ человѣкомъ, сыномъ Іосифа плотника и Маріи (42 ст.), Іудеи буквально, вульгарно и чувственно поняли слова Спасителя о яденіи Его Плоти и Крови и съ ужасомъ восклицали: „какъ Онъ можетъ дать намъ ѣсть Плоть Свою? (52 ст.). Іисусъ же сказалъ имъ: „истинно, истинно говорю вамъ: если не будете ѣсть Плоти Сына Человѣческаго и пить Крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни (53 ст.). Нужно замѣтить, что отвѣтъ свой Іудеямъ Спаситель начинаетъ словами: „истинно, истинно“..., которыя Онъ употреблялъ для показанія самаго сильнаго непререкаемаго увѣренія въ безусловной евангельской истинѣ. Замѣчательно и то, что вкушеніе Своей Плоти и Крови Спаситель предлагалъ людямъ, какъ положительную заповѣдь, безусловно необходимую для полученія ими жизни вѣчной. Изъ дальнѣйшихъ словъ Спасителя видно, что въ свѣтѣ тайнствъ причащенія заключается истинная пища и истинное питіе для нашей души, а также и залогъ нашего воскресенія: „Ядущій Мою Плоть и пьющій Мою Кровь имѣетъ жизнь вѣчную и Я воскрешу его въ послѣдній день; ибо Плоть Моя истинно есть пища и Кровь Моя истинно есть питіе; ядущій Мою Плоть и пьющій Мою Кровь пребываетъ во мнѣ и я въ немъ“ (54—55). Многие изъ учениковъ Его, говоритъ евангеліе, услыша такія слова, соблазнились и говорили: „Какія странныя слова! кто можетъ ихъ слушать? (60). Спаситель, увѣряя учениковъ въ возможности такого чудеснаго вкушенія Своей Плоти и Крови, указалъ имъ на другое чудо, на Свое будущее вознесеніе, на которое Онъ указывалъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, исключительныхъ, какъ на самое сильное доказательство Своей Божественной власти въ дѣлѣ ученія и истинности своей проповѣди (Іоан. 1—51 с.). (Мат. 26 г. 13—64). „Іисусъ зная, что ученики Его ропщутъ, сказалъ: это ли соблазняетъ? чтожь, если увидите Сына Человѣческаго восходящаго туда, гдѣ былъ прежде? (62) духъ животворитъ, плоть не пользуетъ ни мало; слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь“ (63). На послѣднихъ сло-

вахъ Спасителя преткнулся и вашъ „лекторъ“, утверждая, что слова Спасителя о причащеніи Его Плоти и Крови нужно понимать въ переносномъ, иносказательномъ смыслѣ. Если согласиться съ мнѣніемъ вашего „толкователя“, то можно придти къ полнѣйшему абсурду и къ ужасной кощунственной бессмыслицѣ. Потому что выраженіе „ѣсть Плоть“, когда оно употребляется въ переносномъ смыслѣ, на языкѣ св. Писанія, всегда и вездѣ означаетъ: „причинять другому большое зло, наносить жестокою обиду, особенно же—злословить и клеветать“ (Псал. 26—2; Іовъ 19 -- 22; Гал. 5—15) и другого значенія эти слова не имѣютъ. Слѣдовательно если слова Спасителя о таинствѣ причащенія принимать въ переносномъ смыслѣ, то они будутъ означать слѣдующее: „Ядъ Мою Плоть“, т. е. причиняющій Мнѣ величайшее зло имѣетъ жизнь вѣчную. Наоборотъ: „если не будеге ѣсть Плоти Сына Человѣческаго“, т. е. если не будете наносить Ему жестокихъ обидъ; злословить и поносить Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни! Кто не отвратится отъ подобнаго сочетанія нечестивыхъ и богохульныхъ мыслей?... Цитируя слова Спасителя: „плоть не пользуетъ нимало“, вашъ руководитель съ пафосомъ утверждалъ, что плотское, чувственное, „православное“ пониманіе причащенія не приближаетъ къ царствію Божію и нисколько не вліяетъ на духовное развитіе человѣка. Но такія красивыя, бойкія и самоувѣренныя фразы не выдерживаютъ рѣшительно никакой критики при повѣркѣ ихъ словомъ Божіимъ. О благодѣтельности и животворности Своей Плоти, которая дается намъ въ таинствѣ Евхаристіи, Спаситель говоритъ: „Моя Плоть даетъ жизнь міру“ (51 ст.), а здѣсь сказалъ: „Плоть не пользуетъ ни мало“ (63) безъ прибавленія слова „Моя“. Значитъ въ этихъ словахъ Спасителя говорится не о таинствѣ причащенія, а кроется совершенно другой противоположный смыслъ. На языкѣ св. Писаній подѣ словомъ „плоть“ нужно понимать грубую плотскую настроенность, грубыя плотскія дѣла, чувства и мысли, которыя овладѣваютъ душою человѣка, лишаютъ ее всѣхъ нѣжныхъ и духовныхъ свойствъ и дѣлаютъ неспособной къ принятію того, что отъ Духа Божія (1-е Кор. 2—19). Истинность такого толкованія

можно подтвердить параллельными текстами изъ св. писанія. Въ книгѣ Бытія 6 гл. мы читаемъ: „увидѣлъ Богъ, какъ велико развращеніе человѣковъ на землѣ; всѣ дѣла, мысли и чувства ихъ превратились въ плотъ“. Въ посланіи къ Галат. 5 гл. 19.—20 ст. апостоль пишетъ: „дѣла плоти извѣстны; они суть: блудъ, идолослуженіе, вражда, ссоры, зависть, соблазны, ереси и т. п.“. Грубая плотская настроенность. плотскія чувственныя дѣла, мысли и влеченія отуманиваютъ человѣческую душу, подавляютъ въ ней Божественныя свойства и дѣлаютъ ее неспособной къ принятію высшихъ Божественныхъ истинъ, которыя исходятъ отъ Бога, какъ отъ чистѣйшаго и совершеннѣйшаго Духа (Іоан. 4—24). Словами: „плоть не пользуется ни мало“ Спаситель осудилъ невѣрующихъ іудеевъ и нѣкоторыхъ своихъ учениковъ за ихъ плотскій образъ мыслей и грубую плотскую настроенность, которая принижала ихъ къ землѣ и мѣшала возвыситься до истиннаго пониманія Его Божественнаго ученія о Евхаристіи. Отсюда мы видимъ, что плотское и грѣховное состояніе человѣческой души есть смерть духовной и нравственной жизни человѣка (Римл. 8—6). Основываясь на словахъ Спасителя: „духъ животворить“, вашъ „лекторъ“ утверждалъ, что этими словами Спаситель поучалъ понимать Свое ученіе о причащеніи въ духовномъ „евангелическомъ“ смыслѣ. Но такое толкованіе, какъ нами уже доказано, ни на чемъ не основано и является продуктомъ празднофантазіи вашихъ руководителей. Словами: „духъ животворить“ Спаситель высказалъ мысль, что Его ученіе о чудесномъ вкушеніи Плоти и Крови могутъ понять люди духовно развитые „живущіе по духу“ (Рим. 8—6), просвѣтленные вѣрою и другими плодами святой и духовной жизни, а плоды духа, говоритъ апостоль, любовь, миръ, радость и вѣра (Гал. 5—22). Спаситель какъ бы такъ говорилъ іудеямъ, что до тѣхъ поръ, пока вы будете плотскими, истины Мои будутъ для васъ чуждыми и непонятными, потому что человѣкъ, живущій, мыслящій и дѣйствующій по плоти не можетъ понять того, что отъ Духа Божія (1-е Кор. 2—14). „Духъ животворить“, т. е. чистый и свободный отъ плотянности духъ человѣка, его святая духовныя дѣла, мысли и чувства даютъ возможность вѣрою

возвыситься до моихъ Божественныхъ истинъ, въ которыхъ „суть духъ и жизнь“ (Іоан. 6—63), т. е. источникъ духовной и нравственной жизни всякаго человѣка (Іоан. 1—9.). Отвергая православное ученіе о Евхаристіи, вашъ лекторъ ссылкой на слова апостола: „отнынѣ не знаемъ Христа по плоти“ (2-е Кор. 5—16) доказывалъ, что древніе христіане твердо вѣрили, что человѣческая миссія Христа на землѣ окончена и Его „плотскій,“ человѣческій образъ утратилъ для насъ всякую цѣнность и всякое значеніе, а посему въ новомъ Завѣтѣ не можетъ быть и рѣчи о культѣ Плоти и Крови Христовой (Православная Евхаристія). Но такое „мудрованіе“ не выдерживаетъ строгой библейской критики и является страшнымъ заблужденіемъ предъ судомъ евангелія. Въ 1-мъ посл. Іоан. читаемъ слова апостола: „возлюбленные! не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они, потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ. Духа Божія и духа заблужденія узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога; а всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста....“ (4—,1—2.). Въ книгѣ Дѣян. Апост. мы находимъ свидѣтельство, что Іисусъ Христосъ вознесся на небо въ видимомъ человѣческомъ образѣ, въ такомъ же образѣ Онъ придетъ судить живыхъ и мертвыхъ (1 гл. 9—11), а поэтому отсѣкать человѣческую природу отъ личности Христа значитъ впадать въ страшное антихристіанское заблужденіе, которое еще въ древности обличалъ апостоль.... Утверждая, что человѣческій образъ Христа утратилъ для насъ всякую цѣнность и всякое значеніе, вашъ руководитель лишь повторилъ заблужденіе древнихъ сектантовъ монофизитовъ, которые отвергали человѣческую природу Христа, выходя изъ мысли, что естество человѣческое какъ естество слабѣйшее (въ природѣ Богочеловѣка) растворилось въ естествѣ Божескомъ и исчезло въ немъ, какъ исчезаетъ капля воды въ безконечномъ пространствѣ моря. Вся древняя вселенская церковь возстала противъ такого ужаснаго заблужденія и осудила его на 4-мъ вселенскомъ Соборѣ. Въ словахъ же апостола: „отнынѣ не знаемъ Христа по плоти“, на которыя ссы-

лался вашъ лекторъ, кроется глубокой исторической смыслъ. По ученію евангелія у Иисуса Христа, до Его страданій, смерти и воскресенія, было обыкновенное „матеріальное“ человеческое тѣло во всемъ подобное нашему тѣлу, кромѣ грѣха (1-е Петр. 2, —22) По своей человеческой природѣ Христосъ прійдя въ міръ, какъ и всѣ люди, постепенно возрастая укрѣпляясь благодатію Св. Духа (Лук. 1—80), подвергался искушенію отъ діавола (Мат. 4 г.), плакалъ (Іоан. 11 гл. 33—35), смертельно скорбѣлъ и молился (Мат. 26 гл. 38—39), нуждался въ пищѣ и питіи (Мар. 11,—12), (Іоан. 4—7), былъ подверженъ страданіямъ и умеръ смертию человека на крестѣ (Мат. 26 г. 67 ст., 27 гл. 29—30 ст., 46 г. 50 ст.). Въ моментъ же воскресенія „матеріальное“ тѣло воскресшаго Спасителя преобразилось и одухотворилось; сдѣлалось прославленнымъ и свѣтоноснымъ; Оно могло проникать сквозь стѣны и затворенныя двери зданія и дѣлалось невидимымъ (Іоан. 20—19), Лук. 24—34). Объ этомъ чудесномъ историческомъ фактѣ говоритъ и апостоль: „отнынѣ не знаемъ Христа по плоти“, т. е. „отнынѣ“, со дня воскресенія, мы не знаемъ Христа въ тѣлѣ матеріальномъ, которое подвержено страданіямъ, скорбямъ и смертности, отнынѣ мы знаемъ Христа въ тѣлѣ прославленномъ, одухотворенномъ и свѣтоносномъ, которое, однажды пострадавши, больше не страдаетъ (Рим. 6—9). Въ настоящее время, говорилъ далѣе вашъ руководитель, всѣ свои надежды и упованія мы должны возлагать не на виѣшніе обряды (православная Евхаристія), а на невидимое, т. е. на Господа Иисуса Христа (Рим. 8—24). Въ приведенныхъ словахъ апостола вовсе не говорится ни о таинствахъ, ни объ обрядахъ и ни о чемъ касающемся настоящей жизни; здѣсь говорится о жизни будущей, о томъ, что она есть предметъ надежды (см. ст. 18—19—23); она есть невидима, потому что теперь нѣтъ ея, а будущаго видѣть нельзя. Что же касается таинствъ, то нельзя соблазняться ихъ видимостію: здѣсь подъ видимыми образами скрывается невидимая благодатная сила Божія, почему они и называются таинствами или тайнами. Нельзя соблазняться кажущеюся легкостью спасенія черезъ таинство. Для гордаго нашего ума здѣсь не малый под-

вигъ въ томъ, чтобы подъ видимымъ предметомъ видѣть невидимую силу Божию,—подъ видомъ хлѣба и вина—Тѣло и Кровь Христову. Посему для принятія таинствъ требуется чистая дѣтская вѣра во Спасителя, а чтобы имѣть такую вѣру нужно смирить свой умъ и плѣнить его въ послушаніе Христу. Изъ устъ вашего руководителя мы слышали еще такое выраженіе: Евхаристическая жертва одинъ разъ была принесена за грѣхи всего міра, она не повторима и мы одолжены только ей благодѣтельными послѣдствіями. Православная же церковь вопреки апостольскому ученію на каждой литургіи приноситъ эту жертву и этимъ входитъ въ противорѣчіе съ ученіемъ св. апостоловъ (Евр. 10—10.) „мы освящены единократнымъ принесеніемъ Тѣла Христова.“ Здѣсь простое недоразумѣніе, благодаря которому вы усматриваете противорѣчіе тамъ, гдѣ его нѣтъ. Въ приведенныхъ словахъ апостола говорится о томъ, что кровавая голгоеская жертва одинъ только разъ была принесена за грѣхи міра, но этими словами апостоль нисколько не исключаетъ таинства причащенія. Таинство Евхаристіи, какъ жертва безкровная, установлена Спасителемъ въ воспоминаніе Его голгоескихъ кровавыхъ страданій (Лук. 22—19) и во оставленіе нашихъ грѣховъ (Мате. 26—28). По непреложнымъ словамъ Спасителя безкровная Евхаристическая жертва должна совершаться во всѣ времена до Его второго пришествія. Въ этомъ величайшемъ и непостижимомъ таинствѣ мы приобщаемся къ страшной голгоеской жертвѣ и подъ видомъ хлѣба и вина принимаемъ Тѣло и Кровь своего Спасителя. Сомнѣніямъ здѣсь нѣтъ мѣста: чаша благословенія, которую мы благословляемъ не есть ли приобщеніе, Крови Христовой?—Хлѣбъ, который преломляемъ не есть ли приобщеніе Тѣла Христова?... (1-я Кор. 10—16). Въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ критическихъ возраженій вашъ руководитель оставилъ слово Божіе и перешелъ на почву слѣпотаго человѣческаго разума. По ученію православной церкви, говорилъ онъ, Христосъ, какъ Богъ, вездѣ-сущъ, а какъ человѣкъ, по законамъ физики, долженъ находиться въ одномъ мѣстѣ. Если такъ, то мы логически не понимаемъ какимъ образомъ Тѣло Христово находится на небѣ, на многихъ

жертвенникахъ на землѣ и въ душѣ каждаго вѣрующаго участника? На такое „логическое“ возраженіе постараюсь прежде всего логически и отвѣчать. Вѣдь логически для васъ вполне понятно, что законодатель стоитъ выше дарованныхъ имъ законовъ и можетъ измѣнять ихъ по своему усмотрѣнію; а если такъ, то можно ли измѣрять законами природы всемогущество Бога, какъ высшаго Творца и законодателя міра? Вдаваясь въ казуистику, вашъ „логикъ“ совершенно забылъ слово Божіе, которое говоритъ, что у Бога нѣтъ ничего невозможнаго (Лук. 1—37), „Богу все возможно“ (Марк. 10—27), (Лук. 18—27). Правда, здѣсь великая и непостижимая тайна! Тайна, сокрытая отъ гордыхъ и поверхностныхъ умовъ и открытая для простыхъ и глубоковѣрующихъ сердець.

Здравый человѣческій разумъ, просвѣщенный Божественнымъ откровеніемъ, не только не протеворѣчитъ православному ученію о таинствѣ Тѣла и Крови Христовой, но даже опредѣляетъ самый образъ и слѣдствія и присутствія Іисуса Христа въ таинствѣ Евхаристіи, не смотря на то, что таинство сіе есть одно изъ величайшихъ и непостижимѣйшихъ таинствъ христіанскаго вѣроученія. Образъ и слѣдствія присутствія Іисуса Христа въ таинствѣ Евхаристіи опредѣляются на основаніи Божественнаго евангелическаго ученія. Присутствіе это состоитъ въ томъ, что во время освященія св. Даровъ хлѣбъ и вино предлагаются, пресуществляются, претворяются въ самое Тѣло и самую Кровь Божественнаго Страдальца. Все сіе совершается не потому, что Тѣло Господа, находящееся на небесахъ, исходитъ на жертвенники, не потому, что хлѣбъ предложенія, приготовляемый порознь во всѣхъ церквахъ и по освященіи претворяемый и пресуществляемый, дѣлается одно и то же съ Тѣломъ Спасителя, который на небесахъ ¹⁾. Православное ученіе о пресуществленіи хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христовы имѣетъ для себя твердыя основанія въ Божественномъ откровеніи, въ практикѣ Самого Іисуса Христа и въ вѣрованіяхъ древней апостольской церкви. При установленіи таинства Евхаристіи Іисусъ Христосъ взялъ хлѣбъ, благословилъ (въ актѣ благословенія преложилъ) и раздавая

¹⁾ (Посл. Восточ. патр. о Прав. вѣрѣ, гл. 17).

ученикамъ сказалъ: „сіе есть Тѣло Мое“ и взявъ чашу съ виномъ, благословилъ (преложилъ) и подавая ученикамъ сказалъ: „сія есть Кровь Моя“. Отсюда видно, что въ таинствѣ Евхаристіи хлѣбъ и вино предлагаются, преобразуются, претворяются въ Тѣло и Кровь Спасителя словомъ благословенія и дѣйствіемъ всемогущества Божія. Древняя апостольская церковь глубоко вѣровала въ истину пресуществленія и смотрѣла на освященные дары (хлѣбъ и вино), какъ на Тѣло и Кровь Спасителя. Св. апостолъ Павелъ въ посланіи Коринѹ. христіанамъ писалъ: „чаша благословенія, которою благословляемъ, не есть ли приобщеніе Крови Христовой? Хлѣбъ, который преломляемъ, не есть ли приобщеніе Тѣла Христова? (1-е Кор. 10—16). „Поэтому, писалъ тотъ же апостолъ, кто будетъ ѣсть хлѣбъ сей или пить чашу Господню не достойно, виновенъ будетъ противъ Тѣла и Крови Господней (1-е Кор. 11—27).

Миссіонеръ Григорій Щелковъ.

(Окончаніе будетъ).

Архіерейскія богослуженія.

27-го апрѣля, въ недѣлю св. женъ мученицъ, Его Высокопреосвященство Архіепскопъ Арсеній совершилъ литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря въ сослуженіи монастырскаго духовенства. Въ концѣ литургіи Владыка сказалъ слово, посвященное тѣмъ лицамъ, подвиги которыхъ прославляетъ св. церковь въ эту недѣлю. Въ трогательныхъ словахъ Владыка изобразилъ силу любви и преданности къ Господу Іисусу Христу тайныхъ его учениковъ Никодима и Іосифа аримаѳейскаго и св. женъ мученицъ, которые, будучи преданы ему въ теченіе его жизни, не оставили его и въ самыя трудныя послѣднія его минуты, когда Онъ претерпѣвалъ ужаснѣйшія мученія на крестѣ и былъ оставленъ даже ближайшими своими учениками. Въ подвигѣ любви и

самоотверженія этихъ лицъ Владыка указывалъ великій урокъ всѣмъ намъ—послѣдователямъ Христовымъ; въ частности, въ подвигъ св. женъ муроносицъ онъ указалъ разрѣшеніе важнаго вопроса—о назначеніи дѣятельности женщины—христіанки въ семейной и общественной жизни. При этомъ Владыка разоблачалъ заблужденіе тѣхъ изъ современныхъ женщинъ, которыя не понимаютъ важнаго значенія женщины въ семьѣ и стремятся къ пріобрѣтенію неограниченныхъ правъ на общественное служеніе.

— 6-го мая, въ день рожденія Государа Императора Николая Александровича, литургію въ Каѳедральномъ соборѣ совершалъ Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній въ сослуженіи: архимандритовъ—Аѳанасія и Аркадія, каѳедральнаго протоіерея о. С. Любицкаго, ректора семинаріи протоіерея о. А. Юшкова, ключаря протоіерея І. Гончаревскаго, члена консисторіи священника о. П. Ѳомина, священника о. Г. Виноградова и священника о. Л. Твердохлѣбова. Проповѣдь произнесъ священникъ о. П. Вишняковъ. Послѣ литургій былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Въ соборѣ присутствовали: корпусный командиръ, вице-губернаторъ, много представителей разныхъ вѣдомствъ и учреждений и много молящихся.

— 7-го мая, въ Преисловеніе Пятидесятницы, Преосвященный Евгеній Епископъ Сумскій совершилъ въ Каѳедральномъ соборѣ литургію въ сослуженіи ключаря собора протоіерея І. Гончаревскаго, священника каѳед. собора о. Г. Виноградова, священника Воскресенской церкви о. Г. Рудинскаго и священника Благовѣщенской церкви о. Н. Чернилевскаго. Послѣ литургій былъ совершенъ крестный ходъ на рѣку Лопань для освященія воды—при участіи архимандрита Аѳанасія и градскаго духовенства.

— 8-го мая, въ день памяти препод. Арсенія Великаго, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній совершилъ литургію въ Крестовой церкви Покровскаго монастыря въ сослуженіи монастырскаго духовенства.—Въ каѳедральномъ соборѣ литургію совершилъ каѳедральный протоіерей о. С. Любицкій соборнѣ съ протоіеремъ Благовѣщенской церкви о. Н. Борисоглѣбскимъ, священникомъ собора о. Г. Виноградовымъ, благочиннымъ священникомъ о. П. Вишняковымъ и священникомъ Преображенской церкви о. С. Уманцевымъ. Послѣ литургій при участіи градскихъ протоіереевъ и священниковъ было совершено молебное пѣніе препод. Арсенію Великому о здравіи Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

Преосвященный Евгеній Епископъ Сумскій 8-го мая совершилъ

въ Святогорскомъ монастырѣ крестный ходъ изъ монастыря въ Арсеніевскій скитъ по рѣкѣ Дону, литургію въ Сквѣтской церкви и обратно крестный ходъ въ монастырь. Вечеромъ, въ тотъ же день, имъ совершенно было всеобщее бдѣніе въ Успенскомъ соборѣ, а на другой день, 9-го мая, тамъ же—литургія и крестный ходъ въ Николаевскую церковь, что на скалѣ. Въ служеніяхъ съ Его Преосвященствомъ участвовали: настоятель монастыря архимандритъ Вассіанъ, архимандритъ Аполдосъ, ключарь кафедральнаго собора протоіерей І. Гончаревскій, благочинный 4-го Изюмскаго округа священникъ о. М. Цономаревъ, казначей монастыря іеромонахъ Трифонъ, духовникъ іеромонахъ Пахомій и іеромонахъ—Несторъ и Іеремій.

Протоіерей І. Гончаревскій.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковской Духовной Семинаріи.

12-го мая с. г., Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, пзволялъ посѣтить Харьковскую Духовную Семинарію.

Прибывъ въ семинарію въ 9 час. утра, Архипастырь былъ встрѣченъ о. ректоромъ семинаріи, прот. А. М. Юшковымъ, инспекторомъ семинаріи Л. М. Багрецовымъ, г.г. преподавателями семинаріи и воспитанниками 6-го класса. Преподавъ всѣмъ благословеніе, Владыка прослѣдовалъ, въ сопровожденіи о. ректора семинаріи, преподавателя семинаріи А. Ѳ. Вертеловскаго и члена правленія семинаріи, свящ. Л. И. Твердохлѣбова, въ актовъ залъ, гдѣ долженъ былъ производиться экзаменъ воспитанникамъ 6-го класса. Послѣ пѣнія „Христосъ воскресъ“ и „всѣ полла эти деспота“, Высокопреосвященный занялъ приготовленное для него мѣсто и началъ производить экзаменъ по Священ. Писанію Новаго Завѣта. Владыка остался доволенъ отвѣтами экзаменовавшихся и затѣмъ обратился къ послѣднимъ съ краткимъ словомъ, убѣждая ихъ по окончаніи семинаріи быть добрыми христіанами, честно служить церкви и отечеству и хранить то доброе, что они воспріяли въ теченіе семинарскаго курса.

Въ 11 часовъ Высокопреосвященный, преподавъ всѣмъ благословеніе, оставилъ актовъ залъ и прослѣдовалъ на экзаменъ по догматическому богословію воспитанникамъ 5 класса. Владыка изволилъ спросить десять воспитанниковъ, отвѣтами которыхъ также остался доволенъ.

Въ 1 часъ дня Архіепископъ посѣтилъ о. ректора семинаріи и затѣмъ отбылъ въ загородный архіерейскій домъ.

Памяти незабвеннаго товарища—соелуживца Петра
Алексѣевича Торанскаго.

Къ годовщинѣ его кончины.

(Окончаніе *).

Первую надгробную—прощальную рѣчь при погребеніи П. А. говорилъ священникъ *Купянской Николаевской церкви О. А. Макухинъ*, бывший учитель покойнаго и затѣмъ 27 лѣтъ служившій съ нимъ въ *Купянскомъ училищѣ* ..

„Итакъ, началъ свою рѣчь о. Александръ, возлюбленный нашъ собратъ и бывший мой сослуживецъ, ты оставляешь насъ и идешь въ страну далекую, неизвѣстную, идѣже вѣсть печали и воздыханія, но покой и вѣчное блаженство! Странствованіе твое земное кончилось. Теперь ты новый жалецъ вѣчности. Жизнь свою ты кончилъ тихо и безмятежно: не оставилъ ты послѣ себя ни славы, ни богатства, какъ это со многими бываетъ, но за то своимъ отношеніемъ къ другимъ не только близкимъ, но и постороннимъ ты прибрѣлъ въ сердцахъ ихъ искреннее расположеніе и вѣчную любовь къ себѣ, которая не изгладится во вѣкъ. Посмотри, съ какимъ горячимъ участіемъ всѣ слышатъ воздать тебѣ послѣдній долгъ; какая грусть и печаль о тебѣ проглядываетъ на всѣхъ здѣсь присутствующихъ лицахъ и какія горячія и усердныя молитвы возносятся о тебѣ къ Всевышнему Творцу и Богу Нашему за твои добрыя и сердечныя расположенія. Добрый же путь тебѣ, любезнѣйшій мой товарищъ! Молимся и будемъ молиться о тебѣ вѣчно, да милостивъ будетъ къ тебѣ Господь, да проститъ тебѣ всякое согрѣшеніе; ты же, когда предстанешь предъ престоломъ Всевышняго, помолись и о насъ, да спасетъ Господь Богъ души наша и избавитъ насъ отъ всякаго зла“ ..

Послѣ священника Макухина покойнаго почтилъ своимъ послѣднимъ словомъ *духовникъ училища, сослуживецъ его—надзиратель, священникъ о. Сергій Дубровинъ*, который сказалъ слѣдующее: „Позволь намъ, возлюбленный о Господѣ собратъ нашъ, прежде нежели мы воздадимъ тебѣ послѣднее цѣлованіе, принять нѣсколько уроковъ при гробѣ твоёмъ для нашей несовершенной жизни. Изъ насъ никто не думалъ, чтобы такъ скоро настало твое отшествіе ко Господу. Но судьбы Божія, не яко судьбы человѣческія. Настала минута, написанная въ премудрыхъ судьбахъ Бо-

*) См. „Извѣстія по Харьковской епархіи“ № 8 за 1908 годъ.

жизнь, кою полагался предѣль твоей жизни, и ничто не могло воспрепятствовать ей. Смерть явилась къ тебѣ, какъ тать въ ночи, и похитила тебя у насъ неожиданно. Но чѣмъ неожиданнѣе является смерть, тѣмъ поучительнѣе бываетъ примѣръ. При первой и неожиданной вѣсти о смерти твоей, какая мысль и какое чувство наполнили душу нашу — близкихъ тебѣ и знакомыхъ, особенно тѣхъ, которые видѣли тебя здоровымъ наканунѣ смерти! По тѣлу нашему пробѣжала дрожь и наполнились мы сначала нелюбопытнѣе и страхомъ, а потомъ уже чувствомъ сожалѣнія и скорби и сказали мы себѣ: вотъ какова жизнь человѣческая; вчера человѣкъ былъ живъ и здоровъ и надѣялся жить, а сегодня его уже нѣтъ на свѣтѣ.

Возлюбленные о Христѣ отцы и братіе, неизвестность страшнаго часа, коего мы не предполагали для почившаго собрата нашего и коего часто не предполагаемъ и себѣ, да научить насъ быть внимательными къ настоящей жизни, за предѣламъ коей, какъ мы несомнѣнно вѣруемъ, послѣдуетъ судъ и воздаяніе. Лежитъ человѣкомъ единою умереть, потомъ и судъ. А премудрый сынъ Сираховъ такой даетъ совѣтъ намъ: „помяни послѣднія и престаи враждовати; помяни истлѣніе и смерть и пребывай въ заповѣдѣхъ“. Постараемся же отцы и братія, быть всегда готовыми къ смерти. Это единственное средство, при которомъ можно не бояться смерти. Помяни послѣдніе дни твои и во вѣки не согрѣшишь. По взаимному же общенію молитвъ церкви воинствующей и церкви торжествующей мы здѣсь будемъ непрестанно молить Господа, да проститъ Онъ Всеблагій всѣ прегрѣшенія усопшаго собрата нашего Петра, коими онъ, какъ человѣкъ, согрѣшилъ словомъ, дѣломъ и помышленіемъ и всѣми своими чувствами, и да упокоитъ духъ его въ раю сладости въ царствѣ небесномъ; и онъ, отшедшій собратъ нашъ, когда приметъ вѣнецъ доброты отъ руки Господней, будетъ молить о насъ у престола Господня, тамъ, гдѣ всегда живутъ и неимуть уже умереть.

Итакъ, иди съ миромъ, возлюбленный о Господѣ собратъ нашъ и моли о насъ Господа“.

Когда окончилъ свое прощальное слово отецъ С. Дубровицъ, къ гробу П. А. подошелъ *старѣйшій надзиратель училища, ученнѣе покойнаго, Ив. Триф. Бугуцкій*, который прекрасно и въ высшей степени точно и справедливо охарактеризовалъ почившаго Петра Алексѣевича. Его слово больше философскаго характера. „Придите послѣднее цѣлованіе воздадимъ умершему“,

этими словами началъ свое прощаніе И Т. „глубокая скорбь и тоска наполняетъ душу всѣхъ насъ, собравшихся сюда, въ Божій храмъ отлатъ этотъ послѣдній долгъ умершему. Но не у всѣхъ насъ одна и та же причина этихъ тяжелыхъ чувствъ и потому не одинакова во всѣхъ и сила ихъ: у однихъ пзъ насъ скорбитъ и мятется душа потому лишь, что смерть глядитъ намъ прямо въ глаза и вызываетъ опасеніе у каждаго изъ насъ за самихъ себя. Несравненно болѣе тяжелое чувство испытываемъ мы — сослуживцы почившаго и предстоящія здѣсь его и наши духовныя дѣтя, ибо мы, живя и работая вмѣстѣ съ почившимъ, опытно знаемъ и то, каковаго сослуживца и воспитателя отняла у насъ неумолимая смерть.

Теперь, когда смерть холодными цѣпями неподвѣжно приковала почившаго къ тѣсному жилищу и тлѣніемъ коснулась его бранныхъ останковъ, предъ нами встаетъ внутренній душевный, жившій въ тѣлесной его темницѣ, человекъ почившаго во всей полнотѣ своего прошлаго, разившійся въ мѣру, положенаго ему свыше возраста. Подыместъ наши духовныя очи и приблизимся нашими умными очами къ этому высокому въ простотѣ своей духовному образу умершаго, и мы увидимъ предъ собою до осязательной ясности почившаго, безъ словъ научающаго насъ многому и являющаго высокій примѣръ христіанскихъ добродѣтелей.

Своимъ молчаніемъ и неговоохотливостью онъ учить насъ смиренномудрію. Своимъ всегдашнимъ довольствомъ самыми простыми условіями жизни и самымъ скромнымъ служебнымъ в общественнымъ положеніемъ научаетъ насъ безкорыстію и нечестолубію. Своимъ безропотнымъ перенесеніемъ жизненныхъ неудачъ и несчастій являетъ намъ высокій образъ христіанскаго терпѣнія; а его всегдашнее одинаковое со всѣми ровное привѣтливое обращеніе свидѣтельствуетъ о его истинно христіанской братской любви къ ближнимъ, которая по слову Божию: долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится (Коринт. XIII, 4); это послѣднее дѣлало его очень пріятнымъ членомъ общества, прекраснымъ и желательнымъ сослуживцемъ, и, что особенно важно, полезнымъ и незамѣнимымъ работникомъ въ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ воспитанія дѣтей и юношей. Къ этому нужно прибавить еще, что покойный всегда относился къ своимъ служебнымъ обязанностямъ очень ревностно и добросовѣстно, исполняя ихъ не воздыхающе, а съ радостію, поставляя своимъ девизомъ: „служба прежде всего“, зато и воспитываемые

имъ дѣти и юноши искренно любя его и высоко цѣнили, что такъ трогательно подтвердилось въ безутѣшными слезами в горемъ при первой вѣсти о кончинѣ любимаго ими воспитателя, и тою нѣжною заботливостью, съ какою онъ теперь спѣшатъ украсить гробъ съ кладнымъ прахомъ, а въ будущемъ—могила почившаго вѣнками и даже памятникомъ. И вотъ такого-то человѣка, любезнаго сердцу всѣхъ насъ и нужнаго еще для пользы дѣла, пришла и похитила у насъ неумолимая смерть.—И скоро уже, скоро сырая земля застучитъ о его гробовую доску и затѣмъ навсегда скроетъ отъ насъ знакомыя намъ черты почившаго.—Но, возлюбленные, въ утѣшеніе намъ остается съ нами тотъ духовный образъ почившаго, который я свлился представить намъ моимъ слабымъ словомъ; который, цѣлуя умомъ, мы внесли съ вами любовь нашу въ храмъ чистыхъ свѣтлыхъ воспоминаній нашей памяти и съ нѣжностью сохраняемъ его въ тайникахъ нашего сердца въ свое назиданіе. За всегдашнюю же любовь и ласки при жизни къ намъ почившаго отвѣтвмъ признательною любовью и воздадимъ ему любовное братское послѣднее цѣлованіе, соединенное съ всегдашнимъ вашимъ молитвеннымъ ему пожеланіемъ: да учинитъ его Праведный Мздовоздаятель въ лонѣ Авраама, Исаака, Якова и съ праведными да сопрвтетъ его.

Миръ праху твоему, возлюбленный воспитатель мой и дорогой сослуживецъ“!

Вредъ выносомъ праха почившаго П. А. изъ собора на кладбище сказалъ глубокопрочувствованное слово г. *Смотритель училища И. И. Григоровичъ*, который говорилъ о покойномъ, какъ о рѣдкомъ служащемъ по его постоянству, терпѣлію, скромности, силѣ характера, любви къ своему дѣлу, непритязательности и довольству окружающей самой скромной обстановкой надзирательской жизни. „Ты, дорогой Петръ Алексѣевичъ, говорилъ И. И., всегда былъ доволенъ всѣмъ, никогда ни накого не жаловался, никогда даже словомъ или намекомъ не выразилъ никакого неудовольствія, не смотря на трудность своей службы и на всю необезпеченность своего положенія. Ты за *шестнадцать лѣтъ нашей общей при училищѣ службы ни разу меня, какъ начальника училища, ничемъ не обезпокоилъ, вотъ только теперь... первый и послѣдній разъ своею смертью“!*

По окончаніи слова г. смотрителя училища, гробъ съ тѣломъ покойнаго былъ вынесенъ изъ собора сослуживцами, учениками его и знакомыми, и торжественно печальная похоронная процес-

сія направилась на городское кладбище. Въ погребеніи Петра Алексѣевича принимали участіе всѣ шесть священниковъ г. Купянска во главѣ съ настоятелемъ собора протоіереемъ о. Іоанномъ Леванловскимъ — старымъ почтеннѣйшимъ сослуживцемъ покойнаго по Купянскому духовному училищу, который в совершалъ отиѣваніе почившаго въ градскомъ соборѣ, куда тѣло П. А. наканувѣ было перенесено изъ училищной больницы, гдѣ умеръ покойный, нарочито прибывшимъ къ этому печальному случаю въ училище старѣйшимъ сослуживцемъ по училищной службѣ покойнаго, членомъ училищнаго правленія о. Θεодосіемъ Навродскимъ, въ со- служеніи съ надзирателемъ училища священникомъ о. С. Дубровинымъ, членами правленія о.о. Іоанномъ Нечаевымъ, о. І. Пшенико и приходскими Купянскими священниками.

Представители Купянскаго городского управленія и многихъ городскихъ учрежденій явились также въ церковь отдать свой послѣдній долгъ почившему старожилу города.

Когда гробъ съ тѣломъ Петра Алексѣевича былъ принесенъ на кладбище и поставленъ у приготовленной могилы, къ нему подошелъ учитель духовнаго училища *И. С. Гоинз* и сказалъ слѣдующія краткія, но правдивыя слова, которыми ярко изобразилъ характеръ дѣятельности покойнаго: „дорогой нашъ товарищъ, нашъ незлобивый молчальникъ. Болѣе 25 лѣтъ ты дѣлалъ свое маленькое трудное дѣло. Не имѣя въ сущности своего угла, на обезпеченнаго положенія, ни надежды на лучшее будущее, ты безъ жалобъ, безъ громкихъ фразъ, не раздражаясь, не волнуясь, всегда спокойный и уравновѣшенный дѣлалъ свое дѣло честно, добросовѣстно... и молча. У гроба твоего, предъ твоей открытой могилой, нашъ великій молчальникъ, я не буду много говорить. Я скажу только, что за всю твою многолѣтнюю службу при училищѣ ты никому не сдѣлалъ зла, никого не оскорбилъ, никого не осудилъ, никого не сдѣлалъ несчастнымъ. Ты работалъ и молчалъ, и трудно было судить, что переживала твоя душа, каковы были твои идеалы, но я думаю, что „не дѣлать никому зла, не дѣлать никого несчастнымъ,“ — это и было девизомъ твоей жизни. И этому девизу ты вѣренъ былъ до гроба.

Кто изъ провожающихъ тебя въ далекій путь, откуда иѣтъ возврата, кто изъ твоихъ сослуживцевъ, твоихъ учениковъ можетъ сказать или помыслить о тебѣ что-либо дурное? Никто! Пусть, дорогой, незлобивый товарищъ, земля тебѣ будетъ легка, а память о твоёмъ незлобініи не умаляетъ въ нашихъ сердцахъ“... *И. С.*

окончилъ свое прощальное съ почившимъ слово. Въ это время къ могилѣ, готовой уже принять въ свои брѣвкія объятія и на всегда скрыть въ хладной своей глубинѣ гробъ съ тѣломъ Петра Алексѣевича, приблизился, чтобы проститься съ покойникомъ его сослуживецъ *М. Г. Ульяницкій, преподаватель духовнаго училища*, онъ былъ послѣдній изъ напутствовавшихъ покойнаго въ загробный міръ своей прощальной рѣчью. Свое прощаніе онъ началъ чуднымъ стихотвореніемъ вашего великаго пѣвца грусти и народнаго горя И. С. Никитина:

*Вырыта заступомъ яма глубокая,
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпеливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая,
.
Какъ степной огонекъ замерла.*

Предъ всѣми другими рѣчь Михаила Григорьевича несомнѣнно отличается своею особенною теплотою, искренностью чувства, задушевностью и сердечностью; она показываетъ, что личность умершаго была типическая, рѣдкая и по своимъ душевнымъ качествамъ выдающаяся, что жизнь его, какъ сказано и въ приведенномъ М. Г. стихотвореніи, была дѣйствительно невеселая, одинокая, безпріютная и молчаливая. „Не здѣсь, у свѣжей могилы, собирающейся поглотить бранные останки твои, не здѣсь, милый, дорогой и незабвенный Петръ Алексѣевичъ (говорилъ Михаилъ Григорьевичъ) хотѣлъ я дѣлиться съ тобою мыслями своими, изливать тебѣ чувства свои! Вѣдь еще такъ недавно всѣ мы—сослуживцы твои—видѣли тебя въ твоей келлейкѣ стоящимъ у окна или сидящимъ на извѣстномъ, взлюбленномъ мѣстѣ. Еще такъ недавно слышали мы тихую рѣчь твою, видѣли добродушную улыбку твою. Не такъ давно ты былъ на посту своемъ среди маленькихъ питомцевъ школы нашей... И вотъ... не стало тебя,—семья наша лишилась одного изъ старѣйшихъ, добрѣйшихъ членовъ своихъ, дѣти кроткаго, милаго воспитателя....

Не радостенъ, видно, былъ жизненный путь твой. Даровитѣйшій изъ питомцевъ школы своей,—того выпуска, изъ котораго вышелъ такой дѣятель исторической науки, какъ Эварницкій, изъ котораго вышло вообще много видныхъ общественныхъ дѣятелей, ты избралъ скромное, тяжелое, безпокойное поприще дѣятельности и трудился на немъ, не разгибая спины, 27 лѣтъ,—умеръ, можно сказать, на

посту своемъ. За день до смерти—изнемогающій, больной ты явился въ отправленію обязанностей своихъ...

Тяжела была доля твоя. „*Птицы гнѣзда имѣютъ, лисицы норы,* а ты,—труженникъ многолѣтній, не имѣлъ „гдѣ главы приклонять, не имѣлъ уютнаго, спокойнаго угла.

И что же, ропталъ ли ты, жаловался ли ты на свою участь, горькую долю?—Нѣтъ,—никто никогда изъ насъ не слыхалъ отъ тебя и слова ропота, недовольства, жалобы...

По словамъ одного изъ старыхъ сослуживцевъ твоихъ, ты за 16 лѣтъ ни разу ничѣмъ не обезпечилъ его, единственнаго въ послѣдній разъ побезпоковль—въ день смерти своей.

Всегда ровный, благодушный—ты невольно собиралъ насъ вокругъ себя. Бывало, одинъ ты сидишь въ своей комнатѣ, молчавъ; зайдешь къ тебѣ, помолчишь съ тобой, но съ тобой, какъ говорилъ одинъ изъ сослуживцевъ нашихъ, ¹⁾ пріятно было и помолчать. Какъ миренъ ты былъ въ жизни своей, такъ и въ вѣчность отошелъ мирно..

„*Какъ степной огонекъ*“ замерла жизнь твоя. Крѣпко захлопнулась крышка гробовая.. Спи мирно, спи спокойно, дорогой, милый, добрый человекъ, до будущаго всеобщаго воскресенія. Да пошлетъ тебѣ Господь то спокойствіе, тотъ миръ, то тихое пристанище, въ которыхъ ты нуждался здѣсь—на землѣ. Мы—сослуживцы твои—и дѣти и потомцы твои—сохранимъ о тебѣ самыя свѣтлыя воспоминанія. Если при жизни своей ты былъ слишкомъ одинокъ, то, по крайней мѣрѣ, теперь у тебя много близкихъ, дорогихъ.. Вѣчная признательная память тебѣ, дорогой незабвенный Петръ Алексѣевичъ! До будущаго свиданія въ томъ, невѣдомомъ намъ, загробномъ мірѣ!“

По окончаніи рѣчи Михаила Григорьевича, погребеніе Петра Алексѣевича было закончено, и гробъ съ его тѣломъ опущенъ въ могилу... Спи же, дорогой Петръ Алексѣевичъ, скажу тебѣ и я послѣднее слово, тихимъ, покойнымъ и непробуднымъ спомъ вѣчности въ землѣ, въ которой ты и мы всѣ рождены, и въ которую, какъ отечество наше, *а може и мы вси человѣцы поидемъ*, ты волнами моря житейскаго раньше насъ возвращенъ... Будь увѣренъ, что мы—твои товарищи—сослуживцы и ученики не забудемъ тебя въ своихъ молитвахъ и всегда будемъ помнить твою благородную душу и твое доброе сердце!..

Всѣ, любившіе Петра Алексѣевича ученики и товарищи по служ-

¹⁾ М. Д. Остр.

бѣ послѣ погребенія его собрались въ дорогое для покойника училище для послѣдней молитвы за него и поминовенія души его за скромной товарищеской трапезой.

Въ это время, раньше в послѣ было получено отъ лицъ близко и хорошо знавшихъ покойнаго нѣсколько телеграммъ и писемъ, сочувствующихъ горю корпораціи Куинянскаго училища въ утербѣ ея одного изъ старѣйшихъ и уважаемѣйшихъ членовъ своей небольшой дружной семьи... Телеграммы и письма были отъ Харьковскаго Духовнаго училища, въ которомъ много товарищей, сослуживцевъ и учениковъ покойнаго П. А.; отъ о. Ключаря, Харьковскаго Каѳедрального Собора Протоіерея І. Н. Гончаревскаго, отъ секретаря—преподавателя Харьков. музыкальнаго училища С. П. Кореницкаго; отъ преподавателя Бѣлгородской гимназіи А. И. Жадаповскаго; отъ помощника смотрителя Херсонскаго духовнаго училища А. И. Троицкаго, отъ контролера Еватернославскаго Акцизнаго управленія М. І. Самойлова; отъ наблюдателя церковно-приходскихъ школъ Старобѣльскаго уѣзда И. А. Руднева—старыхъ сослуживцевъ почившаго, отъ товарища по ученію его священ. сл. Можняковъ, Старобѣльскаго уѣзда о. Н. И. Попова и отъ пишущаго эти воспоминанія о Петрѣ Алексѣевичѣ ученика его, служившаго съ нимъ 16 лѣтъ въ Куинянскомъ духовномъ училищѣ.

В. Смирскій.

Иноепархіальный отдѣлъ.

По вопросу о публичныхъ бесѣдахъ съ сектантами.

На миссіонерскомъ епархіальномъ съѣздѣ духовенства, бывшемъ въ Симферополѣ въ сентябрѣ т. г. по вопросу о публичныхъ бесѣдахъ съ сектантами постановлено: 1) Вести публичныя бесѣды съ сектантами необходимо. Преосвященный епископъ Алексѣй указалъ на примѣръ первомученика Стефана, который, исполненный Духа Святаго, велъ бесѣду въ синагогѣ съ невѣровавшими іудеями, положивъ жизнь свою за истину Христовой вѣры. В. М. Скворцовъ указалъ на миссіонерское значеніе публичныхъ бесѣдъ съ сектантами и на тотъ интересъ, который онѣ возбуждаютъ, привлекая сотни и тысячи слушателей. 2) Но публичныя бесѣды

съ сектантами должны быть разсматриваемы, какъ крайняя кульминаціонная мѣра борьбы съ сектантствомъ, завершающая цѣлый рядъ, цѣлую систему мѣръ борьбы съ нимъ. Поэтому онѣ должны вестись въ ряду бесѣдъ прежде всего общаго релігіозно-нравственнаго содержанія, которыя должны служить предуготовительными къ нимъ и сопровождающими ихъ; общія релігіозно-нравственныя бесѣды прежде всего и по преимуществу должны устранять релігіозное невѣжество, въ которомъ имѣетъ свой корень сектанство, должны служить для утвержденія православныхъ въ истинахъ православной вѣры. 3) Какъ къ крайней мѣрѣ, въ веденію публичныхъ бесѣдъ съ сектантами должно относиться съ большою осторожностью — въ томъ соображеніи, что публичная бесѣда должна быть «горжествомъ православія». Поэтому публичная бесѣда должна происходить въ благопріятной для православнаго собесѣдника обстановкѣ. Когда можно ожидать таковой благопріятной обстановки для публичной бесѣды и когда по сему веденію ея было бы цѣлесообразно, рѣшеніе этого вопроса должно предоставить опытной предусмотрительности миссіонера. 4) Публичная бесѣда съ сектантами должна происходить въ опредѣленно назначенное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ, независимо отъ богослужебнаго собранія православнаго или сектанскаго. Слѣдовательно, еслибы сектанты предложили православному миссіонеру для веденія публичной бесѣды явиться въ ихъ молитвенное собраніе, то таковое предложеніе миссіонеръ по всей справедливости можетъ отклонить, указавъ, что вѣдь и мы никогда не предлагаемъ сектантамъ предварительно бесѣды присутствовать на нашемъ богослуженіи; публичная бесѣда должна происходить независимо отъ богослужебнаго собранія. 5) Веденіе публичной бесѣды съ сектантами должно быть обставлено пзвѣстными условіями, которыя бы исключали возможность сектанскому миссіонеру быть распорядителемъ бесѣды и вообще въ болѣе благопріятномъ положеніи чѣмъ какое создалось бы для православнаго миссіонера. 6) Въ случаѣ, если бы сектанты на публичной бесѣдѣ стали произносить похуленія на православную Церковь, слѣдуетъ запрещать имъ это подъ угрозой прекратить бесѣду, и если бы, не смотря на это, сектанты стали продолжать похуленія, — дѣйствительно прекращать бесѣду, указавъ присутствующимъ на неблаговидность поведенія сектантовъ. 7) Присутствіе дѣтей на публичныхъ бесѣдахъ съ сектантами нежелательно. 8) Безусловно важное миссіонерское значеніе имѣютъ частныя бесѣды съ сектантами и миссіонерскія противосектанскія бесѣды

полемико-апологетическаго содержанія. Послѣднія бесѣды, противосектанскія миссіонерскія, должны вестись въ ряду другихъ народныхъ чтеній и бесѣдъ, и прежде всего въ ряду чтеній и бесѣдъ общаго религіозно-нравственнаго содержанія, на которыхъ должны быть выясняемы истины православной вѣры и утверждаемы правила христіанскаго благочестія, способствуя такимъ образомъ религіозному просвѣщенію народа въ духѣ православной вѣры и воспитанію его въ правилахъ нравственной жизни, что и будетъ составлять главное средство въ борьбѣ съ сектанствомъ, такъ какъ будетъ устранять то, что составляетъ собственную почву для развитія сектанства (религіозное невѣжество и упадокъ нравственной жизни православнаго населенія). 9) Въ виду такого важнаго значенія бесѣдъ и чтеній общаго религіозно-нравственнаго содержанія и въ ряду ихъ противосектанскихъ бесѣдъ, веденіе ихъ необходимо повсемѣстное («Тавр. Церк. Общ. Вѣст.» № 29, 1907 годъ).

Разныя извѣстія и замѣтки.

О должности воспитателей въ духовныхъ семинаріяхъ.

Пензенскій енархіальный съѣздъ духовенства, по всестороннему и тщательному обсужденію вопроса объ учрежденіи института классныхъ воспитателей въ Пензенской духовной семинаріи, въ особенности нуждающейся въ болѣе лучшей постановкѣ воспитательнаго дѣла, постановилъ: Учредить должность воспитателей, въ видѣ опыта, для первыхъ двухъ классовъ, въ количествѣ пяти лицъ (трехъ для перваго класса и двухъ для втораго); и ассигновать изъ средствъ свѣчнаго завода на содержаніе ихъ въ теченіе 1908 года, считая по 10 рублей въ мѣсяць каждому, всего шестьсотъ (600) руб. Постановленіе утверждено Преосвященнымъ. (Пен. Еп. Вѣд. № 5).

Объ итальянскихъ масонахъ.

Послѣдствія избранія городскимъ головой города Рима бывшаго

гросмейстера италянскаго масонства англійскаго еврея Натано уже начинаютъ сказываться: однимъ изъ первыхъ проявленій его дѣятельности оказалось настойчивое проведеніе въ жизнь обязательнаго еженедѣльнаго отдыха, доходящее до жестокости.

Грустную картину представляетъ Римъ въ воскресный день, по словамъ корреспондента газеты „Libre Pape“. Если бы дѣло шло о сохраненіи святости воскреснаго дня, то это было бы хорошо; но злѣсь хлопчуть о еврейскомъ покоѣ субботы. „Зачѣмъ этотъ насильственный отдыхъ въ странѣ, въ которой работаютъ только четыре часа въ сутки?“ — восклицаетъ корреспондентъ: „Зачѣмъ римскія цвѣточницы или пеанолитанскіе продавцы финиковъ, которые расцѣвываютъ или спятъ всю недѣлю, должны подъ угрозой штрафа, воздерживаться отъ всякой работы въ воскресенье? Потому, что желаетъ Англія, отвѣчаетъ онъ самъ себѣ, потому что того требуютъ масонскія ложы“.

Дѣйствительно, даже во время свѣтской власти папъ, воскресный отдыхъ никогда не навязывался населенію Рима по-еврейски.

Да и вообще приходится, въ сожалѣнію, отмѣтить, что масоны ведутъ въ Италіи съ полнымъ цинизмомъ ту-же работу, которую они такъ успѣшно уже завершили во Франціи. Въ настоящее время они усиленно заняты проведеніемъ въ парламентѣ закона, запрещающаго духовнымъ лицамъ преподавать въ учебныхъ заведеніяхъ. Повидимому, планъ, составленный Полемъ Беромъ и предписанный къ исполненію Великому Востску — Франціи великой ложей Лондона, будетъ и тутъ проведенъ въ полномъ объемѣ и съ той же настойчивостью, какъ и въ Парижѣ. Масонамъ нѣтъ дѣла до того, что въ италянскихъ школахъ нѣтъ иновѣрческихъ дѣтей и поэтому даже нѣтъ повода для такъ называемой „нейтрализаціи школы“; но послѣдняя представляетъ одинъ изъ основныхъ догматовъ масонства; поэтому они и проводятъ его въ жизнь съ жестокостью фанатиковъ.

Натано, между прочимъ, не скрываетъ, что онъ намѣренъ изгнать всѣхъ духовныхъ служащихъ изъ римскихъ госпиталей, снять кресты съ погребальныхъ колесницъ и воспретить публичныя богослуженія и это — въ странѣ, гдѣ католическая религія — признана государственной.

И италянское правительство, повидимому, ничего не намѣрено предпринимать, чтобы умѣрить пылъ расходившихся масоновъ. Наоборотъ, оно производитъ впечатлѣніе полной зауганности и

приверженности, отступаетъ на всѣхъ пунктахъ, и не пройдетъ в двухъ лѣтъ, какъ масоны продѣлаютъ съ религіей въ Италіи то, что она сдѣлала уже во Франціи. Коли вѣтъ, — пробьетъ послѣдній часъ монархій. Въ королевскомъ дворцѣ отлично знаютъ, что Дюль-Карлъ португальскій погибъ по приговору масоновъ, и что если Мануэль слушается масонской указки, то только въ надеждѣ сохранить жизнь. Вотъ почему слѣдуетъ опасаться, что итальянское правительство не посмѣетъ противодѣйствовать всемогущей сектѣ и будетъ уступать до конца.

Мы же должны твердо помнить, что политика уступокъ ведетъ только къ самоуничтоженію.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Отъ протоіерея Т. И. Буткевича (Харьковъ, Газетный пер. д. № 5) можно пріобрѣтать слѣдующія книги его сочиненія:

1. Нагорная проповѣдь. Опытъ изложенія ученія Господа нашего Иисуса Христа съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою позднѣйшаго времени. По поводу лжеученія графа Л. Н. Толстого. Харьковъ. 1892. Ц. 1 р.
2. Зло, его сущность и происхожденіе. Харьковъ. 1897. Ц. 3 р.
3. Религія, ея сущность и происхожденіе. Въ двухъ книгахъ. Харьковъ. 1902, 1904. Ц. 5 р.
4. Религіозныя убѣжденія декабристовъ, Харьковъ. 1899. Ц. 10 к.
5. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстаго „Царство Божіе внутри насъ“ (Критическій разборъ). Харьковъ 1897. Ц. 60 к.
6. Религія москвитинъ (переводъ съ нѣмецкой рукописи 1702 г.) Харьковъ. 1899. Ц. 10 к.
7. Э. Ренанъ и его сочиненіе „Жизнь Иисуса“. Москва. 1904. Ц. 60 к.
8. Взглядъ Ренана на чудеса и пророчества въ евангельской исторіи. Харьковъ. 1904. Ц. 20 к.
9. Сужденіе Ренана объ источникахъ для жизнеописанія Господа нашего Иисуса Христа. Москва. 1905. Ц. 60 к.
10. Уроки первой французской революціи. (Изъ переписки друзей). Харьковъ. 1907. Ц. 75 к.

Книгопродавцамъ — обычная уступка.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. П. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Пиннокетій Борисовъ“. Біографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквяхъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. П. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) вкратчѣ“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ еднотвѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Саула и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. П. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руфь“. Преосвященнаго Пиннокетія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Липицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. П. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шпльтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Спегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“. Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются (были переводы философскихъ произведеній: Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жапе, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

акторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй ЮШКОВЪ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ ИСТОМИНЪ.